МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ по АРХЕОЛОГИИ СССР

8

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР № 8

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ

П. П. ЕФИМЕНКО и П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик Б. Д. ГРЕКОВ

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ДОНУ В VIII—X вв.

ВВЕДЕНИЕ

Памятники славянского прошлого всегда занимали важнейшее место в русской археологической науке. Не только старый Киев, Чернигов с его княжескими могилами, северная славянская столица — Новгород Великий и другие не менее выдающиеся центры древней Руси неизменно привлекали к себе внимание исследователей. Русская археология усердно занималась и многочисленными, часто безымянными, городищами и курганами, принадлежавшими сельскому населению. Славяно-русской тематике посвятили свои труды крупнейшие русские археологи — Д. Я. Самоквасов, В. И. Сизов, В. Б. Антонович, В. В. Хвойко, Н. И. Булычев, А. А. Спицын. Их исследования не замыкались при этом рамками чисто археологических интересов, они пытались решать и большие вопросы исторического порядка, приоткрывая завесу над многими, дотоле неизвестными страницами нашей истории.

Изучение славянских древностей в России ограничивалось, однако, почти исключительно хронологическими пределами древней Руси. Предшествующие периоды исторической жизни восточного славянства, как правило, оставались вне поля зрения археологической науки. Объяснялось это не только тем, что замечательные памятники русского средневековья, всегда обещавшие ценные находки, поглощали много внимания и труда. Русская археология не занималась древним славянством прежде всего потому, что в исторической науке господствовали взгляды о чрезвычайно позднем появлении славян на восточноевропейской равнине. Попытки некоторых археологов возражать против этих, ставших традиционными, представлений, не встречали сочувствия и оставались бесплодными.

Большой заслугой советской археологической науки является то, что она сумела сломать эту старую традицию. Не приостанавливая исследований в области русского средневековья, археология проникла вглубь предшествовавших столетий и, собственно говоря, впервые раскрыла для исторического исследования большую и сложную эпоху восточнославянской жизни, известную лишь по отрывочным и случайным сведениям, попавшим в легендарную часть Начальной летописи или в известия арабских и византийских авторов. Археологические открытия в этой области сразу же были восприняты исторической наукой. Именно с их помощью был разрешен старый спор о том, была ли древняя Русь преимущественно охотничьей или земледельческой страной. Не мало способствовали археологические открытия разгрому пресловутой норманской проблемы. С помощью археологических данных уточняется этногеографическая картина древнего славянства восточноевропейской равнины, исследуются древние связи славян с соседними племенами и государствами, намечаются пути колонизационных движений, делаются попытки проникнуть в тайну славянского этногенеза и т. д.

Среди новых археологических данных, рисующих восточное славянство накануне возникновения древнерусского государства, получили широкую известность материалы воронежских городищ, исследованных в 1928—1933 гг., полная публикация которых составляет содержание настоящей книги.

Научная ценность этих материалов заключается в том, что они являются результатом исследования не одного отдельно взятого памятника — селища или городища, а древних поселений целого района в среднем течении р. Дона и низовьях р. Воронежа. Изучение этих памятников велось при этом в значительных масштабах. Были раскрыты обширные участки древних поселений со всеми находящимися в их пределах остатками жилых и хозяйственных построек, производствен-

ным и бытовым инвентарем и т. д. Относительно высокая сохранность материалов позволила изучить их со многими, часто мелкими деталями, обычно ускользающими от внимания археолога. Вместе с поселениями-городищами подверглись раскопкам и сопровождающие их курганные могильники, точно так же оказавшиеся очень интересными. В итоге удалось воскресить картину жизни одного из восточнославянских племен, обитавшего в VIII—X вв. на далекой юго-восточной окраине славянских земель, картину, охватывающую не только экономику и быт этого племени, но и его семейное и общественное устройство.

Публикуя материалы воронежских городищ, известные до сих пор лишь по предварительному отчету, авторы исследования полагают, что их труд значительно расширит представления о древней славянской жизни и принесет, таким образом, несомненную пользу советской исторической науке.

1

Татаро-монгольское нашествие на Русь, последовавшее за опустошительными половецкими набегами, особенно тяжело отразилось на судьбах населения, жившего по окраинам степей. Если почти по всей Руси, в результате татарского вторжения, города и многие села были разрушены и значительная часть населения из южных районов отступила на север, то юго-восточная окраина русских земель после многократных нападений татар подверглась особенному разорению и на два-три столетия превратилась почти в пустыню.

По свидетельству русского путешественника, проехавшего по течению Дона в конце XIV в. «...бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочито зѣло видѣніемъ мѣста, точію пусто же все и не населено; нигдѣ бо видѣти человѣка точію пустыни веліа...» [1]

Эта картина, вероятно, несколько преувеличена. Интересно отметить, что голландский монах Рубрук, посетивший Золотую Орду в 1253 г., т. е. немного позже нашествия Батыя, упоминает о встреченном им на Дону русском поселке. [2]

Судя по тому, что этот поселок, по сообщению Рубрука, находился на границе степи и леса, в том месте, где «река имеет... на западном берегу большой лес», его следует искать, повидимому, где-то в пределах Воронежского края. Жители поселка, по словам Рубрука, были обязаны перевозить на лодках через Дон «послов и купцов». Они занимались земледелием, сеяли рожь и просо, имели лошадей и быков, ловили рыбу.

Судя по историческим данным, русское население на Дону не было значительным и в более раннее время, в XI—XII вв. Рязанские владения в этот период не простирались южнее верховьев Дона. Расположенные здесь города Елец и Тешев, вместе с Курском и другими более западными городами по Сейму, Пелу, Ворскле и по верхнему течению Донца, составляли основные опорные пункты русской оседлости по окраине степи. О том, что течение Дона не входило в XI в. в состав территории, прочно занятой русским населением, косвенно свидетельствует и Начальная летопись, где отсутствуют какие-либо упоминания о славянах на Дону. Очевидно, говоря о прошлом, о событиях IX—X вв., автор «Повести временных лет» и его предшественники считались с современной им исторической действительностью.

Археологические материалы вполне подтверждают этот вывод. К югу от границ Рязанской области, в районе Воронежа как по нижнему течению р. Воронеж, так и на Дону — почти совершенно отсутствуют русские памятники XI—XIII вв. Здесь нет ни обычных русских городищ этого времени, ни следов сельских поселений, ни курганных могильников.

О наличии отдельных и, видимо, небольших славянских поселений XI—XIII вв. говорят, однако, такие данные. В 1928 г. возле Лисок, к югу от Воронежа, в обрыве песчаной террасы левого берега Дона, у оз. Богатого, Н. В. Валукинским было найдено древнее погребение, с вещами, относящимися к XI—XIII вв. При этом погребении особенно интересным оказался глиняный сосуд, вылепленный от руки и слабо обожженный, но имеющий орнамент из параллельных и волнистых линий, явно повторяющий узор русской гончарной керамики великокняжеской эпохи. [3]

При наших раскопках палеолитической стоянки в с. Борщеве, Воронежской обл. (Борщевская I стоянка), на склоне правого берега Дона было встречено русское женское по-

[1] ПСРЛ, т. XI, Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, СПб., 1897, стр. 96.

[2] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 87

[3] Скелет обнаружен на глубине около 1 м, в могильной яме прямоугольных очертаний; положение его на спине, ориентировка головой на запад. При погребении (видимо, женщине) у головы были найдены с одной стороны два глиняных пряслица, с другой — глиняный сосуд. Сосудик небольшой, высотой 14—14.5 см, пряслица изготовлены из обломков глиняной посуды. Их диаметр 3,9 и 4,3 см (Рукописный отчет Н. В. Валукинского за 1928 г.)

гребение, при котором оказался орнаментированный пластинчатый браслет XI—XII вв.

Помимо этих погребений, на территории Воронежской области можно указать еще две-три случайные находки русских вещей XI—XIII вв., принадлежавших, как и описанные выше погребения, каким-то отдельным поселенцам, оторвавшимся от сплошного массива русского населения.

Совершенно иную картину рисуют данные, восходящие к предшествующим столетиям. Сочинения авторов IX—X вв. и археологические материалы говорят о том, что русские поселения простирались в то время значительно дальше к югу. В VIII—X вв. обширная область верхнего и среднего течения Дона была занята одним из русских (восточнославянских) племен. Последующее запустение края и отлив отсюда русского населения, несомненно, должны быть поставлены в связь с теми бурными событиями эпохи Святослава, в конечном результате которых произошло падение некогда могущественной хазарской державы.

Широкое распространение в бассейне Дона названий рек славянского происхождения уже давно привлекало к себе внимание историков. К ним относятся такие названия, как Воронеж, Ворона, Сосна, Медведица и др. Поскольку многие из них известны в источниках, предшествующих XV в., когда началась новая колонизация края, их древнее славянское происхождение не может вызывать никакого сомнения. [1]

Мы имеем и прямые свидетельства о русском населении на Дону, относящиеся к IX—X вв. На Востоке в эти столетия Дон называли русской или славянской рекой. Об этом рассказывает, например, Табари и другой арабский писатель середины IX в. Ибн-Хордабде. То же самое мы находим у Ибн-Хаухаля и одного анонимного персидского автора X в. [2] Масуди, живший в первой половине X в., также называет Дон славянской рекой в Хазарии. «Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях». [3] По словам Масуди, славяне жили даже в столице Хазарии, составляя войско и придворный штат кагана. В 913 г. руссы предприняли большой поход на ладьях по Дону и, получив разрешение хазарского царя, переправились на Волгу и грабили берега Каспия. [4]

Судя по археологическим данным, в VIII—X вв., когда хазарам удалось подчинить своей власти ряд русских племен — вятичей между Доном и Окой, северян на Десне, Сейме и к югу от них, полян на среднем Днепре,— передовые хазарские укрепления почти непосредственно примыкали к землям славян. В бассейне Дона хазарские поселения известны от верховьев Донца, где находится известное Салтовское городище, на восток к Осколу и далее в направлении Маяцкого городища, расположенного на Дону при впадении в него р. Тихой Сосны — приблизительно в 75 км к югу от г. Воронежа. Границу хазарских владений дают возможность установить городища с остатками укреплений, сложенных из камня (вроде Салтыковского и Маяцкого), и с соответствующим составом находок и сопровождающие их катакомбные могильники. На Дону замечательное Маяцкое городище следует считать самым северным из известных здесь больших укрепленных пунктов, принадлежавших хазарам.

Древнейшие из исследованных до сих пор погребений в катакомбных могильниках, расположенных в бассейне Дона, восходят к началу VIII в. [5] Наиболее поздние из катакомбных могильников, судя по раскопкам в Салтове, относятся к X в. [6]

К северу от Маяцкого городища, километрах в 35—40, т. е. на дневной переход от него, начинается цепь укрепленных поселений совершенно иного характера, с другим составом находок. Они расположены обычно на высоких речных берегах и сопровождаются курганными могильниками. Такие городища известны на Дону у с. Голышевки, [7] затем у с. Боршева — Большое и Малое Боршевские городища, далее в с. Костенках, где на древнем городище расположилось более позднее русское сторожевое укрепление. Имеются в большом числе укрепленные поселения и севернее, по Дону и по р. Воронежу, где целый

---

[1] И. И. Срезневский. Русское население степей и южного Поморья в IX—XIV вв. Изв. Акад. Наук по Отд. русск. яз. и словесн., т. VIII, стр. 316.

[2] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 166.

[3] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 125 и сл.

[4] Об этом см. в работе В. В. Бартольда. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 37—39.

[5] Датирующим признаком являются находки простых Т-образных фибул — наиболее поздних вещей этого типа, известных в Северном Причерноморье (А. Малютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище Изв. Археол. ком., вып. 29, СПб., 1909, стр. 156 и 160).

[6] Погребения XI—XIII вв., открытые М. И. Артамоновым у станицы Цымлянской (предполагаемый Саркел), носят уже иной характер и определяются по археологическим и антропологическим данным как русско-половецкие.

[7] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. Изв. Археол. ком., вып. 43, стр. 76—78. Автор ошибочно датирует городище эпохой XV—XVI вв.

ряд их идет от устья этой реки к г. Воронежу и дальше вверх по правому берегу реки.

Время этих городищ и курганов определяется достаточно точно. Они датируются находками арабских дирхемов, относящихся к IX и первой половине X вв.; к той же, во всяком случае не более поздней, эпохе относятся встречающиеся здесь бусы, украшения из металла и некоторые другие бытовые предметы, т. е. такие вещи, которые дают возможность судить о времени поселений. Полное отсутствие в составе вещественного инвентаря каких-либо вещей XI—XII вв. показывает, что все эти поселения перестали существовать к концу X — началу XI вв. Курганы с трупосожжением, исчезающие, как правило, к XI в., также ограничивают время существования этих поселений предшествующими столетиями.

Оставившее их население не было здесь случайным. Об этом говорит массовый характер памятников, указывающий на заселенность края однородной этнической группой.

Значительные размеры некоторых из воронежских городищ, например городища у Михайловского кордона под г. Воронежом, занимающего площадь свыше 20 га с остатками многих сотен жилищ, указывают на долговременное существование многих из этих городков или укрепленных поселений. Нет сомнения в том, что они были оставлены древним русским населением края; это явствует уже из приведенных выше исторических справок. Их археологическая интерпретация вполне подтверждает правильность такого вывода.

Дело в том, что воронежские городища составляют лишь одну из территориальных групп русских памятников второй половины I тысячелетия н. э. Последние мы можем проследить для этой эпохи на всем пространстве Восточной Европы, занятом восточнославянскими племенами. Нам известно, что памятники подобного типа идут сплошной полосой от воронежского течения Дона на запад к Сейму, Псле и Ворскле. Здесь повсюду встречаются такие же городища и курганные могильники с остатками трупосожжений. Подобные же памятники хорошо известны по средней и верхней Оке, по Днепру до его истоков и дальше в области верхней Волги и Валдайской возвышенности, не только до Ильменя, но и в области древней Новгородской земли до берегов Чудского и Ладожского озер.[1]

Древнейшие волховские сопки в окрестностях Старой Ладоги, исследованные И. Е. Брандербургом, относятся к концу VII и началу VIII вв. Еще к более раннему времени, к VII и VI вв., восходят так называемые длинные курганы с сожжением, встречающиеся в Новгородской и Смоленской землях, которые также могли принадлежать только славянскому населению края. Их объединяют с русскими памятниками IX—X вв. и особенности погребального обряда, столь отличающие их от могильников поволжских племен, и характер вещественных остатков, не позволяющий включать их в круг хорошо известных памятников восточнобалтийской группы, распространенных на территории Литовской, Эстонской ССР и Финляндии. Каменные кладки и курганы из камней, являющиеся одним из наиболее обычных типов намогильных сооружений восточной Прибалтики, видимо, никогда не были в употреблении у русских племен лесной полосы Восточной Европы.

Курганы с трупосожжением, исследованные И. И. Булычевым и В. А. Городцовым на средней Оке в Шанькове, Почепках, в Воронцовской курганной группе и др., дают возможность довольно точно датировать ранние русские памятники для этой, более южной территории. Встречающиеся в них очень характерные фибулы «окского» типа, известные и по находкам в рязанских могильниках, восходят к V—VII вв.[2]

Нижнюю хронологическую границу воронежских городищ, на основании имеющихся сейчас материалов, можно отодвинуть не далее VIII в. Однако вопрос о времени появления здесь славянского населения нельзя считать окончательно решенным до проведения специальных исследований.

II

Проведенные в течение нескольких лет раскопки древнерусских памятников Воронежского края позволяют составить вполне определенное представление о жизни русского населения Подонья в VIII—X вв.

В указанные столетья этот край, удаленный от основных центров формирующейся русской государственности, являлся глухой окраиной. В быту населения здесь сохранялись многие архаические черты, присущие эпохе, предшествовавшей возникновению Киевской Руси. Это обстоятельство делает публикуемые ниже материалы особенно интересными, так как они проливают свет на эпоху, в настоящее время менее всего исследованную.

В 1928—1929 гг. раскопки были произведены на двух городищах в районе с. Боршева на правом берегу Дона — в Большом и Малом Боршевских городищах, на двух городищах в окрестностях г. Воронежа — Кузнецовском и Михайловском и, наконец, на курган-

[1] И. И. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

[2] По времени своего бытования они совпадают с так называемыми пальчатыми фибулами более раннего типа (стадия Д-1 рязанских могильников)

ных могильниках, принадлежащих населению как боршевских, так и воронежских городищ.[1] В последующие годы раскопки на Кузнецовском городище были продолжены Воронежским Областным музеем. Удалось познакомиться также с рядом других славянских го-

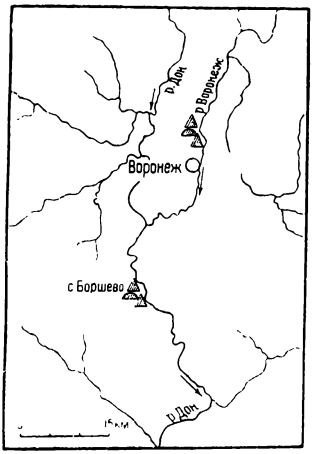


Рис. 1. Карта памятников, исследованных во время работ 1928—1929 гг. — курганная группа; ▼ городище.

родищ, селений и могильников этого края, в основных чертах повторяющих памятники, изученные путем раскопок.

По внешнему виду, выбору места для укрепленных поселений, защитным сооружениям и другим особенностям воронежские городища, оставленные древнерусским населением края, на первый взгляд не отличаются от всех других древних городищ лесной полосы европейской территории СССР. В частности, они близко напоминают так называемые дьяковы городища, которые появляются на Оке, верхней и средней Волге уже в I тысячелетии до н. э. Для сооружения этих укрепленных поселений обычно использовались отроги высокого коренного берега реки, окруженные крутыми склонами. Конец отрога, отделенный валом, составлял укрепленную часть поселения. Внутри укрепления, а иногда и вне его, располагались жилища.

С этими городищами исследованные нами воронежские городища сближаются и по характеру остатков жилищ-землянок, а также по простоте и относительной бедности встречающегося на них бытового инвентаря. Поэтому при первом знакомстве с этой южной группой лесных городищ их склоны были относить если не вполне к одному времени с дьяковыми городищами, то во всяком случае к одному и тому же типу древних поселений.[2]

Однако внешние признаки позволяют заметить и существенные различия между той и другой группой памятников. Если дьяковы городища, как правило, отличаются небольшими размерами, то воронежские памятники достигают, наоборот, в иных случаях очень большой величины. Приведенные выше размеры городища у Михайловского кордона (более 20 га) дают представление о таком поселении, целом городке, с населением, насчитывавшим не одну тысячу человек. Естественно, что и система укреплений у городищ Подонья была уже несколько иной. При сооружении поселений, занимающих такую огромную площадь, значительно в меньшей мере могли быть использованы для защиты естественные особенности местности — крутые склоны речных террас. Поэтому валы и рвы воронежских городищ, подобно укреплениям древних русских городов (например старой Рязани или Киева эпохи Ярослава), имели большую протяженность. Для сооружения поселений выбирались ровные открытые места у края высокого берега реки, господствующие над речной долиной. Их наружный вал, нередко входящий в состав целой системы валов (Михайловское городище, Голышевка), имел дугообразную форму и очерчивал пространство в виде широкого неправильного сектора. Внутри наружной линии укреплений площадь поселка иногда разделяли валы меньших размеров. Судя по их расположению, видно, что эти укрепления относятся к эпохе возникновения городка. Позже валы эти стали недостаточными, и для защиты разросшегося поселка были воздвигнуты новые.

Большие воронежские городища имели, очевидно, уже совсем иной характер, чем более древние городища. Их многочисленное население не имело ничего общего с теми первобытными, очень замкнутыми патриархально-родовыми общинами, которые в I тысячелетии до н. э. сооружали первые укрепленные поселки в глухом лесном крае на междуречье Оки, Днепра и Волги. Дальнейшие исследования, которые помогут более полно осветить историю древнерусских поселений в Воронежском крае, позволят, вероятно, судить и о том, в каких условиях происходило разрастание этих поселков и как видоизменялся в эти

[1] В раскопках 1928—1929 г., проведенных под руководством П. П. Ефименко, участвовали П. И. Борисковский, В. К. Быстржинский, Н. В. Валукинский, Е. Ф. Лагодовская, Д. Д. Леонов и П. Н. Третьяков.

[2] В частности, исследованное нами Большое Боршевское городище первоначально было отнесено А. А. Спицыным к группе верхнеокских дьяковых городищ (А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. Зап. Отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 93)

столетия, предшествующие эпохе сложения русского феодализма, старый родоплеменной уклад их населения. О тех наблюдениях, которые удалось нам сделать в результате раскопок 1928—1929 и последующих годов, будет сказано ниже.

На древнеславянских городищах в районе Воронежа ни разу не были обнаружены остатки каких-либо каменных стен или других сооружений, например фундаментов построек, что составляет обычное явление на более южных городищах салтовско-хазарского типа. В качестве строительного материала обитатели древних славянских городков пользовались деревом, а также землей. Из этих материалов сооружались как укрепления, окружавшие поселения, так и жилища, многочисленные остатки которых, открытые раскопками 1928—1929 гг., представляют исключительный интерес.

Материалы раскопок дают полное представление о виде и устройстве жилищ славянского населения Подонья IX—X вв. Эти жилища значительно отличались от тех построек, которые бытовали в эту эпоху у более северных древнерусских племен, населявших верховья Днепра, Верхнюю Волгу и Прильменье. Судя по материалам, из раскопок земляного городища в Старой Ладоге, там уже в это раннее время (возможно, что и значительно раньше) складывается тип жилища, в сущности ничем не отличающийся от обычной русской рубленой, однокамерной, бревенчатой избы.

Особенностью, характерной для жилых сооружений всех воронежских городищ, является их углубление ниже уровня почвы. В квадратную яму глубиной около 1 м, почти вплотную к ее стенам, ставился сруб из нетолстых дубовых бревен размером около 4 м в квадрате. В некоторых случаях нижние венцы сруба еще сохранились и по ним можно судить о характере постройки в целом. Пространство между срубом и ямой тщательно забутовывалось меловым щебнем или забивалось глиной. Чтобы предотвратить прогибание стены при оседании земли, по углам помещались массивные столбы, укрепленные в полу жилья. Подобные столбы, часто двойные, ставились и по середине линии стен. Они служили не только упором для сруба, препятствуя его деформации; еще более важным их назначением было поддерживать поперечные балки, на которых держалась кровля жилища. Нередко сруб заменялся досками, вернее «пластинами», наколотыми из толстых дубовых стволов, которыми с помощью стояков обкладывались стены ям. В этом случае верхняя наружная часть стен, вероятно, забиралась плетнем.

Судя по расположению стояков, поддерживавших крышу, опорные ямки от которых сохранились во всех жилищах, основной лежень — «матица» крыши — укреплялся на двойных опорных столбах. Крыша была невысокой, двускатной. Как стены, так и кровля снаружи были засыпаны землей, что имело, очевидно, целью утепление внутреннего помещения. Пол жилища был земляным.

Из внутренней обстановки жилищ наиболее важную часть представляет очаг, расположенный всегда в одном из углов помещения рядом с угловым стояком, поддерживающим крышу. Подробное описание устройства очага читатель найдет в последующем изложении. Здесь же отметим, что в большинстве жилищ были обнаружены остатки «каменки» — примитивной печи из камней, сложенных без глины. Встречаются, однако, и лучше устроенные печи, сложенные из камней на глине. Такая печь, имевшая правильные прямоугольные очертания, очень напоминает старинную «курную» печь, хотя и отличается от нее значительно меньшими размерами.

Рядом с очагом, несколько выше в стене, должно было находиться волоковое окно, служившее как для освещения жилища, так и для выхода дыма. На Большом и Малом Боршевских городищах, где ямы для сруба вырубались в мелу и часто имели довольно высокие стенки, удавалось иногда заметить глубокую выемку в наружной стене, прилегающей к очагу. Последнюю, очевидно, следует рассматривать как остаток такого дымового отверстия.

Изредка вдоль стен (слева от очага) встречаются остатки каких-то деревянных настилов — вероятно, нар.

Жилище, встреченное нами на воронежских городищах, до начала XX в. переживало в Подонье в виде так называемого куреня, которым пользовались, например, рыбаки. Курень — постройка временного характера, однако достаточно отепленная, чтобы в ней можно было жить и в холодное время года. Ее можно назвать землянкой или, правильнее, полуземлянкой — она состоит из прямоугольного помещения, углубленного в землю, в известных нам случаях размером 3 на 4 м и глубиной 75—100 см. Кровля бывает низкая, двускатная или плоская, сложенная из основных балок и упирающихся в них слег; последние перекрыты плетнем или просто ветвями. Все это поддерживается вертикальными столбами, расположенными совершенно так, как в землянках древних городищ. Поверх кровли куреня толстым слоем насыпается земля. Извне сооружение имеет вид круглого холма или невысокого кургана, достигающего в диаметре до 10 м. Его жилое назначение выдает лишь низенькая дверь с лицевой стороны, ведущая вниз, внутрь землянки, и простое, прикрытое плетневым щитком, оконце находящееся в углу, в том месте, где в древ-

них жилищах помещался очаг. Любопытно, что к этому очагу ведет узкая выемка в грунте, вполне соответствующая такой же выемке в некоторых землянках Боршевских городищ.

Сходство этих типов построек — древней и современной — приходится считать неслучайным. Известно, как долго бытовал курень в роли очень распространенного вида жилья на степных окраинах русского государства — одинаково в казачьих станицах на Дону, так и в Запорожье.

В области южной группы восточнославянских племен, в эпоху, предшествующую XI—XII вв., жилище-полуземлянка имело, повидимому, широкое распространение. Такие жилища были открыты Н. Е. Макаренко при исследовании группы роменских городищ в бассейне Сулы. Судя по сделанным в них находкам, они относятся к тому же времени, что и воронежские, а может быть являются несколько более древними. По течению Ворсклы полуземляные жилища на славянских городищах были открыты у с. Петровского [1] и в ряде других мест.

Все эти факты ставят вне сомнения достоверность исторических сведений о славянском жилище, идущих от тех же IX—X вв. О полуподземных жилищах славян говорит анонимный персидский автор X в. и многие арабские авторы. По словам Ибн-Русте: «В земле Славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, их поливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны». [2]

Эти свидетельства толковались ранее некоторыми историками как ошибочные, проистекавшие якобы из смешения арабами жилища славян с бытовавшей у них обычной русской баней-каменкой. Теперь их подлинность приходится признать достоверной, тем более, что и у ближайших соседей славян — хазар, как показали раскопки Маяцкого городища, население так же широко пользовалось жилищами типа землянок. [3]

У более северной группы восточнославянских племен жилища по тем же арабским источникам представляли деревянные наземные постройки, что вполне согласуется с археологическими данными.

Замечательной особенностью исследованных нами жилищ является соединение их внутренними переходами. На Большом Боршевском городище, где раскопками был раскрыт большой комплекс жилых сооружений, почти все они имели внутреннее сообщение. В состав этой группы жилищ входили и помещения хозяйственного значения. Здесь же рядом находились погреба или кладовые в виде ям, высеченных в толще мела. Сделанные в некоторых из них находки большого количества рыбьих костей и чешуи показывают, что эти ямы служили, в частности, для хранения вяленой или мороженой рыбы.

Соединение жилищ крытыми переходами вызывалось, очевидно, тем обстоятельством, что обитатели их составляли единую общину, вероятно большую патриархальную семью. Для разных эпох первобытной истории, во всех известных нам случаях, этот достаточно распространенный обычай — соединение многих жилищ в одно целое — всегда находит объяснение в прочных еще устоях родового строя.

Однако такой тип жилищ не был общим для всех исследованных нами поселений. Наиболее яркую картину в этом отношении дает Большое городище у с. Боршево. В других же поселках жилища располагались или по одному или совсем небольшими группами. Возможно, что в этом следует видеть хозяйственное обособление отдельных семей, возникающее в процессе распада старых родовых связей, что вполне естественно ожидать в эпоху IX—X вв.

Подобные многокамерные жилища, видимо, существовали у южной группы восточнославянских племен с древности. В «Стратегиконе», военном трактате VI—VII в., автором которого раньше считали византийского императора Маврикия, имеются интересные сведения о том, что склавины и анты в своих жилищах устраивали много выходов, облегчавших им возможность спасаться в случае угрожающей опасности. Если сообщение «Стратегикона» отвечает действительности, в чем нет оснований сомневаться, здесь мы, очевидно, имеем указание на сложное жилище, состоящее из помещений, скрытых под землей, с внутренними переходами и лазейками, выходящими в разные стороны.

Упомянутый нами Маврикий Стратег, несомненно, был близко знаком с нравами описываемых им народов. Он очень живо рассказывает о жизни склавинов и антов, об их лесных убежищах, скрытых среди рек и болотистых низин, защищенных ущельями и крутизнами, где они ведут войну, пользуясь своим

[1] Раскопки Института археологии АН УССР под руководством П. Н. Третьякова, 1938.

[2] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 32, 33.

[3] А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. Изв. Археол. ком., вып. 29, 1909, стр. 162; вып. 13, 1911

знанием лесных трущоб и прибегая к всевозможным хитростям и уловкам. Маврикий Стратег описывает склавинов и антов как народ, который, несмотря на жизнь в лесах, усердно занимается земледелием и имеет «бесчисленное множество всяческих плодов, сложенных кучами, больше всего — пшеницы и проса».

Обе эти черты — жизнь в лесах, обусловившая развитие всевозможных лесных промыслов, и занятие земледелием и скотоводством — отмечают на протяжении VI—X вв. все писатели, имевшие дело с восточными славянами. Эти особенности образа жизни последних находят свое яркое выражение и в материалах, относящихся к воронежским городищам.

До сих пор городища этой эпохи под Воронежом, так же как одновременные им древнерусские городки по Ворскле, Пслу и другим рекам левобережной Украины, поражают наблюдателя своей недоступностью. Они бывают расположены и сейчас среди едва проходимой лесной чащи, защищены болотистыми низинами, озерами и топями заливной долины, а также обрывами и оврагами высокого берега, где занимают особенно трудно доступный пункт. Характер отбросов пищи, встречающихся на городищах,— обилие остатков рыб, костей диких животных, в том числе лося, благородного оленя, косули, дикого кабана, медведя, бобра (последнего в особенно большом количестве) и пр.,— указывает на лесной ландшафт и близкое соседство воды.

Основой хозяйственной деятельности славянского населения Подонья в IX—X вв. были, однако, не охота и рыболовство, а пашенное земледелие. Об этом свидетельствуют находки больших ручных жерновов и особого помещения для размола зерна на Большом Боршевском городище; наличие многочисленных хлебных ям, находки зерен проса, наконец, находка на городище у Кузнецовой дачи особого закрома, наполненного пшеницей. Интересно устройство этой кладовки: для предохранения зерна от почвенной влаги она была тщательно выложена берестой.[1]

Если считать, что русское население Верхнего Подонья было вятическим, как это предполагал и академик А. А. Шахматов,[2] для нас особенное значение приобретает сообщение, сохранившееся в Начальной летописи, что вятичи в эпоху Святослава давали хазарам дань от рала.[3]

Косвенным, но достаточно серьезным аргументом, свидетельствующим о пашенном земледелии, являются отмеченные нами выше огромные размеры отдельных исследованных нами поселений. Если бы обитатели Подонья в IX—X вв. практиковали примитивное подсечное земледелие, они должны были бы селиться так, как требует эта форма земледельческого хозяйства,— небольшими поселками.

Находки железных сошников на древнерусских городищах IX—X вв. до сих пор, правда, неизвестны. Они появляются на русской территории в большом числе только в следующие столетия.[4] Не встретились они и на воронежских городищах. Это обстоятельство приходится, возможно, объяснить недостаточностью наших сведений, хотя это могло зависеть и от неразвитого характера земледельческого хозяйства, в котором в качестве основного орудия могли еще удерживаться деревянный плуг или рало.

Судить в полном объеме по находкам костей домашних животных на городищах о степени развития скотоводства несколько затруднительно, поскольку далеко не все животные в эту эпоху в равной мере могли употребляться в пищу. Так, например, находки остатков лошади составляют сравнительно небольшой процент к общему числу особей домашних животных. Зато в наших раскопках очень выпукло выступает хозяйственное значение рогатого скота и домашней свиньи.

Интересно, что в числе других домашних животных на Большом Боршевском городище представлен и азиатский двугорбый верблюд. О значении этого животного в караванных сношениях руссов с югом имеются прямые свидетельства арабских писателей. Возможно, что население воронежских городищ пользовалось верблюдами для торговли с хазарским Поволжьем.

Значительно меньше, чем можно было бы ожидать, учитывая хорошее состояние остатков жилищ, дают наши раскопки для восстановления хозяйственного и бытового инвентаря. Можно думать, что исследованные нами городища были покинуты населением в такой обстановке, которая давала возможность вынести все, что представляло ценность. В большом количестве во всех раскрытых раскопками жилищах встречалась только глиняная посуда, иногда в виде целых сосудов, чаще в виде обломков.

Подавляющее большинство керамических изделий представлено очень характерной толстостенной посудой с бугристой поверхностью, сделанной от руки, без гончарного круга. Она приготовлялась из слабо промешанной глины, содержит примесь шамота или кварца и ор-

[1] Такой способ хранения зерна был известен и северным русским племенам. В слое, относящемся к X в., на городище Старой Ладоги при раскопках В. И. Равдоникаса (1938 г.) была найдена подобная же кладовая. Ее пол был выстлан свитыми длинными полосами бересты.

[2] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей.— Изв. Акад. Наук, 1907, стр. 715 и сл.

[3] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 27.

[4] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв ГАИМК, т. XIV, вып. 1, 1932, стр. 26—28.

наментировалась обычно только по венчику — насечками, вдавлением или зубчатым чеканом. Некоторый процент сосудов имеет тот же зубчатый (гребенчатый) орнамент, расположенный в виде «городков» (ломаной линии) или ряда параллельных косых отпечатков в верхней части сосуда. Наиболее обычным видом этой посуды являются горшки разных размеров. Кроме них встречаются мисы, тарелки и большие глиняные противни. Керамика этого типа составляла целиком продукт домашнего производства и изготовлялась на месте.

Довольно близко к ней стоит глиняная посуда, в одних случаях отличающаяся несколько лучшим качеством теста и лучшим обжигом, в других — такая же грубая по внешнему виду, как и господствующий тип сосудов, но изготовленная на гончарном кругу. Эти категории керамических изделий приходится связывать с зарождающимся ремесленным гончарным производством, еще сохраняющим свои неразвитые формы.

Другую, также очень характерную, группу керамики составляет тонкостенная, хорошо выжженная посуда, частью привозного происхождения. К ней относятся кувшины и амфоры, всегда изготовленные уже с помощью гончарного круга. Что касается амфор, нужно думать, что они попадали в окрестности Воронежа с юга, в качестве «тары» для вина, растительного масла, соли и т. д. Встречающиеся на городищах (и в курганах в качестве погребального инвентаря) кувшины из красной или серой глины, иногда же с черной лощеной поверхностью, отличающиеся тщательной выделкой, также имеют большое сходство с посудой южных хазарских городищ. Однако нельзя считать исключенным, что они могли изготовляться и местным, русским населением. Начинавшее складываться гончарство могло заимствовать у южных соседей технические навыки, необходимые для изготовления этой ценной посуды.

На такое предположение наталкивают следующие факты: во-первых, типичные «хазарские» (салтовские) виды посуды здесь встречаются все же не так часто и, во-вторых, местное производство прекрасных кувшинов «южного типа» установлено для древнерусских поселений на территории Полтавщины.[1]

В свете того, что было сказано выше, следует оценивать и характер других находок, сделанных на исследованных нами городищах. Слабым развитием ремесленного производства и торгового обмена приходится объяснять, например, довольно частые находки вещей, сделанных из кости и рога. Последние, несомненно, изготовлялись на месте в рамках домашнего хозяйства, о чем свидетельствуют заготовки из роговых материалов, часто встречающиеся в жилищах.

Различные изделия из металлов (железа, меди, серебра и золота), которые имели в эту эпоху достаточное распространение в среде населения придонских городков, представлены в наших раскопках небольшим количеством находок. Это, однако, нельзя толковать в качестве указания на неразвитость металлургии, в частности производства железа, и ограниченные возможности получения металла извне.

Обнаруженные на городище у Кузнецовой дачи, расположенном на окраине г. Воронежа, остатки нескольких мастерских, где происходила выплавка кричного железа из местной железной руды, не оставляют сомнения в том, что добывание этого необходимого металла составляло одно из постоянных и важных занятий населения городка. Однако с точки зрения металлургической это производство стояло еще на очень невысокой ступени развития.

Говоря об украшениях, которые часто имеют существенное значение для археолога не только в качестве показателя уровня развития техники, торговых связей и пр., но и как один из важных признаков этнографической принадлежности древнего населения, нельзя не вспомнить одно любопытное обстоятельство. Последнее в известной мере может объяснить нам редкость находок украшений не только в древнерусских городищах, но и в большинстве курганных могильников, предшествующих XI в. В этом отношении русские погребальные памятники представляют прямую противоположность, например мордовским и другим окско-волжским могильникам соответствующей эпохи. В то время как в последних различного рода украшения (гривны, браслеты, шумящие подвески, нагрудные бляхи и т. п.) составляют необходимую принадлежность не только женского наряда, но встречаются в том или другом виде и в мужских погребениях, захоронения, принадлежащие восточным славянам, особенно южной группе русских племен, обычно не содержат сколько-нибудь значительных наборов украшений. Они здесь сводятся лишь к некоторым категориям предметов личного убора — ожерельям, височным кольцам, перстням и немногим другим.

Указанное обстоятельство нельзя рассматривать как явление случайного порядка. Лучше всего это видно из того, например, факта, что в курганах Среднего Приднепровья (особенно древлянских), относящихся уже к XI—XII вв., набор украшений всегда остается ограниченным и вполне определенным. Если

[1] В 1903 г. в окрестностях Полтавы в с. Мачехи местными жителями при случайных обстоятельствах была найдена гончарная печь, в которой сохранилось больше десятка таких кувшинов, ближе всего напоминающих черную лощеную посуду катакомбных могильников. Ср. Изв. Археол. ком., вып. 43, 1911, стр. 116.

обратиться к антическим курганам по Оке, то и здесь к обычным категориям украшений — височным кольцам, бусам и перстням — прибавляются только браслеты и гривны (и то преимущественно в курганах более поздних).

Эту особенность,— отсутствие склонности к обильным украшениям из металла, простоту мужского и женского наряда, можно считать одной из этнографических черт восточных славян.

Чтобы закончить нашу вступительную главу, следует остановиться на материалах, относящихся к исследованным нами курганным могильникам. Наши раскопки показывают, что погребальный обряд в эпоху, которой заканчивается родо-племенной период русской истории, существенно отличался от способа погребения, господствовавшего в последующее время. Этот факт широко известен, поскольку не только в древних сопках и курганах Новгородской земли, в Гнездове под Смоленском, в курганах у Чернигова, но и в ряде других случаев более ранние русские курганы давали не обычное погребение трупа, но и остатки трупосожжения.

Однако в ряде указанных случаев можно было ставить под сомнение этническую принадлежность исследованных захоронений, в одних случаях потому, что оставалось невыясненным точно их время, в других — по наличию в них инвентаря, обычно считающегося не славянским, а например, норманским либо литовским.

Воронежские курганы и встреченные в них остатки сожжений не оставляют места сомнениям ни в отношении их времени, ни в смысле их принадлежности русскому населению Подонья. Курганный могильник, расположенный рядом с Большим Боршевским городищем, благодаря хорошей сохранности деревянных конструкций, позволил более или менее полно восстановить погребальную обрядность, практиковавшуюся древними русскими племенами. Одной из любопытных деталей погребения являются встреченные здесь одиночные и двойные круговые ограды из столбов, окружавшие место захоронения. Следует думать, что этот обычай пользовался значительным распространением на территории, занятой восточными славянами. По крайней мере такие же ограды из столбов отмечены и на Полтавщине при остатках сожжений, относящихся к тому же времени, что и боршевские курганы.[1] Известны они в виде круговых кладок из плит в древнейших волховских сопках, исследованных Н. Е. Бранденбургом.[2] С ними в связь можно поставить и те ограды из деревянных столбов, окружавшие идолов, которым поклонялись руссы по известному рассказу Ибн-Фадлана.

Воронежские курганы дают возможность осветить и другие, не менее интересные моменты погребального обряда. Так, эти насыпи оказываются, как правило, коллективными погребальными сооружениями, отражающими черты обрядности еще родового строя. Устраивавшиеся в них для этой цели небольшие деревянные срубы (бдын — русской летописи) всегда помещались у самого края кургана — устьем наружу, к его восточной стороне, таким образом, чтобы иметь возможность вводить сюда повторные захоронения.

Из вещественного инвентаря в исследованных курганах в более или менее значительном количестве встречается только глиняная посуда. Она не отличается по своему характеру от посуды, собранной на городище. Другие вещи попадаются лишь в единичных находках. Мы не будем останавливаться на них подробнее, чтобы не повторять то, чему мы уделяем достаточно места в последующем описании.

БОЛЬШОЕ БОРШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

I

Центральное место среди древнерусских памятников, исследованных в 1928—1934 гг., занимают два городища и обширный курганный могильник, находящиеся на правом берегу Дона около с. Боршева, Воронежской обл.

В среднем течении Дона его правый коренной берег представляет собой высокий уступ, изрезанный глубокими балками. У основания берега и по дну балок расположены селения с примыкающими к ним садами. С высоких отрогов коренного берега открывается широкий вид на долину Дона и на пологий и сравнительно невысокий противоположный берег. Ширина поймы колеблется здесь от 1.5 до 3 км.

Такой характер имеют берега Дона и около сел Костенок и Боршево, получивших известность благодаря своим многочисленным палеолитическим местонахождениям. Возвышенный берег Дона сложен здесь из многометровой меловой толщи и изрезан сетью огромных оврагов с многочисленными ответвлениями. Благодаря оврагам, коренной берег образует ряд высоких продолговатых мысов, ныне по-

[1] Изв. Археол. ком., вып. 22, 1907, стр. 51.

[2] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895

чти лишенных растительности или же покрытых кустарником. Около с. Боршева современное русло Дона почти вплотную подходит к подножью возвышенности, так что их разделяют всего несколько десятков метров относительно крутого склона.

Высокие отроги коренного берега с их обрывистыми склонами являются местами, чрезвычайно удобными для сооружения укреплений. Поэтому здесь, на протяжении нескольких километров, можно встретить остатки укреплений самого различного возраста. Наиболее ранними из них являются поселения эпохи бронзы, наиболее поздними — московские сторожевые городки XVI—XVII вв. На этих же отрогах в пределах с. Боршева располагаются оба древних русских поселения VIII—X вв.— Большое и Малое (или Северное и Южное) Боршевские городища, между которыми, рядом с первым городищем, находится курганное кладбище.

Если в настоящее время окрестности Боршева довольно бедны лесами, то не так они выглядели в далеком прошлом. Извлекаемые из русла Дона стволы столетних дубов и сохранившиеся кое-где участки лиственного леса доказывают, что правый берег Дона еще не так давно был покрыт огромными дубовыми лесами. В эпоху же существования древних боршевских поселений ландшафт долины Дона должен был напоминать то, что и сейчас можно видеть по течению р. Воронежа в нескольких десятках километров к северу от с. Боршева, где густые дубовые леса всегда сопровождают правый возвышенный берег реки. Нет сомнения, что и пойма Дона в то время была покрыта озерами, обросшими камышами и непроходимой чащей чернолесья, некоторое представление о чем может дать уцелевший еще Жировский лес при впадении Воронежа в Дон. За поймой, на песчаной террасе левого берега должны были начинаться сосновые боры. Таким образом, тысячу лет назад, в эпоху заселения боршевских городищ, их окрестности выглядели настоящей лесной трущобой. Это делает понятным наличие в составе фауны, остатки которой были встречены на городищах, таких животных, как бобр, лось и медведь.

Северное Боршевское городище, как это явствует из названия, находится в пределах северной окраины села. Для сооружения поселения здесь была использована оконечность длинного и узкого отрога коренного берега, высотой свыше 30 м, ограниченного с одной стороны течением реки, с другой — глубоким оврагом, с протекающим по его дну ручьем.

В сторону плато коренного берега отрог несколько сужен и прорезан седловиной, благодаря чему его оконечность, занятая городищем, представляет собой как бы отдельное всхолмление (рис. 2).

Из сказанного становится очевидным, что выбранное для устройства городища место являлось очень удобным с точки зрения обороны. Оба склона городища, имеющие падение от 30 до 40°, а в древности еще более крутые, представляли собой почти непреодолимое препятствие для нападения. Со стороны же соседней возвышенности его площадка была укреплена валом и рвом, следы которых заметны до сих пор, хотя и сильно разрушены временем. Сложенный из меловой щебенки вал сохранился плохо; его очертания очень неопределенны; высота над площадкой городища едва достигает 1 м. Еще хуже сохранился ров. Поверхность мелового отрога в пределах укрепления, как это видно из прилагаемых чертежей, неровна и образует нечто вроде гребня (рис. 3—4), проходящего ближе к его западной стороне. Этим определяется значительный уклон площадки городища в противоположном (восточном) направлении. По длинной оси на север длина площадки 174 м; ширина ее 30—40 м.

По всей поверхности городища ясно видны неглубокие, округло прямоугольные западины диаметром 2.5—3 м. На первый взгляд они расположены без особого порядка, главным образом по склонам площадки, так что в ее середине, по ее плоскому гребню проходит свободное от западин пространство. Однако если смотреть на эти углубления сбоку, можно видеть, что они образуют как бы несколько рядов.

На стенках мелового карьера, на конце городища можно видеть профили нескольких таких западин, представляющих собой заплывшие, вырубленные в мелу ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном. В их заполнении встречаются обломки керамики, кости животных и пр. Ямы эти являются остатками полуземляных жилищ.

Остатки жилищ заметны не только в пределах городища, но и вне его на соседних участках берега. За валом на ближайших участках возвышенности следы жилищ видны на площади, по размерам не уступающей площади городища. Отсюда они прослеживаются по склону соседней лощины. Целая группа их располагается у восточного основания городища. В небольшом овраге и в выемках проходящей здесь дороги ясно видны профили землянок. Следы жилищ имеются и у противоположного, западного основания городища на берегу ручья. Таким образом общая площадь поселения значительно превышала по размерам ту его часть, которая располагалась на самом городище.

К югу от городища, в 400—450 м от него, на высотах коренного берега у начала берегового отрога расположен курганный могильник, принадлежавший населению городища и окружавшего его поселка. Второе городище

Рис. 2. Большое Боршевское городище. Вид с юга со стороны курганного могильника (вверху). Вид с востока со стороны поймы с противоположного берега Дона (внизу)

у с. Боршева, которое мы будем в дальнейшем называть Малым или Южным, находится в 2 км от первого, ниже по течению Дона. Более подробные сведения о том и другом памятнике будут даны в следующих главах.

пережженных камней на глине; стенки их совершенно ясны; вероятно, были и своды. Найдены кости домашних животных, рыб, птиц черепки, но не удалось отыскать ни одной металлической вещицы, вследствие чего вре

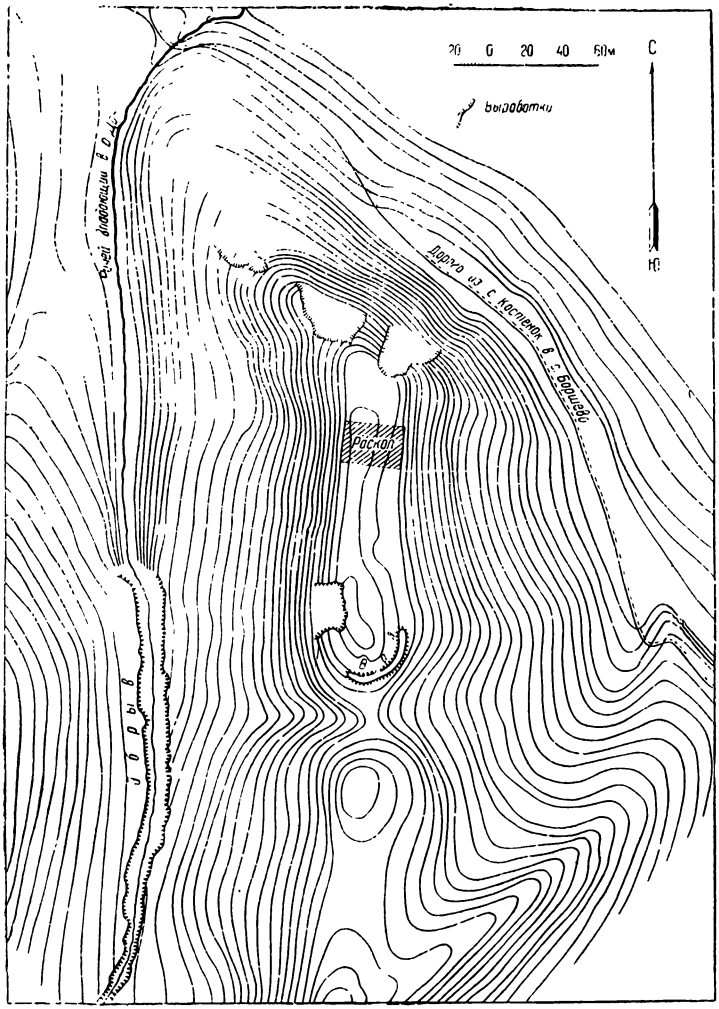


Рис. 3. План Большого Боршевского городища. Инструментальная съемка. Сечение горизонталей через 1 м.

В 1905 г. Большое Боршевское городище и примыкающий к нему курганный могильник были исследованы А. А. Спицыным. Он раскопал 8 курганов и два жилища на склоне горы к югу от городища. «Жилища эти,— сообщает А. А. Спицын,— имели размеры всего 3.55 × 3 м и 4.45 × 3.55 м. Стенки их обложены деревом, в углах ямки от столбов; в каждом жилище на полу, в особых выемках, в углу или посредине, небольшие печи из

мя жилищ не может быть определено. Через ки можно считать одинаковыми [illegible] находимы ми на городище».[1] Последнее же, исходя из характера обломков глиняной посуды А. А. Спицын определил как древнее, близкое к донецким городищам VIII—X вв.

Полученный раскопками материал не [illegible]

[1] Отчет Археол. ком. за 1905 [illegible] СПб., 190 стр. 84.

влек к себе серьезного внимания А. А. Спицына и других исследователей. В дальнейшем каких-либо раскопок на городище и прилегающем к нему селище не было. Курганы также не подвергались исследованию, если не считать небольшой разведочной раскопки одного из них, предпринятой С. Н. Замятиным в 1922 г. во время работ по изучению палеолитических стоянок этого района.

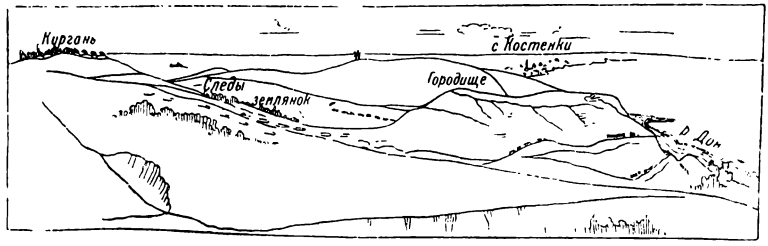


Рис. 4. Вид Большого Боршевского городища с юго-востока. Рис. Н. В. Валукинского

II

Наши раскопки на городище были начаты в 1928 г., когда на северном конце площадки были вскрыты остатки трех жилищ, соединенных между собой (рис. 5, жилища *1—3*). Раскопки показали, что благодаря плотности меловой толщи, в которой вырублены основания жилищ, и консервирующим свойствам мела, сохранность культурных остатков здесь несравненно выше, чем на других памятниках этого района. Поэтому в 1929 г. здесь были предприняты более значительные раскопки. Землянки 1928 г. вошли в пределы раскопа 1929 г., и в дальнейшем мы будем рассматривать их вместе, не разделяя результаты исследований того и другого года.

Для работ по исследованию городищ была выбрана северная часть площадки с группами хорошо заметных углублений. В течение 1928—1929 гг. была исследована площадь около 700 кв. м, представлявшая собой по первоначальному плану правильный прямоугольник размером 600 кв. м, расположенный поперек городища, с запада на восток (рис. 3—5). Однако в процессе исследования, в тех случаях, когда остатки жилищ выходили за пределы раскопа, последний приходилось расширять, вследствие чего его очертания получились несколько неправильными.

Выпуклый и сильно покатый к восточному склону поперечный профиль площадки городища явился причиной очень неравномерного залегания культурного слоя. Гребень городища оказался совершенно лишенным культурных наслоений. Везде на поверхности проступает разрушающийся по причине выветривания верхний слой — меловая щебенка, под которой лежит ненарушенная меловая толща. Следы ям землянок здесь ясно видны на поверхности; они достигают 50 см глубины и имеют прямоугольные очертания. Высокая западная часть площадки (рис. 5) также почти лишена культурного слоя. Последний имеется здесь лишь по самому краю, а также заполняет ямы жилищ. Совершенно иную картину дает противоположный восточный склон. Как это хорошо видно на профиле раскопа (рис. 5), культурный слой, имеющий наверху ничтожную мощность, книзу все более и более возрастает, достигая толщины 0.75 м, а местами 1 м.

На всем протяжении и на различной глубине культурный слой является почти совершенно однородным. Он состоит из продуктов естественного и искусственного разрушения меловой толщи, перемешанных с гумусом, и содержит обломки глиняной посуды, кости животных и другие культурные остатки. Цвет его благодаря мелу беловатый, светлосерый. Такой характер имеет и заполнение ям земляных жилищ.

В основании культурного слоя, вдоль восточного края городища, был обнаружен горизонт темнокоричневого гумуса, резко отличающегося от культурных наслоений, благодаря отсутствию в нем меловой щебенки и обычных культурных остатков. Это были остатки того почвенного покрова, который одевал склон отрога до возникновения славянского поселения. Любопытно отметить, что в этом слое были обнаружены обломки глиняной посуды эпохи бронзы.

III

В результате работ 1928—1929 гг. на Большом Боршевском городище были раскрыты остатки восемнадцати полуземляных построек, из которых большинство являлось некогда жилыми помещениями, затем ряд ям-хранилищ и участок, занятый легкими сооружениями, имевшими, вероятно, вид навесов (рис. 5). Все эти постройки составляли как бы две группы, из которых бо́льшая, отличающаяся своей компактностью, занимала восточный склон, обращенный к Дону, меньшая же, состоящая из расположенных отдельно одно от

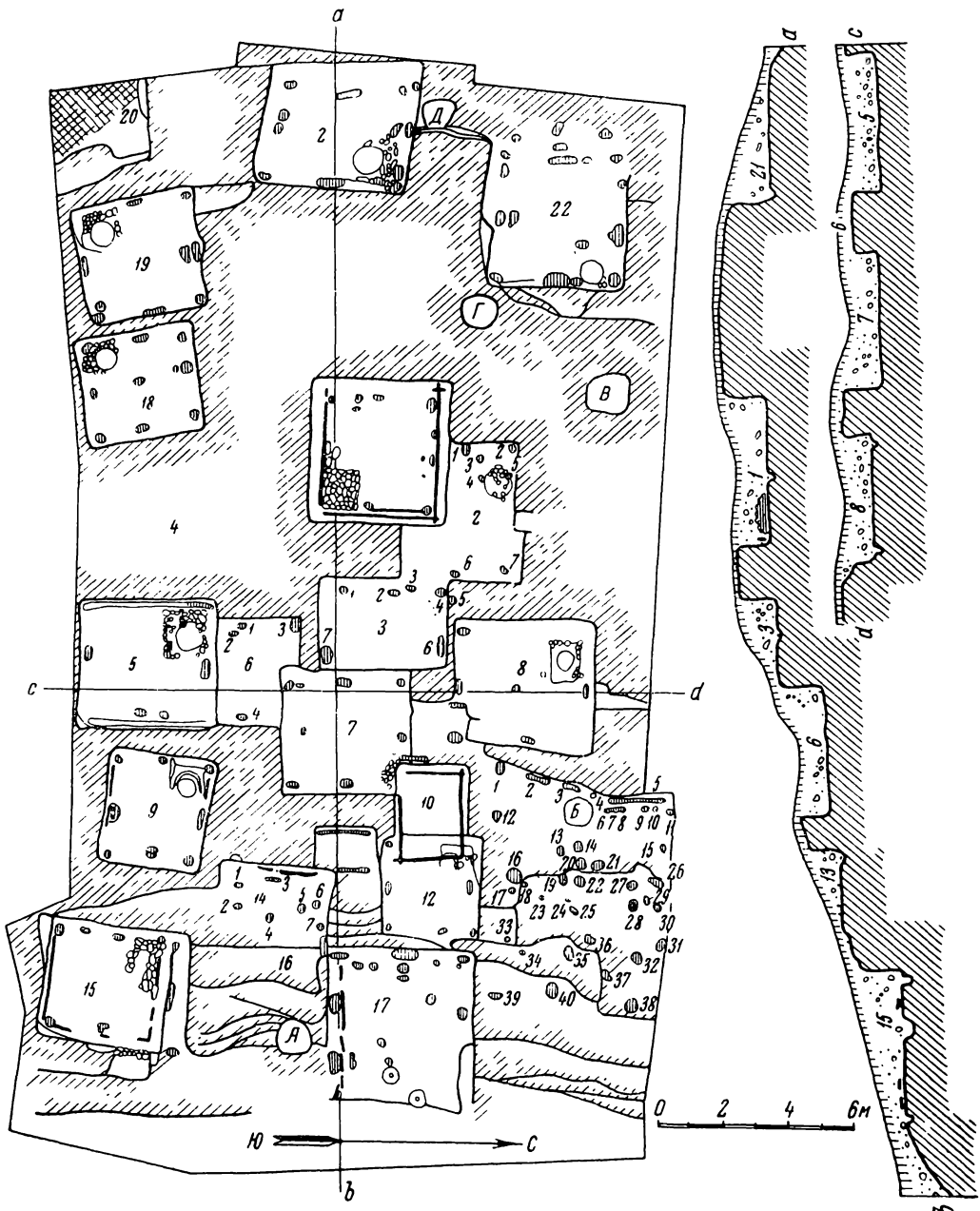


Рис. 5. Большое Боршевское городище. План и профили раскопа.

другого жилищ, противоположный западный склон. На гребне площадки оставалось некоторое свободное пространство, нечто вроде прохода или проезда.

За небольшим исключением все сооружения, исследованные на городище, существовали в одно время. Если следовать в направлении восточного склона, начиная сверху, то около самого гребня располагалась землянка *1*, сохранившаяся лучше других. Непосредственно к ней с северо-запада примыкала яма жилища *2*, одновременного первому, а не нарушенного им, как может показаться на первый взгляд (рис. 5). К жилищу *2* примыкала яма помещения *3*, граничащая с лежащим значительно ниже (см. разрез, рис. 5) помещением *7*. Эти три помещения *1*, *2* и *3*, несомненно, были соединены друг с другом в одно целое жилое сооружение. Оно имело, очевидно, сообщение со следующей группой землянок, состоящей из жилищ *5*, *8* и *7*. Последние, составляющие второй, ниже по склону расположенный, ряд построек, были соединены между собой крытыми проходами, из которых один имеет вид отдельного помещения, обозначенного на плане цифрой *6*.

Вероятно, среднее из трех жилищ этого ряда (*7*) имело в свою очередь сообщение с лежащим ниже по склону жилищем *12*. Однако и то и другое были разрушены еще в древности землянкой *10*, которая своим юго-западным углом врезалась в угол жилища *7*, где раньше был расположен очаг, а восточной частью легла на остатки жилища *12*, для чего яма последнего была засыпана с этой стороны меловой щебенкой. Здесь мы имеем единственный, обнаруженный раскопками, случай нарушения последующим сооружением более ранних.

Остатки землянки *12*, расположенной ниже землянки *7*, были окружены с южной и восточной сторон постройками хозяйственного назначения. Непосредственно примыкая к землянке *12*, ниже ее, находилось большое помещение *17*. Как выяснилось при раскопках, оно служило местом размола зерна, что производилось на двух больших жерновах. Рядом с землянкой *12* с южной стороны встречено маленькое помещение *13*; к нему примыкает также, видимо, хозяйственное помещение *14*. Ниже последнего по склону, рядом с помещением *17*, с южной его стороны находилась яма *А*, служившая, вероятно, для хранения зерна.

К северу от помещений *12* и *17* лежал участок, площадью около 50 кв. м, на котором, судя по многочисленным ямам от столбов, разбросанным по всему участку, находились наземные постройки, вероятно имевшие вид навесов. Этот участок обозначен на плане цифрой *11*. Около меловой стенки, отделявшей участок *11* от землянки *8*, открыта яма *Б*, аналогичная яме *А*.

В юго-восточной части раскопа были открыты остатки еще двух жилищ *9* и *15*, не связанных переходами ни между собой, ни с другими соседними помещениями. Они ориентированы несколько иначе, чем все предыдущие постройки, и отличаются сравнительно хорошей сохранностью.

На западном склоне площадки были открыты остатки пяти жилых помещений. Два из них (*21* и *22*) располагались у самого края городища в расстоянии 2.5 м одно от другого. Их соединяла небольшая террасовидная площадка, на которой находилась яма для хранения *Д*. Несколько выше, почти на гребне городища оказались еще две ямы для хранения *В* и *Г*.

Остатки полуземляных жилищ *18* и *19*, расположенных на возвышенном участке городища в южной части раскопа, занимают несколько обособленное положение. Они не связаны с другими помещениями, отличаются небольшой глубиной и сравнительно небольшими размерами. Ниже их, по западному склону, имеется выемка *20*, представляющая собой, повидимому, незаконченную яму для землянки, северо-восточный угол которой был превращен в яму для хранения.

Таково расположение остатков жилищ и других построек в пределах исследованной площади Большого Боршевского городища. Всего здесь было открыто 13 жилых помещений, 5 помещений хозяйственного назначения, 6 ям для хранения и остатки легких наземных сооружений на восточном краю площадки городища.

IV

Как уже отмечалось выше, условия, в которых находились жилища, выбитые в меловой толще, отразились очень благоприятно на их сохранности. Ямы жилищ, вырубленные в мелу, дошли до нас в таком состоянии, на которое, конечно, трудно было бы рассчитывать, если бы они были выкопаны в другом грунте. Благодаря консервирующим свойствам мела в ряде построек уцелели остатки деревянных стен. Все это позволяет с большой достоверностью говорить о характере некогда существовавших здесь сооружений.

Обратимся сначала к остаткам жилых построек, представляющим наибольший интерес. По конструкции и размерам к ним может быть отнесено также хозяйственное помещение *17*, отличающееся от жилищ лишь отсутствием очага.

Почти все жилые помещения представляли собой квадратные камеры и имели более или менее одинаковые размеры (рис. 5). Стены их отвесны, пол хорошо выравнен. В них сохранились остатки очагов или печей, ямы от столбов, остатки самих столбов и иногда нижние части деревянной облицовки камер.

Если рассматривать эти помещения более детально, то по размерам их можно разделить на две группы. Большую группу составят остатки таких жилищ, ямы которых превышают 4 м в поперечнике. Сюда войдут: жилища *1* и *21*, ямы которых в плане равны в среднем 4.5 × 4.5 м; жилища *5*, *8* и *22*, размером 4.2 × 4.2 м; жилища *7* и *15* (4.1 × × 4.1 м). Самой большой из исследованных оказалась яма помещения *17*,— 4.6 × 4.9 м. К жилищам меньшего размера относятся *9* и *12*, с ямами 3.5 м в поперечнике; затем *18* и *19* с ямами, равными 3.75 × × 3.75 м. Помещение *2*, не квадратное, а прямоугольное в плане, имело размеры всего лишь 2.3 × × 4.4 м. Но это помещение не является типичным жилищем, хотя и имело очаг, а приближается к постройкам хозяйственного назначения.

Значительно больше варьирует глубина ям в поверхности меловой толщи, причем это объясняется не различными конструктивными особенностями жилищ, а расположением большинства из них на крутом и неровном склоне. Ямы жилищ, находящихся на более или менее ровной поверхности, имеют среднюю глубину, несколько превышающую 1 м. Таковы жилища *1* и *5*. Ямы жилищ *18* и *19*, расположенных на незначительном склоне, углубляются в мел в среднем на 60 см. Что же касается всех остальных жилищ, то их ямы имеют очень неровные по высоте стенки. Так, например, расположенная на восточном склоне яма жилища *8* имеет западную стенку высотой 1.4 м, а восточную 0.3 м; такую же картину дает жилище *15*, яма которого имеет стенки высотой от 1.75 до 0.45 м. Ямы помещений *12* и *17*, западные стенки которых имеют высоту 1.3 и 1 м, противоположных восточных стен не имеют вовсе. Также лишены одной из стен ямы жилища *21* и *22*, расположенные на западном склоне площадки у самого края городища.

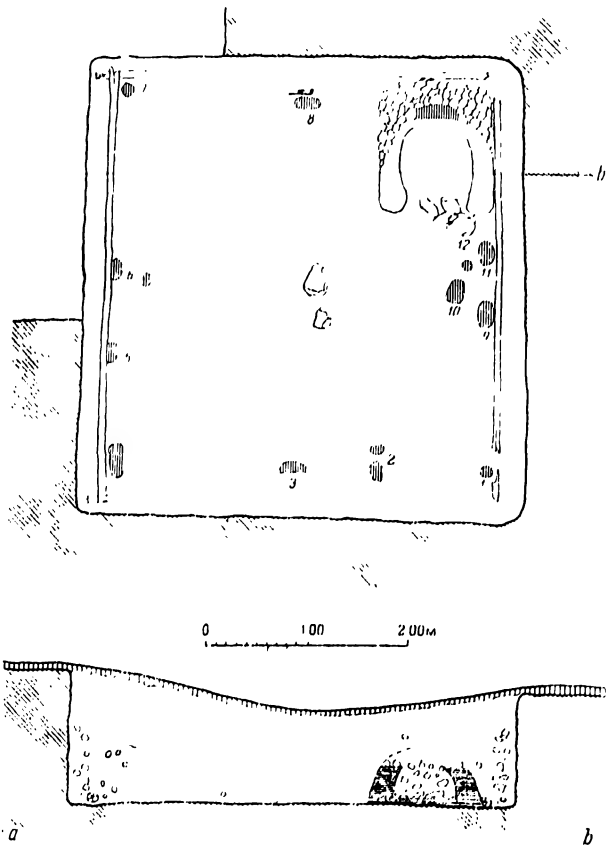


Рис. 6. Большое Боршевское городище. План

Очевидно, что при такой сравнительно небольшой глубине, а часто при наличии неполных стен, высеченные в мелу камеры являлись лишь основаниями жилищ. Последние должны были значительно возвышаться над поверхностью почвы.

В яме жилища *1* были обнаружены хорошо сохранившиеся венцы сруба, составленного из довольно тонких (10—15 см в поперечнике) дубовых бревен, почти не обработанных, о чем свидетельствуют остатки коры, бывшие на одном из бревен. Бревна оказались срубленными друг с другом «в чашу». По северной стене жилища сохранились два бревна, вдоль остальных по одному. Все бревна обуглены — видимо, жилище погибло от пожара. В земле, заполнившей яму, были найдены остатки обугленных плах. Пространство, отделявшее сруб от стен ямы, шириною в 10—15 см, а местами до 35 см, было плотно забутовано меловой щебенкой. Таким образом размеры жилища были несколько меньше, чем размеры ямы (рис. 6).

Еще лучше сохранились остатки сруба в одном из хозяйственных помещений, в помещении *10*, являющемся, повидимому, постройкой, сооруженной несколько позднее других исследованных землянок. Помещение *10* также носит следы пожара. Сруб из дубовых

Рис. 7. Большое Боршевское городище. Вид землянок *1* и *15*.

жердей или бревен толщиною в 10 см сохранился местами на высоту трех венцов. Жерди и здесь оказались срубленными «в чашу». Пространство между срубом и стенками ямы было забутовано меловой щебенкой. Когда венцов сруба. Следы срубов сохранились также в жилых камерах *8* и *12* и в хозяйственных постройках *13* и *14*, о которых речь будет итти ниже.

Итак, техника сооружения сруба была хо-

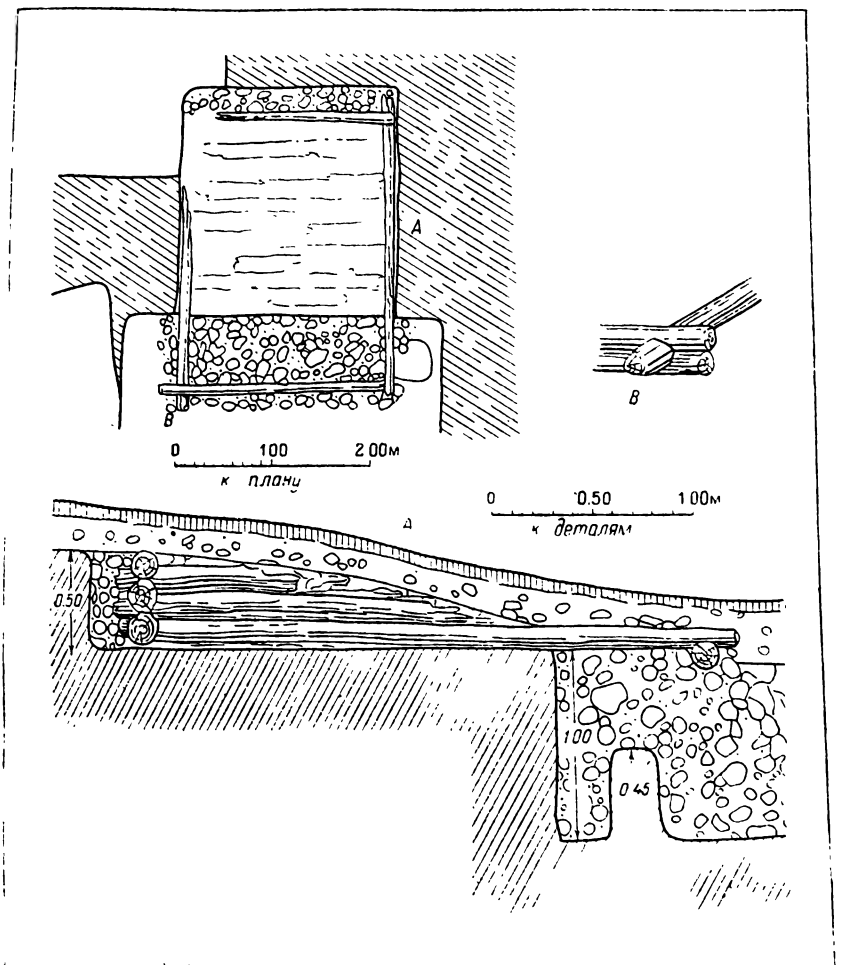


Рис. 8. Большое Боршевское городище. План землянки *10*

были удалены остатки бревен, оказалось, что нижние венцы лежали не просто на дне ямы, а в специально вырубленных в дне ямы канавках (рис. 8).

Третьим помещением, деревянные стены которого представляли собой сруб, является жилище *5*. Остатков дерева здесь не обнаружено, но по дну ямы, вдоль восточной и западной стен, остались канавки для нижних

рошо известна древнему населению поселка. Можно еще упомянуть о срубах, обнаруженных в курганах Боршевской группы, раско-

[1] Эти канавки, вероятно, делали для большей устойчивости сруба: на это предположение наводит то обстоятельство, что камера *10* была лишена опорных столбов, в камере *5* отсутствовали угловые столбы,— сравнительно редкое явление в исследованных камерах городища.

нанных в 1929 г. (стр. 81). Однако деревянные стены, имевшие вид сруба, все же не являлись единственной или преобладающей формой стен жилищ. Преобладающей являлась другая конструкция стен, с которой мы можем познакомиться по остаткам жилища *9*, стены которого сохранились лучше, чем у других жилищ (рис. 9).

бревна, называемые в строительном деле «пластинами». У южной и северной стен оказались большие удлиненные ямы. В одной из них, в южной, сохранились два стояка из дубовых пластин, обращенных выпуклой частью внутрь жилища и поддерживающих облицовку стены, состоящую из дубовых досок, шириной 20 см, толщиной 4 см, сохранившуюся на

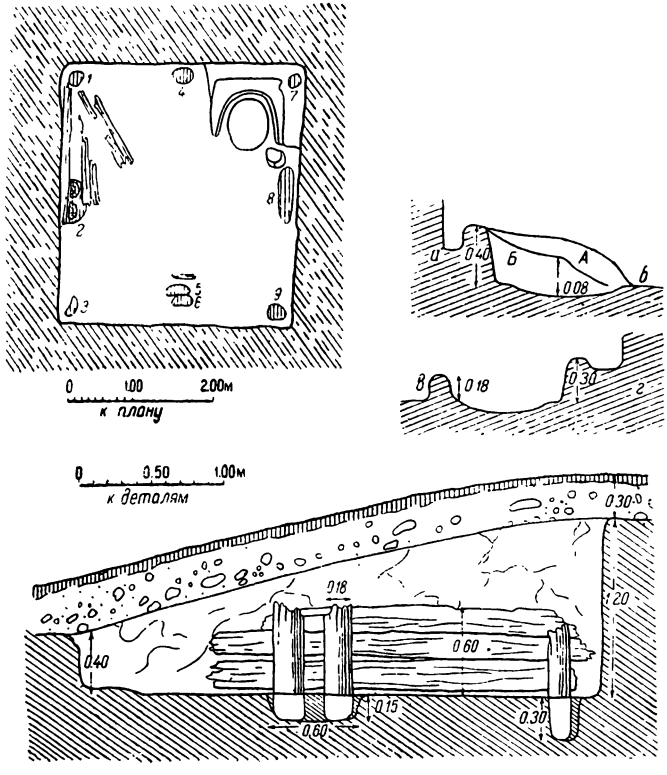


Рис. 9. Большое Боршевское городище. План землянки *9*.

На дне ямы жилища *9*, по всем четырем углам, несколько отступя от стен, находилось по округлой яме, диаметром 25 см и глубиной 30 см. В одной из них, в юго-западном углу, сохранились остатки вертикального стояка, представляющего собой толстое дубовое бревно, расколотое вдоль и несколько стесанное по углам. У стен посередине также были ямы от вертикально стоявших столбов, у западной стены круглая, у противоположной двойная, в виде двух полукруглых ям, расположенных одна за другой. Форма их говорит, что и здесь стояками являлись расколотые вдоль

высоте трех досок. От лежащих выше досок остался лишь слой коричневого перегноя; часть досок упала внутрь жилища. У противоположной стены обнаружено перегнившее бревно или пластина, служившая, вероятно, одним из стояков.

Остатки стояков из расколотых бревен и остатки дощатой облицовки стен обнаружены также в землянках *15* и *17*, которые по расположению столбов были совершенно идентичны землянке *9* (рис. 10—11). В обеих землянках по углам были обнаружены сравнительно небольшие ямы, у боковых стен —

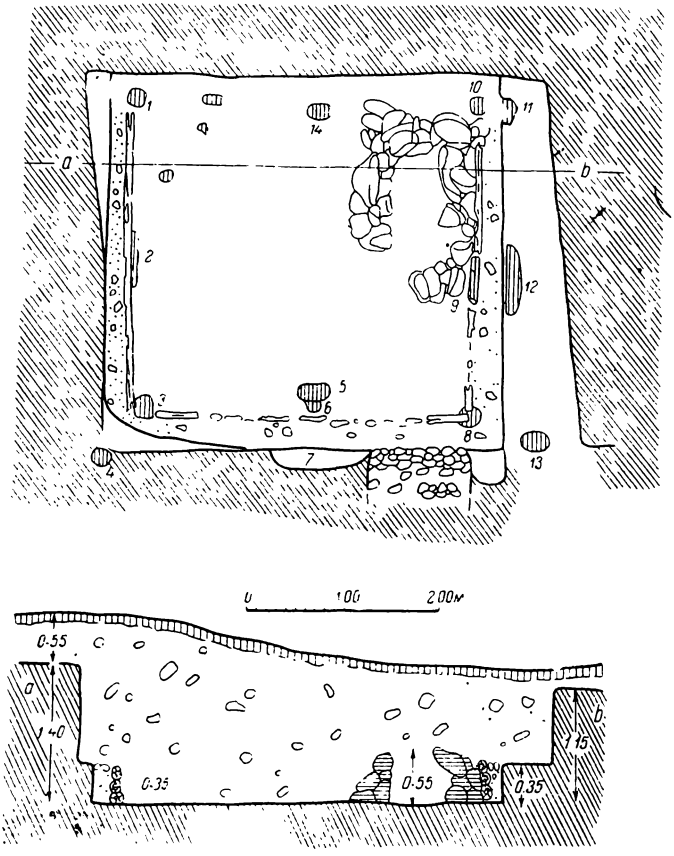


Рис. 10. Большое Боршевское городище. План землянки *15*.

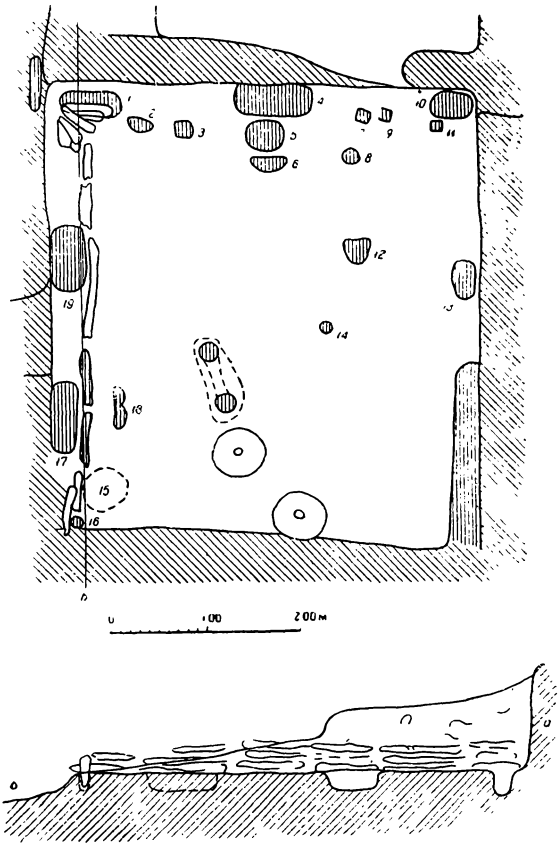


Рис. 11. Большое Боршевское городище. План постройки *17*.

удлиненные ямы, служившие для двух стояков каждая, и, наконец, у передней стены рядом друг с другом две небольшие ямы.

Если же мы обратимся к остаткам жилищ *5*, *10*, *8* и *12*, где были найдены остатки срубов, то там система ям не имеет такой правильности. Очевидно, при наличии сруба стояки для поддержания стен не были необходимы, и в камерах *5* и *8* они сохраняются лишь по трем сторонам и отсутствуют по углам. Однако в землянках *1* и *12* обнаружены и сруб и обычное большое количество ям от столбов по углам и сторонам помещения. Это заставляет полагать, что жилища сохранили старый способ сооружения стен, несмотря на наличие сруба.

Все остальные жилища, исследованные на городище, имели стояки, расположенные таким же образом, как в жилищах *9* и *15*, с тем лишь отличием в иных случаях, что постановка столбов вплотную к стене камеры заставляет предполагать иногда отсутствие деревянной обкладки меловых стен этих помещений. Возможно, однако, что облицовка досками тогда делалась с внутренней стороны, как в землянке *17* Эти данные показывают, что роль столбов заключалась не только в том, чтобы поддерживать деревянную обкладку камеры,— для этого они чрезмерно массивны и ставились в слишком большом числе. Их главным назначением было нести на себе наружную часть жилых помещений, в частности потолочные перекладину и крышу.

Что же касается описанных нами срубов, то приходится принять во внимание, что они оказываются сложенными всегда из таких тонких бревен, скорее слег или жердей, что такая постройка являлась слишком слабой для того, чтобы конструктивно отвечать назначению сруба. И облицовка из досок и сруб из жердей имели одно и то же назначение — покрытье стен земляной камеры. По своим архитектурным особенностям жилища Большого Боршевского городища представляют, таким образом, лишь один из вариантов столбового жилища, весьма распространенного, начиная с эпохи неолита, по всей территории Европы.

Вырубленные в мелу ямы являлись лишь основанием жилищ, значительная часть стен которых была выше земной поверхности. В среднем надземные части стен возвышались на 50 см, в тех же случаях, когда ямы были неполными, стены целиком выходили на поверхность. В жилищах, имевших сруб, характер надземной части жилого сооружения не вызывает вопросов. Однако, как мы видели, большинство жилищ имело стены, конструкция которых как будто исключала возможность сооружения их вне пределов ямы. Конечно, досчатые стены могли итти и выше поверхности почвы, но они были совершенно недостаточны хотя бы для сохранения тепла внутри помещения. Кроме того, они должны были быстро истлевать от действия дождей, сырого грунта и пр. Можно предполагать, что эта часть стен жилищ чаще всего делалась плетневой, причем стены снаружи были покрыты толстым слоем земли, вернее меловой щебенки, которая служила не только для отепления жилища, но и способствовала лучшей сохранности дерева. О наличии земляной засыпи стен, прямых следов которой на Большом городище не сохранилось, говорят материалы Малого Боршевского городища, где вокруг жилищ уцелели невысокие валы, остатки земляного укрепления стен.

Более сложным является вопрос о крыше; ее остатков, сохранивших конструктивные особенности, не обнаружено ни в одном из жилищ. Можно лишь утверждать, что крыша была деревянной, о чем свидетельствуют многочисленные следы дерева в засыпи некоторых камер. Известные указания на то, какой была крыша этих построек, все же имеются.

Мы видели, что основная роль в общей конструкции жилых помещений принадлежала столбам. Обычно их в определенном порядке расставляли вдоль стен жилья; но в тех жилых помещениях, где имелся сруб, столбы иногда представлены не полностью. В одних отсутствуют угловые столбы, в других — пристенные стояки. Однако и в этих случаях всегда сохраняются две столбовые ямы, занимавшие в жилище определенное место.

Это хорошо видно, например, в землянке *5*, где из двух значительных по размерам, удлиненной формы ям, одна занимает место посередине стены, к которой прислонена задняя стенка очага, другая же помещается напротив. Более или менее сходную картину дает и землянка *8*, столбовые ямы которой ориентированы совершенно так же, как и в помещении *5*, и в отношении стран света (север — юг) и по отношению к очагу. Если мы возьмем жилище *7*, то и здесь основные ямы (находящиеся у восточной и западной стен) расположены в том же отношении к очагу.

Наблюдения, сделанные в землянках *5* и *9*, объясняют, почему эти ямы имели такую значительную величину и вытянутую форму. В них было врыто по паре столбов, на которых лежала, несомненно, матица.

Просматривая другие жилища, можно убедиться, что и там пристенные ямы, расположенные у задней и у передней стены (т. е. у стены рядом с очагом и противоположной), имеют наибольшие размеры (землянки *3*, *15*, *18*, *19*, *21*, *22*).

В Воронежской обл. и на соседних территориях до XX в. сохранялась постройка, обычно известная под названием «куреня», которая может дать весьма близкое представление об устройстве древних землянок Боршевских городищ, в частности об устройстве их несохранившейся верхней части.

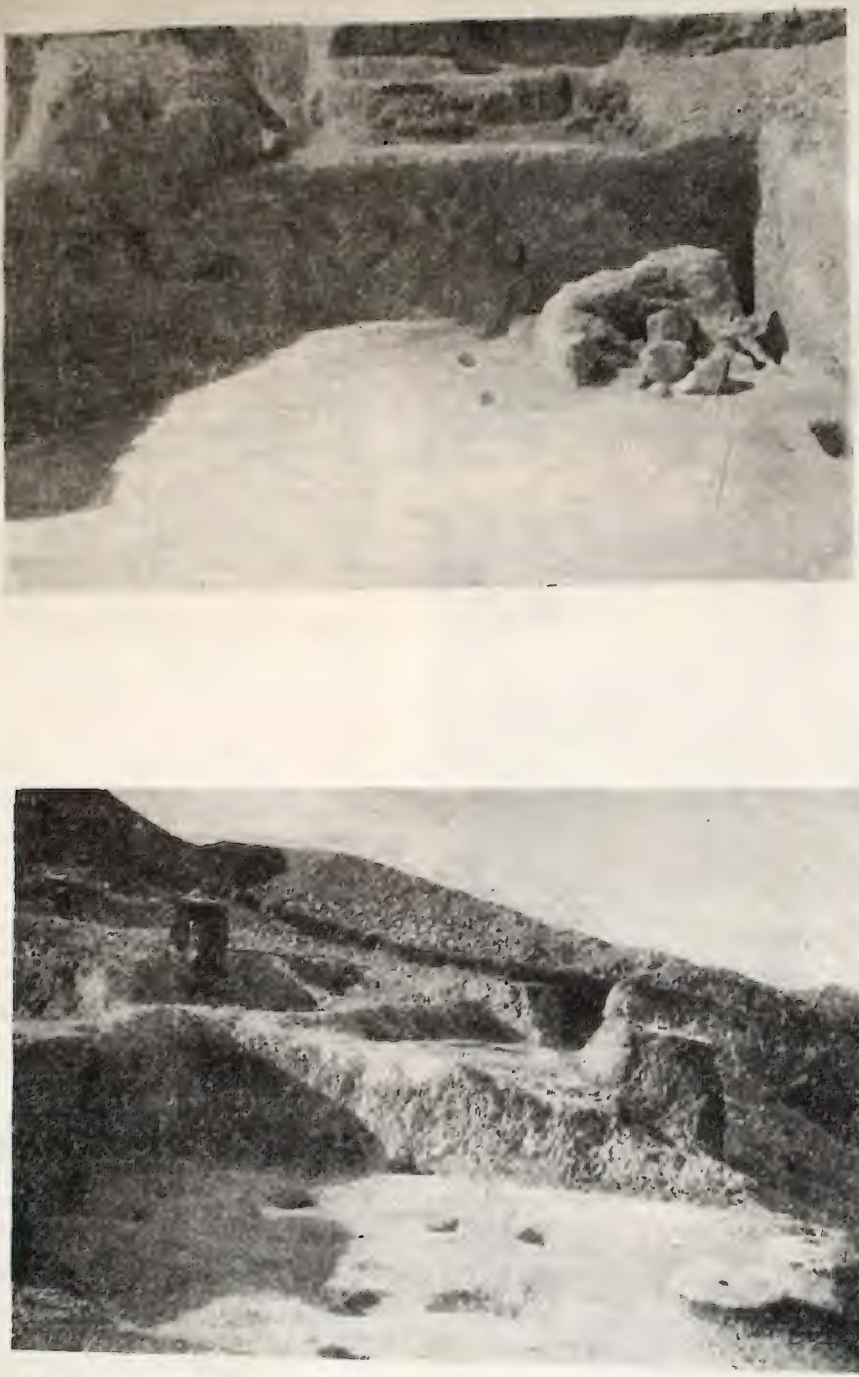


Рис. 12 Большое Боршевское городище Вид землянки *12* (вверху) и постройки *17* (внизу)

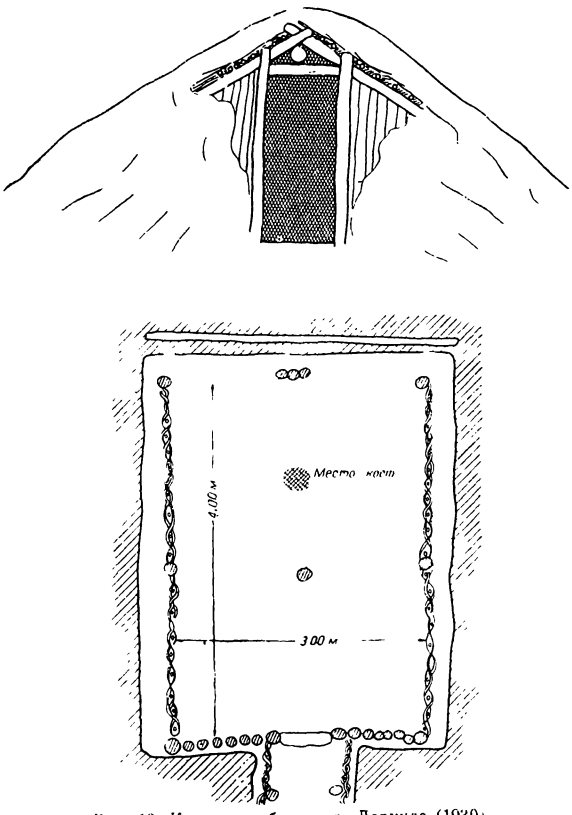


Рис. 13. Курень на берегу р. Деркула (1930).

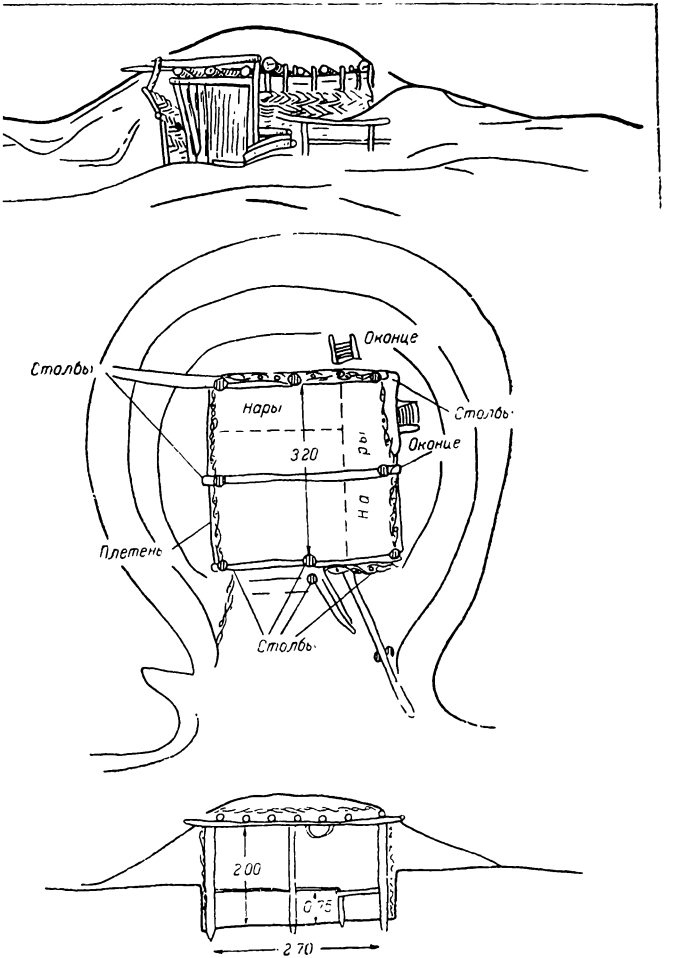


Рис. 14. Курень на берегу р. Дона в окрестностях с. Боршева.

Дадим описание такой землянки, встреченной в 1930 г. недалеко от известной палеолитической стоянки на р. Деркуле, против хут. Гуркина. Обычно такими куренями пользовались в свое время артели рыбаков. Эта землянка представляла собой не очень глубокую (около 1 м) прямоугольную в плане яму размером 3—4 м. Главной частью ее конструкции являлись столбы, расставленные по углам и по сторонам помещения (рис. 13). Ввиду непрочности грунта здесь имелся один дополнительный стояк, поддерживающий матицу кровли. Столбы оканчивались в верхней части развилками для крепления балок. Стены землянки были сплетены из хвороста.

На приведенном рисунке можно видеть, что столбы, расставленные внутри землянки, имели назначение поддерживать три продольные балки или слеги, образующие остов двускатной крыши. Ее перекрытие составляли тонкие бревна, на которые были настланы жерди и ветви. Все это, наконец, было засыпано землей и сверху выглядело как несколько продолговатый холм длиной в 7 м, шириной 5.5 м и высотой около 1.5 м (над поверхностью почвы). Передняя стенка куреня сделана иной, чем три остальные. Она состояла из вертикальных жердей.

Очень интересен другой курень, виденный нами в окрестностях с. Боршева на берегу Дона, против с. Костенок (рис. 14). Это вырытое в земле помещение тех же размеров, что и первый курень (3 × 4 м), с восемью столбами внутри, имело, правда, плоскую крышу, положенную на три поперечные слеги и засыпанную землей. Очень интересную деталь представляют сделанные в верхней части стены вытяжные оконца; подобные им наблюдались нами в двух случаях около очагов в боршевских землянках.

Исходя из этих аналогий, позволяющих с известной уверенностью реконструировать несохранившиеся части описываемых нами древних построек, можно восстановить и место входа в землянки. Он помещался против устья очага. Однако факт соединения жилищ переходами, примыкающими в одних случаях к одной, в других — к другой части жилища, заставляют полагать, что место входа не всегда было неизменным.

Во всех жилых помещениях были открыты остатки печей или очагов, отличавшихся значительным разнообразием. В большинстве жилищ были сооружены простые очаги из камней, а в жилищах *1, 5, 8* и *15* оказались печи-каменки. И те и другие устраивались всегда в левом заднем углу жилища.

Лучшей сохранностью отличались остатки каменки в жилище *1*. Она находилась на небольшом глиняном возвышении, превышающем уровень пола на 10 см. Стенки и свод печи были вылеплены из глины с примесью камней. Размер пода печи — 55 × 55 см; предполагаемая высота ее 40—45 см. К задней стороне печи примыкала кладка из валунов, имеющая в плане прямоугольные очертания, отчего вся печь получила вид квадрата (рис. 7). Повидимому, такие же точно печи

Рис. 15. Большое Боршевское городище. Вид остатков печи-каменки в землянке *15* (вверху). Вид мелового очага землянки *12* (внизу).

были в жилищах *5* и *8*, где обнаружены глиняные площадки с нагромождением большого количества мелких камней и кусков обожженной глины.

Печь-каменка жилища *15*, более или менее той же формы и размеров, как и предыдущие, имела совершенно другой облик. Она была сложена без глины из крупных камней, прямо на полу, причем на месте пода печи в полу было выдолблено овальной формы углубление, размером 47 × 50 см и глубиной 5—6 см. Передняя часть свода обрушилась внутрь. На

рис. 15 печь изображена после удаления упавших камней.

Открытые очаги, которыми пользовались в других жилищах, точно так же не были одинаковы по своему устройству. В них можно видеть два различных типа. Наиболее простыми по конструкции являлись очаги с высеченными для них меловыми стенками, состанастоящем, полуразрушенном виде они представляли нагромождение камней, сложенных без глины. В жилище *19* очаг был комбинированным: он имел меловые стенки, дополненные камнями (рис. 17).

В жилищах *5*, *7*, *8*, *22* около очагов со стороны, обращенной внутрь жилища, были обнаружены ямы от небольших столбов, несом-

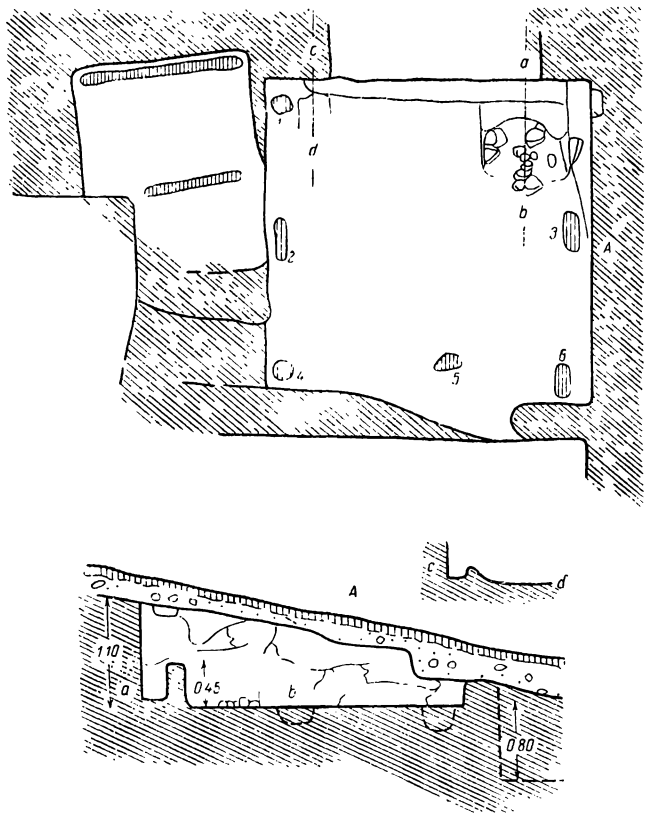


Рис. 16. Большое Боршевское городище. План землянки *12* и помещения *13*.

вляющими одно целое с полом. В плане они имели квадратную форму. Задняя стенка достигала высоты 40—45 см, боковые были значительно ниже, постепенно сходя на-нет в передней части очага, которая оставалась открытой. Внутри очагов, лежащих на уровне пола, были незначительные углубления. Такие очаги обнаружены в жилищах *9* и *12* (рис. 9, 12 и 16).

Однако в подавляющем большинстве случаев очаги складывались из камней; стенки из камней ограждали с трех сторон овальное блюдообразное углубление в полу; в своем ненно, имеющих отношение к очагам. Они могли служить для укрепления одного конца вертела, другой конец которого упирался в стену.

Таковы основные конструктивные особенности жилых сооружений северного Боршевского городища. Детали их внутреннего устройства, за исключением очагов, не сохранились, и нельзя сказать ничего определенного о месте расположения нар, скамей и т. д. Исключение составляют остатки жилища *1*, где в северной части в полу обнаружены четыре маленькие ямки от столбов, расположенные в

виде правильного прямоугольника. Повидимому, их следует рассматривать как упоры для ножек стола, размером около 1 × 1 м.

Встречающиеся довольно часто в жилых помещениях ямы от столбов, расположенные внутри от линии стен, служили, может быть, для стояков, поддерживавших нары. Если принять во внимание, что жилища топились по-черному, возможно, что нары устраивались довольно высоко, выше дымового отверстия.

сруба. Помещение *10*, в котором пол был облицован деревом, что не наблюдалось ни в одном из жилищ, имело размеры 2.5 × 3.20 м. О наличии сруба можно говорить и применительно к небольшому помещению *13*, площадь которого всего лишь 1.3 × 1.9 м. Остатков дерева здесь не обнаружено, но о существовании сруба говорят две канавки, вырубленные в мелу, в которых обычно располагались нижние венцы сруба. Возможно, что сруб был в помещении *14*, яма которого

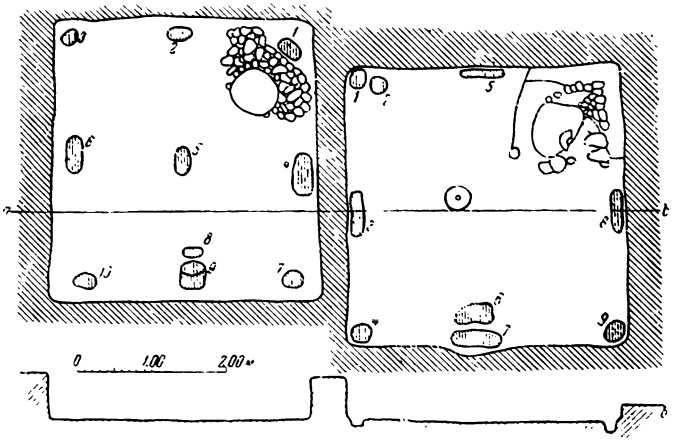


Рис. 17. Большое Боршевское городище. План землянок *18* и *19*.

Такие окна для выхода дыма были замечены нами в двух случаях — в помещениях *2* и *8*, рядом с очагом, и значительно выше его. Они имели вид довольно узких и длинных выемок в меловой скале, на высоте 110—120 см от пола.

В помещении *17*, около жерновов, в полу были обнаружены две ямы, стенки которых в верхней части выщерблены и образуют как бы воронки, а это могло получиться лишь в результате того, что стоящие здесь столбы раскачивались из стороны в сторону. Отсюда можно заключить, что они служили подставкой для найденных здесь жерновов.

V

За исключением помещения мельницы, обозначенного на плане номером *17*, по своим конструктивным особенностям совпадающего с жилищами и отличающегося от них лишь отсутствием очага, все остальные хозяйственные постройки были значительно меньше по размерам и, видимо, проще по устройству, чем жилища. Некоторые из них, как мы уже видели на примере помещения *10*, были углублены, как и жилища, в поверхность меловой толщи и имели деревянные стены в виде

имеет лишь одну полную стенку (рис. 5). Во всяком случае, небольшое число столбов не позволяет предполагать иной конструкции стен. Размеры постройки составляли 1.5 × × 3.5 м.

Как были устроены проходы между жилищами, сказать трудно. В проходе *6*, соединяющем жилища *5* и *7*, имеются четыре ямы от вертикальных столбов. Очевидно, его стенки были обложены деревом. Проход был углублен в мелу меньше, чем жилые помещения: над уровнем пола жилища *5* он возвышается на 90 см, над полом жилища *7* — на 70 см. Размеры его 2.60 и 3.65 м. Небольшой проход между жилищами *7* и *8* также имеет ямы от вертикальных столбов. Они обнаружены и в помещении *3*, размеры которого 2.85 × × 4 м.

В помещениях *13* и *14*, представлявших собой, повидимому, бревенчатые постройки, не было сделано никаких находок, которые могли бы разъяснить их назначение. Но близость их к помещению для размола зерна позволяет рассматривать их как кладовки или закрома, несколько напоминающие закрома для зерна, еще недавно бытовавшие у современного населения Воронежской обл.

Более распространенным видом хранилищ являлись ямы. На исследованной площади

Рис. 18. Большое Боршевское городище. Вид землянки *19* (вверху)
Вид ямы для хранения *А* (внизу).

они были открыты в числе шести, причем три из них сохранились в том виде, какой имели в древности. Глубина ям в среднем 1 м, диаметр их в верхней части составлял 0.8—1 м, книзу ямы сильно расширялись, что ясно видно на рис. 19—20, достигая у дна 1.5 м. Подобные ямы уже не раз встречались на древних городищах Дона, Донца и Днепра, например на Донецком, Роменском, Маяцком и др., и рассматриваются обычно как ямы для хранения зерна. Однако в отношении ям, обнаруженных на северном Боршевском городище, можно сказать, что не все они служили хранилищами для зерна. Если яма *А* (рис. 18), расположенная рядом с мельничным помещением, не вызывает в этом отношении сомнений, то яма *Б* оказалась местом хранения не зерна, а сушеной или мороженой рыбы, чешуя которой покрывала дно ямы слоем в 10 см толщины. В отличие от других, яма *Б* имела неровное дно с углублением в средней части, что видно на рис. 19. Яма *Г* (рис. 20) содержала равным образом рыбные кости и чешую, а также обломки посуды. Последние встречены и в яме *В*.

В прекрасно сохранившейся, округло-трапециевидной в плане яме *Д* не было сделано находок, по которым можно было бы судить о ее назначении. Каких-либо следов покрытия над ямами обнаружено не было, но существование таких покрытий более чем вероятно.

В ямах для хранения, особенно в ямах *А* и *Б*, можно наблюдать одну деталь, касающуюся техники вырубки ям в мелу. Сильно вытоптанный пол и сильно потрескавшиеся стены жилых помещений не сохранили следов того орудия, которым вырубались эти помещения в плотном меловом грунте. В ямах же для хранения, в тех местах, где при расширении стенки образуют род свода и куда, следовательно, не попадала вода, просачивавшаяся сверху, сохранились отчетливые следы орудия с долотовидным прямым лезвием, шириной в 5 см в яме *Б* и 3.2 см в яме *А*. В этом орудии следует видеть пешню с железным наконечником типа, распространенного в тамбовских могильниках, или небольшое тесло, какое известно по находкам в могильниках салтовской эпохи.

Наконец, остановимся на участке наземных построек, занимающем весь северо-западный угол раскопа. Как уже было сказано выше, эта часть городища была спланирована в виде ряда горизонтальных площадок, расположенных по склону городища, подобно ступеням. При этом была снята значительная толща мела, благодаря чему со стороны жилища *8* прилегающий к нему участок ограничен меловой стенкой 50 см высоты. Углубления от столбов, обнаруженные на этой площади в числе 40, отличаются большим разнообразием как по форме, так и по размерам. Их расположение очень неправильно и уловить здесь границы отдельных построек не представляется возможным (рис. 5). Большей определенностью в расположении ям отличается самая верхняя часть описываемого участка. Как видно на плане, здесь по обе стороны ямы для хранения *Б* имеются два свободных пространства, ограниченных ямами от столбов. Что же касается нижних террас, то там расположение ям от столбов исключи-

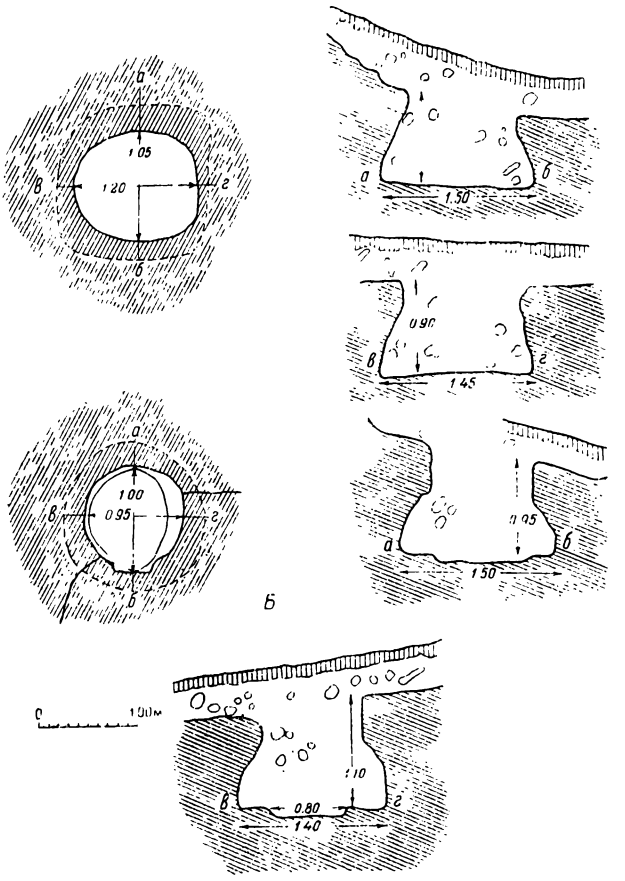


Рис. 19. Большое Боршевское городище. Ямы для хранения *А* и *Б*.

тельно беспорядочно, причем число ям заставляет полагать, что далеко не все эти ямы могли быть одновременно. Навесы любой конструкции не требовали такого большого числа столбов. Предполагать же здесь что-либо иное, чем навесы, мы не имеем оснований. Размеры ям от столбов колеблются от 15 × 15 см до 40 × 40 см. Глубина — от 15 до 60 см.

Исследованные нами остатки построек на Большом Боршевском городище носят явные следы разрушения в результате большого пожара. Следы пожара были обнаружены при исследовании остатков большинства жилищ и построек хозяйственного назначения.

Второе, что необходимо иметь в виду,— это наличие почти во всех жилищах целой глиняной посуды, оставленной на месте в том виде,

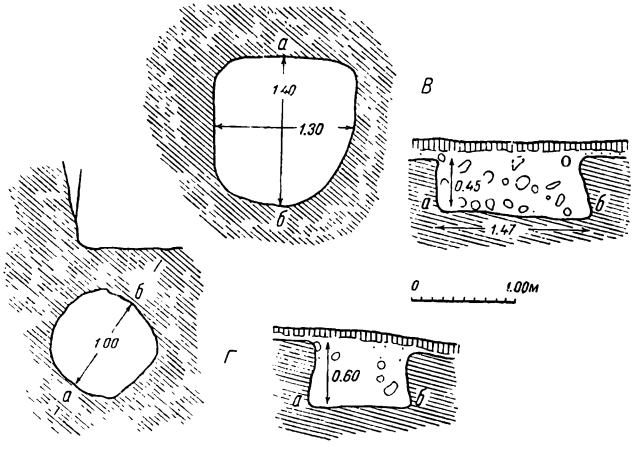


Рис. 20. Большое Боршевское городище. Ямы для хранения *В* и *Г*

VI

Переходя к описанию находок, сделанных при исследовании жилищ Большого Боршевского городища, необходимо остановиться на одном вопросе, разрешение которого позволит определить степень объективной значимости добытого раскопками материала. Этот вопрос, обычно упускаемый из виду, заключается в выяснении причин прекращения жизни на поселении и, особенно, обстановки, в которой поселение было оставлено его обитателями. В тех случаях, когда поселение погибало от пожара или в результате какого-либо стихийного бедствия, культурные остатки, как правило, с наибольшей полнотой отражают картину жизни на поселении. Из практики последних лет классическим примером такого рода является городище XI—XII вв. Райки, около Бердичева, при исследовании которого выявлена картина гибели города в результате неожиданного военного набега и пожара. В тех же случаях, когда жители имели возможность покинуть поселение, унося с собой все имущество, на долю исследователя остается материал, далеко не полно отражающий картину бывшей здесь некогда жизни. Недоучет этого обстоятельства легко может послужить причиной серьезных ошибок и неправильных выводов.

В каком эта посуда служила для надобностей обитателей поселка. В жилище *1* были обнаружены четыре глиняных сосуда, по три сосуда были найдены в жилищах *5* и *9*, два в помещении *17* и т. д. Кроме сосудов, в землянках были обнаружены в целости и некоторые другие вещи. В помещении *17* лежали жернова. Пара жерновов, один целый, а другой разбитый, была обнаружена также в жилище *19*. В других жилищах на полу оказались крупные точильные камни, которые ни в коем случае нельзя рассматривать как брошенные за ненадобностью или утерянные.

Таким образом, в остатках жилищ обнаружен целый ряд предметов бытового назначения в положении, которое как будто указывает, что поселение действительно погибло в результате пожара. Однако совокупность находок, сделанных на городище, не позволяет сделать такой вывод в решительной форме, по крайней мере в том смысле, что пожар явился неожиданным бедствием для населения поселка.

Достаточно указать, что при раскопках не было найдено ни одного годного к употреблению железного предмета, что украшения из стекла, железа, бронзы и кости были найдены в небольшом числе, причем, как правило, это были утерянные вещи; их находили за облицовкой стен, среди камней, очагов и т. д.

Если бы поселение действительно погибло от внезапного пожара, картина, несомненно, была бы иной.

Вывод, к которому мы приходим на основании приведенных выше фактов, таков. Поселение еще перед пожаром было покинуто жителями, успевшими унести с собой наиболее ценный бытовой инвентарь. Оставлено было лишь то, что невозможно было взять, а именно глиняная посуда, которая не выдержала бы дороги, и тяжелые вещи: жернова и точильные камни. Это обстоятельство указывает, что место нового поселения располагалось не по соседству, а в значительном отдалении. Пожар на поселении возник тогда, когда оно было уже оставлено жителями, или может быть даже оно было намеренно сожжено, например, ввиду опасности наступления более сильного противника.

Таким образом, добытый при исследовании городища вещественный материал не может быть признан особенно полным. Он представляет собой лишь некоторые остатки хозяйственного и чисто бытового инвентаря, бывшего в обиходе у населения существовавшего здесь поселка. Лучше всего в этом материале представлена керамика. Кроме целых сосудов, найденных в остатках жилищ, в культурном слое и в земле, заполняющей землянки, обнаружено огромное количество обломков глиняной посуды, черепков.

Большую ценность для восстановления картины жизни поселка имеют костные остатки. Благодаря мелу, кости животных, рыб и птиц прекрасно сохранились и в очень большом количестве, вследствие чего результаты подсчета костей различных животных следует признать вполне отвечающими действительности.

Прекрасной сохранностью отличаются и костяные изделия, хотя в большинстве это не целые, а дефектные вещи, утратившие свою ценность в быту и, вероятно, брошенные.

Железные предметы представлены обломками ножей, острием и шилом, а также неопределенными обломками железных предметов. Присутствие мела весьма неблагоприятно отразилось на сохранности железа. Железные предметы сильно окислились, а в некоторых случаях вовсе потеряли свою первоначальную форму, превратясь в комки ржавчины и известковых натеков. Изделия из других металлов, серебра и бронзы, предметы украшения и монеты сохранились лучше. При раскопках найдены всего лишь две серебряные восточные монеты и два бронзовых украшения. К ним надо прибавить еще различные по форме и материалу бусы (4 экземпляра).

Значительный процент находок составляют изделия из камня (жернова, песты и точильные камни). Наконец, последнюю группу находок, относительно весьма многочисленную, дают пряслица для веретен, изготовленные из камня, из обломков глиняной посуды, из глины. Они отличаются разнообразием как по своей форме, так и по размерам.

VII

Керамика Большого Боршевского городища отличается большим разнообразием по форме, материалу, технике изготовления, происхождению и назначению. Все это делает керамику городища очень интересным источником сведений о хозяйственной жизни его древнего населения.

Если в основу классификации керамического материала положить технику изготовления, то весь собранный материал может быть разбит на четыре основные группы. Первую, объединяющую свыше 75% находок, составит посуда, изготовленная из грубой глины, от руки, без помощи гончарного круга. В дальнейшем эту керамику мы будем обозначать буквой А. Вторая группа Б, представленная меньшим количеством материала (15%), состоит из лепной посуды лучшей выделки. Следующая группа объединяет посуду иноземного происхождения. Она состоит из разнообразных кувшинов и амфор, хорошо известных по материалам нижнедонских городищ. Последняя самая малая группа состоит из нескольких десятков обломков крупных сосудов, слабо обожженных и не отличающихся особенной чистотой глины, но изготовленных на гончарном круге. Как мы покажем ниже, все четыре группы керамики в последние моменты жизни на городище бытовали одновременно.

Керамика группы А представлена 18 целыми сосудами и несколькими сотнями обломков. Среди другого керамического материала она выделяется своей грубой фактурой. Сделанные от руки из глины, содержащей примесь крупных обломков шамота или зерен кварца, сосуды имеют неровную бугристую поверхность. Цвет посуды буровато-серый, неодинаковый снаружи и внутри, а в ряде случаев неоднородный и в различных частях сосуда. Это следует отнести за счет неравномерности обжига, производившегося, вероятно, на открытом огне. Большинство сосудов группы А асимметричны. Являясь в массе толстостенными, они имеют стенки неровной толщины. Как правило, дно сосудов и нижняя часть стенок значительно превосходят по толщине верхнюю часть стенок. По отпечаткам на дне сосудов видно, что они изготовлялись на плоской подставке, на которую насыпался песок или зола. Техника изготовления посуды этого типа, как это явствует из характера изломов, представляла собой обыкновенную жгутовую или ленточную технику, распро-

страненную в Восточной Европе с эпохи неолита.

Керамику группы А составляют четыре различные по форме типа посуды. Это, во-первых, высокие горшки разного размера, составляющие свыше 75% керамики указанной группы и, следовательно, свыше 50% всей керамики. Несмотря на свою грубость, эта посуда отличается весьма выдержанной формой. Высота сосудов, как правило, несколько превосходит ширину горла. Они имеют сравнительно узкое дно, прямые или чуть выпуклые, расширяющиеся кверху стенки, резко суженные в верхней части, и невысокую горловину. Венчик, покрытый орнаментом в виде косых насечек, вдавленный пальцем или несущий отпечатки зубчатого чекана, несколько отогнут наружу. Венчики без орнамента встречаются как исключение. До 10% всей посуды этого типа имеют орнамент, опоясывающий сосуд по стенкам в верхней части под горловиной или по перегибу стенок. Орнаментация состоит из отпечатков зубчатого чекана, расположенных или в виде зигзага или же в виде ряда косых отпечатков (табл. I). На некоторых сосудах орнамент имеет вид ряда неглубоких округлых вдавлений, произведенных, вероятно, пальцем. Один небольшой сосуд по венчику и по плечикам имел узор, состоящий из отпечатков ногтя. Два сосуда украшены в верхней части орнаментом в виде неправильных волнистых линий. Наконец, отметим изображения, ближе всего напоминающие знаки собственности — тамгу. Одно из них обнаружено на черепке из жилища *5* и представляет собой грубое изображение птичьей лапы (табл. I, *6*). Второй знак, в виде двух удлиненных отпечатков, расположенных под углом друг к другу, обнаружен на обломке горшка, найденного в землянке 15 (табл. I, *5*).

Самый крупный по размеру сосуд описываемого типа найден в землянке *1*. Его высота — 31.5 см, диаметр горла 28.5 см, толщина стенок 0.8—1.0 см. По форме это один из наиболее характерных горшков этого рода (табл. II, *1*). Несколько меньших размеров большой сосуд из землянки *22* (табл. II, *2*). Судя по обломкам, среди сосудов типа А были еще более крупные экземпляры этого рода, достигавшие 35—40 см высоты при ширине горловины, равной 30—35 см. Особенностью наиболее крупных сосудов является отсутствие орнамента на стенках, при наличии его по венчику. Таких крупных сосудов было сравнительно немного. Главную массу составляли горшки средней и малой величины, причем первые численно преобладали над вторыми.

Цельные сосуды средней величины найдены в количестве 4. Горшок из землянки *18* имеет 18 см высоты при диаметре горла 16.5 см (табл. II, *3*); такие же размеры имеет другой горшок из этой землянки, сохранившийся лишь наполовину. Горшок из землянки *17* имеет 17.5 см высоты и горловину диаметром 14 см (табл. II, *4*). Около 20 см высоты имеет горшок, найденный вне жилищ около ямы для хранения А, верхняя часть которого не сохранилась. Эти размеры следует признать характерными для всех других горшков средней величины, сохранившихся в виде обломков.

Горшков малой величины сохранилось в целости 9. В землянке *1* найден горшок высотой 10.9 см, при диаметре горла 11.2 см (табл. III, *1*). В землянке *3* — маленький горшок высотой 13 см, с диаметром горла 11.7 см (табл. II, *5*). Приблизительно такие же размеры имеют два горшка из землянки *5* и два горшка из землянки *9* (табл. III, *3*). Те же размеры имеет горшочек из землянки *19*; его высота — 11.5 см, диаметр горловины 10.5 см (табл. III, *2*). Толщина стенок всех этих горшков 0.5—0.8 см, причем дно у них несколько толще, чем стенки. Несколько меньшими оказались два горшочка, обнаруженные в землянках *15* и *19*.

Второй тип посуды группы А составляют небольшие по размеру, но широкие горшки мискообразной формы. Они обнаружены в числе трех целых экземпляров, а также в обломках. Наиболее характерными из них следует считать миски, найденные в землянках *9* и *19*. Первая имеет высоту 9 см и диаметр горла 16 см (табл. III, *4*), вторая соответственно 9.4 см и 16.5 см (табл. III, *5*). Третья миска обнаружена в землянке *1*. Она несколько меньше предыдущих и отличается толстостенностью (табл. III, *6*). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посуда в виде мисок не имеет никакой орнаментации по венчику. Последний здесь всегда закруглен и тщательно сглажен. Это указывает на иное их назначение. Возможно, что названные миски употреблялись для питья.

Третий тип посуды той же группы составляют широкие мисы для изготовления сыра. Обломки их были найдены почти во всех жилищах. В землянках *3* и *5* были обнаружены почти целые экземпляры этой посуды, изображенные на табл. III, *7—8*. Миска из землянки *3* отличается асимметричностью. Ее высота колеблется от 12.2 см до 13.6 см, диаметр горловины — 24.4 см, дна — 8.7 см. Как и всякая другая посуда этого типа, миска отличается большой толстостенностью. В верхней части толщина стенок составляет 1.2 см, в нижней — свыше 2 см. Толстостенность этой посуды объясняется необходимостью придать ей значительную прочность, способную выдержать груз, лежащий сверху на ее содержимом. Что эта миса действительно предназначалась для указанной цели, свидетельствует сделанное у дна круглое отверстие,

диаметром около 2 см, служившее для стекания сыворотки. Вторая миска, найденная в землянке *5*, имеет несколько иные пропорции.

Наконец, четвертый и последний тип посуды этой группы, обнаруженный в обломках во всех землянках, представляет собой нечто вроде тарелок или совсем низких мисок диаметром до 20—25 см при высоте 3—4—5 см. На табл. IV, *1* изображен значительный по размеру фрагмент такого сосуда в виде плоского глиняного круга, толщиною в 2 см с вертикальными бортиками по краю. Данный экземпляр, происходящий из культурного слоя и найденный в восточной части раскопа, не имеет орнаментации. Большинство же тарелок имеют по венчику обычный орнамент.

Во многих землянках были встречены обломки еще одного типа глиняной посуды, который лишь условно может быть причислен к группе А и, более того, лишь условно может быть назван посудой. Наиболее полное представление о нем мы имеем на основании находки в землянке *2*. Здесь на очаге было найдено в обломках огромное глиняное блюдо округло-прямоугольной формы, видимо, стоявшее раньше поверх очага на окружавших его камнях. Точные размеры блюда восстановить не удалось, но его поперечник составлял не менее 60 см. По форме оно примыкает к описанным выше тарелкам, т. е. имеет плоское дно толщиною в 4—5 см и вертикальные стенки около 10 см высоты (толщиною в 2—2.5 см), закругленные по обрезу. Блюдо отличается очень плохой сохранностью, что объясняется особым составом глины, из которой изготовлена и вся другая посуда этого типа. К глине были примешаны растительные остатки, трава, листья, возможно, стружки и т. д., в результате чего глина обладает большой пористостью. Один из обломков блюда, происходящий из землянки *7*, изображен на табл. IV, *2*. Следует предполагать, что эти глиняные сосуды служили для выпечки хлеба в виде лепешек тем самым способом, который и поныне сохраняется у крестьянского населения Болгарии и Югославии.

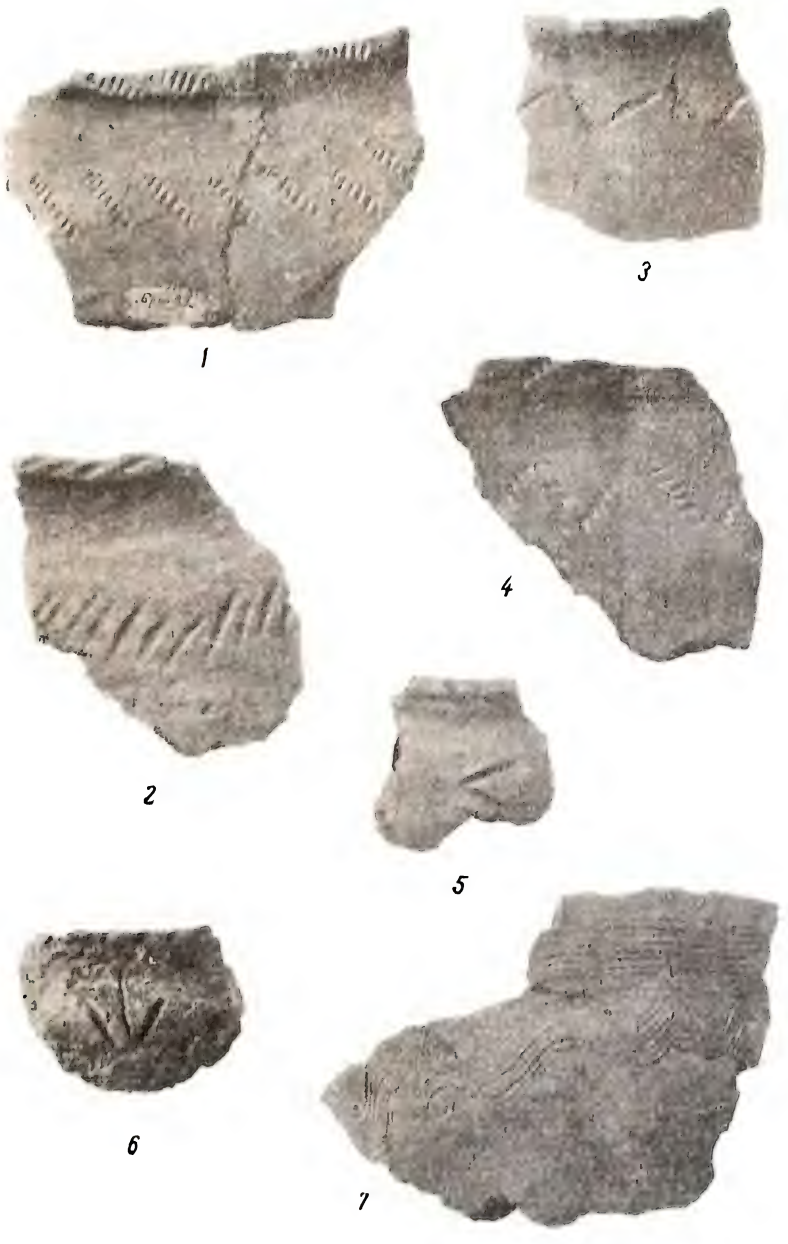
Вторая группа посуды отличается от первой прежде всего составом глины. Сосуды группы Б изготовлены из чистой, хорошо промешанной глины с незначительной примесью мелкого песка, вследствие чего они имеют ровную поверхность. Цвет их желтовато-бурый, более светлый, чем окраска посуды группы А. Ровная окраска стенок свидетельствует о лучшем обжиге, отчего эта керамика прочнее предыдущей. Полное представление о ней мы можем составить на основании четырех целых сосудов, найденных в остатках жилищ, и ряда крупных фрагментов, достигающих одной четвертой или одной третьей части сосуда.

Если керамика группы А состояла из 4 типов посуды, варьирующих по размерам, то керамика группы Б представлена лишь одним типом, а именно горшками средней величины, несколько превышающими по размеру средние горшки предыдущей группы. Горшки группы Б значительно шире, чем горшки группы А. Перегиб стенок у них не под самой горловиной, а несколько ниже. Как правило, эта посуда не имеет орнаментации по венчику. По стенкам же некоторые горшки были орнаментированы узорами, аналогичными орнаменту посуды группы А.

Керамика группы Б бытовала одновременно с керамикой группы А. Это доказывают следующие находки. На полу землянки *1* вместе с тремя целыми сосудами группы А был найден сосуд группы Б, орнаментированный узором из отпечатков зубчатого чекана. Высота сосуда — 16.2 см, диаметр горловины — 18.5 см, толщина стенок — 0.8 см (табл. V, *1*). Другой такой сосуд был найден вместе с двумя сосудами группы А в землянке *3*. По форме он чрезвычайно близок к предыдущему, но лишен орнамента и несколько превосходит его по размерам (высота 17.5 см, диаметр 23.0 см). Два целых сосуда, один, принадлежащий к группе А, другой к группе Б, были обнаружены в западной части помещения *17*. Размеры сосуда группы Б и здесь средние: его высота 17.5 см, диаметр горла 18 см (табл. *V*, *2*). За редким исключением приблизительно такие размеры имели и все другие сосуды типа Б, о которых мы можем судить на основании обломков.

Посуда группы Б имеет, таким образом, значительное сходство с предыдущей, но, вместе с тем, и такие особенности, объяснение которых приходится искать в иной организации ее производства. То обстоятельство, что она обладает лучшим обжигом, отличается значительно лучшим качеством и, прежде всего, то, что она представлена однородными по форме и размеру сосудами, заставляет рассматривать ее как продукт уже не домашнего, а ремесленного производства, зарождающегося керамического ремесла, далеко еще, правда, не вытеснившего домашнее изготовление глиняной посуды. Такое ремесленное производство, основанное на старых приемах изготовления глиняной посуды от руки, без помощи гончарного круга, не получило, видимо, значительного развития. На смену ручной технике в условиях ремесленного производства скоро пришел гончарный круг. Поэтому керамику группы Б можно охарактеризовать как тип переходный, не получивший широкого распространения.

Глиняную посуду следующей группы мы охарактеризовали выше как посуду, изготовленную не на месте, а где-то на стороне, преимущественно в более южных районах. Таковой она действительно и является. Тот небольшой материал, которым мы располагаем



Большое Боршевское городище. Керамика. Виды орнамента.

Большое Боршевское городище. Керамика группы А.

Большое Боршевское городище. Керамика группы А.

Большое Боршевское городище. Керамика группы I и привозная.

для характеристики этой посуды, совпадает материалами нижнедонских и донецких городищ IX—X вв., таких, как Цимлянское, Салтовское, Маяцкое и другие памятники так называемой хазарской эпохи.

От местной керамики эта посуда отличается чрезвычайно резко. Она изготовлена с помощью гончарного круга из мелкозернистой, хорошо промешанной глины и прекрасно обожжена.

Цвет посуды варьирует от светложелтого до кирпичнокрасного. Большинство сосудов имеет светлую красно-серую окраску, равномерную по всей поверхности сосуда. В отличие от сравнительно рыхлой и непрочной местной керамики, особенно же керамики группы А, привозная посуда имеет плотную и прочную фактуру. Ее прочность была оценена в свое время и населением городища, которое изготовляло из обломков этой посуды прясла для веретен.

Среди материала городища не имеется ни одного целого экземпляра подобной посуды. Но по обломкам (табл. V), часто весьма значительным по размеру, удается полностью восстановить ее формы, которые к тому же были весьма немногочисленны.

Наибольшее число обломков привозной посуды принадлежит высоким кувшинам с узким плоским дном, расширяющимся кверху телом и узким высоким горлом, около которого имелась одна ручка, уплощенная в сечении. Следы гончарного круга, в виде зональных бороздок на наружной поверхности кувшинов, часто приобретали характер орнамента. На ручках кувшинов имеется узор из беспорядочных наколов или ямочных вдавлений. Высота кувшинов приблизительно 40—50 см, наибольший диаметр до 20 см. Толщина стенок не была постоянной. Кувшины желтой и красной окраски отличались тонкостенностью (5—6 мм), кувшины красновато-серые имели более толстые стенки (8—10 мм). Насколько можно судить по сравнительно небольшому материалу, зональные бороздки орнаментального характера, покрывающие все тело кувшина, имели место, главным образом, на тонкостенных красных или желтых кувшинах. Серые же имели гладкую поверхность и лишь в отдельных случаях орнамент из волнистых линий в верхней части.

Наиболее полными являются два кувшина в обломках, найденные в яме землянки *18*. Первый из них принадлежит к красным тонкостенным кувшинам. Его поверхность сплошь покрыта орнаментальными бороздками. Второй, представленный меньшим числом обломков, имеет серую окраску и более массивные стенки. В яме землянки *17* найдены горловины трех таких кувшинов. Отдельные их обломки встречены в землянках *1*, *7*, *8*, *9*, *15* и некоторых других, а также в культурном слое, откуда происходят также обломки одного серого кувшина, превышающего по величине средние размеры. Диаметр его тела равнялся 30 см.

Вторую, также относительно многочисленную группу уже несомненно привозной посуды составляли круглодонные амфоры с удлиненно-яйцевидным телом, узким горлом и двумя ручками. В отличие от кувшинов, имеющих более или менее одинаковые размеры, амфоры значительно варьировали по величине; диаметр тела колебался от 20—25 до 40—45 см. Точно так же, как и кувшины, они распадались по окраске на две группы: на светлые (желтые и красноватые) и на серые. Однако по толщине стенок эти группы друг от друга заметно не разнились. Толщина стенок и тех и других амфор составляла 0.7—1 см. В верхней части тела, по плечикам, амфоры орнаментированы зональными бороздками, выполненными на гончарном круге. У амфор желтой и красной окраски эти бороздки несколько глубже, чем у серых; они имеют вид глубоких желобков, расположенных один от другого на расстоянии 1 см. У амфор серой окраски бороздки тоньше и не так глубоки. Они располагаются ближе друг к другу и лишь по плечикам амфоры, не спускаясь на ее стенки.

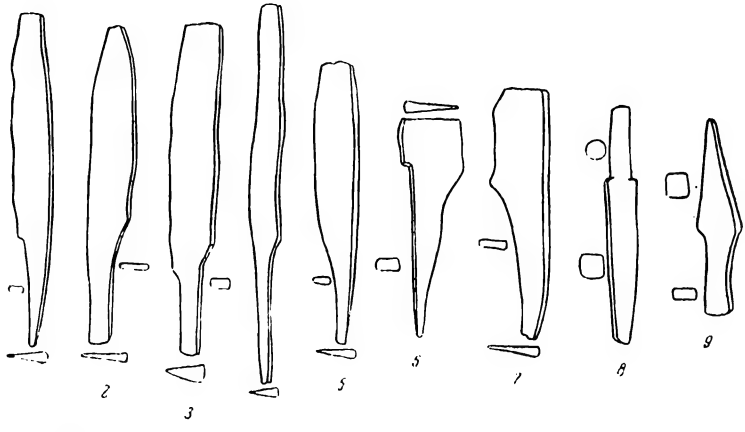
Эти амфоры, точно так же как и некоторые кувшины, попадали к населению Борщевского городища с юга, вероятно, как посуда, в которой сюда привозили вино, растительное масло, соль и тому подобные продукты.

В количестве всего лишь нескольких обломков представлена на городище посуда в виде низких и широких кувшинов, хорошо известная на нижнем Дону по материалам могильников салтовского типа. Как известно, характерные образцы этой посуды в отличие от высоких кувшинов и амфор, которые также встречаются в салтовских могильниках, имеют черную лощеную поверхность и орнамент в виде неглубоких бороздок, опоясывающих сосуд по горловине и по телу на половине его высоты. В землянке *18* была найдена часть такого кувшина; горловина с ручкой и частью тела, на основании которой характер сосуда восстанавливается целиком (табл. V, *3*). Это был небольшой широкий кувшинчик с невысоким и относительно узким горлом и одной ручкой. Его высота равна 8.5—9 см, диаметр тела 11 см, диаметр горловины 6 см. Сосуд относительно тонкостенен (0.5—0.6 см) и имеет черную, тщательно вылощенную поверхность. По основанию горловины и по телу ниже ручки нанесены орнаментальные бороздки, опоясывающие сосуд. Подобно характерным экземплярам этой посуды стенки кувшинчика имеют тенденцию расслаиваться.

ТАБЛИЦА V

Большое Боршевское городище. Керамика, обломки блюда и «противня».

ТАБЛИЦА VI



Большое Боршевское городище. Изделия из железа: ножи и острия.

Таким образом, к посуде салтовских могильников он примыкает по всем признакам.

Другие кувшины, обломки которых были обнаружены на городище в числе 3—4, не так характерны. Целые экземпляры их были встречены при исследовании курганов Боршевской группы. Это относительно высокие кувшины с плоским дном, округло-овальным телом и невысокой шейкой с одной ручкой. По фактуре и цвету они примыкают к высоким кувшинам серой окраски. С салтовскими кувшинами их сближают орнаментальные бороздки и отслаивание поверхности стенок. Изготовлены кувшины с помощью гончарного круга.

Нам остается отметить еще один тип глиняной посуды (группа Г), представленный несколькими обломками, обнаруженными в очагах землянок *8* и *18*. Это обломки больших и толстостенных (толщина 8—10 мм) сосудов, повидимому в форме горшков, изготовленных на гончарном круге из грубой, непромешанной глины с примесью дресвы и шамота и плохо обожженных. С наружной поверхности сосулы были орнаментированы рядом параллельных прямых и волнообразных бороздок (табл. I, *7*). Посуда этого характера в небольшом числе была встречена на городище Монастырище около Ромен и на других городищах бассейна р. Сулы. Известна подобная посуда и на городищах нижнего Дона, в частности на Цымлянском городище. Она представляет собой, повидимому, наиболее раннюю посуду в форме горшков, изготовленную на гончарном круге. Что касается обломков, обнаруженных на Боршевском городище, то решить вопрос о происхождении этой посуды сейчас не представляется возможным. Она, быть может, продукт местного производства, но, возможно, является и привозной.

В заключение необходимо познакомиться с тем, как распределялась глиняная посуда по отдельным жилищам. Основные типы посуды (горшки разных величин, миски, мисы-сырницы и тарелки) целыми экземплярами или в обломках были обнаружены почти во всех жилищах. То же самое следует сказать про обломки больших глиняных блюд, на что мы уже указывали выше.

Однако известные различия в керамическом материале, обнаруженном в отдельных землянках, все же имеются. В землянках *1*, *2* и *3*, составлявших несомненно один жилой комплекс, найдена почти исключительно керамика группы А. Керамика группы Б представлена одним сосудом и несколькими обломками. Обломки кувшинов и амфор встречены в числе единичных экземпляров. О глиняном блюде, обнаруженном на очаге землянки *2*, мы уже упоминали выше.

Такой же характер имеет керамический материал, найденный в землянках *5*, *7* *9* и *15*. Керамика группы А разных форм и размеров здесь явно преобладает над другим керамическим материалом, представленным сравнительно незначительным числом обломков. Обломки глиняных блюд встречены в землянках *7* и *9*. Совершенно иной характер имеет керамика землянок *8* и *17*. В первой до 50% всего материала составляет посуда группы Б. В очаге были найдены обломки большого горшка, изготовленного с помощью гончарного круга, о котором мы уже говорили. В землянке *17* процент керамики группы Б также весьма значителен; имеется посуда четвертой группы, а также обломки нескольких кувшинов с ручками, орнаментированными наколами. Найден обломок большой амфоры с желобчатой поверхностью.

Любопытно сравнить керамику, найденную в двух соседних землянках западного склона *18* и *19*. В первой преобладает привозная посуда. Кроме обломков двух высоких кувшинов, здесь найден маленький кувшинчик салтовского типа с характерным черным лощением по всей поверхности и орнаментацией в виде желобков. В очаге найдены обломки посуды группы Г Обломки сосудов группы А и Б встречены в незначительном числе. Около очага обнаружены обломки большого глиняного блюда.

Керамика соседней землянки *18* почти целиком принадлежит к группе А. Обломки керамики иного характера встречены здесь в единичных экземплярах. Такое значительное расхождение в составе глиняной посуды двух соседних жилищ находит свое объяснение как будто лишь по линии имущественной дифференциации. То же самое надо сказать применительно к соседним землянкам *5*, *7* и *8*, керамический материал которых, как мы видели, далеко не однороден.

Что касается двух последних землянок, *21* и *22*, то в них был обнаружен керамический материал обычного характера с явным преобладанием посуды группы А.

Среди керамического материала имеется несколько обломков, о которых следует сказать особо. Прежде всего отметим обломок глиняного сосуда, по общему облику примыкающего к группе А, с орнаментом в виде вертикальных желобков или каннелюр, сплошь покрывающих все тело сосуда. Посуда этого типа известна из раскопок на Роменском городище и по находкам в Польше. Можно полагать, что сосуд с каннелюрами, обломок которого обнаружен в землянке *22*, по времени соответствует всей другой керамике городища.

В заполнении ям землянок *3* и *17* встречены в числе нескольких десятков обломки керамики, орнаментированной по горловине рядом глубоких ямок или сквозных отверстий. По фактуре эта керамика несколько прибли-

жается к посуде группы Б, но имеет и черты различия. Форма этой посуды также отличается от обычной керамики городища. Это были горшки с выпуклыми стенками, слегка суженными к горловине. Того резкого перегиба стенок в верхней части сосуда, который так характерен для горшков как группы А, так и группы Б, эта посуда не имеет. По общему облику она напоминает сарматскую керамику и, можно думать, что найденные на городище фрагменты относятся к более раннему времени.

Не вызывает сомнения относительно принадлежности к значительно более раннему времени ручка амфоры, состоящая из двух соединенных между собой валиков. Это — обломки греческой или, вернее, северно-черноморской амфоры II в. до н. э.

Наконец отметим несколько фрагментов богато орнаментированной посуды, относящейся к эпохе бронзы, найденные у края городища около землянки *15*. Эта керамика совершенно аналогична посуде из слоя эпохи бронзы, обнаруженного на Малом Боршевском городище.

VIII

Вещественный материал, происходящий из раскопок на Большом Боршевском городище, поражает своей примитивностью, особым отпечатком архаики. Он имеет очень мало общего с теми находками, которые обычно встречаются при исследовании русских поселений XI—XII вв., материальная культура которых являлась уже продуктом возникшего ремесла. Материальная культура обитателей Боршевского городища, живших в глухом лесном краю, несомненно уходит своими корнями в далекое прошлое, сохраняя черты культуры древних городищ лесной полосы начала и середины I тысячелетия н. э.

Об этом говорит, прежде всего, характер предметов, изготовленных из железа. Если не принимать в расчет несколько мелких неопределенных перержавевших обломков, то на городище было найдено всего лишь 12 железных изделий, преимущественно дефектных. Это 9 небольших черенковых ножей, 2 массивных острия и обломок небольшого железного кольца. При исследовании остатков построек не было найдено ни одного железного орудия, связанного с каким-либо ремеслом, не было найдено земледельческих орудий и пр. Это явление нельзя объяснить лишь теми условиями, при которых поселение было покинуто. Оно объясняется несомненно тем, что железо в условиях жизни поселка было ценным материалом, что к нему относились бережно и что ассортимент железных изделий не был особенно велик.

Наряду с этим заслуживает внимания относительное обилие изделий из кости и рога. При раскопках были найдены примитивные костяные острия, просверленные астрагалы, сломанные рукоятки ножей и некоторые другие дефектные вещи. Об обилии изделий из этих материалов говорят не столько перечисленные находки, сколько многочисленные обрезки рога и кости, различные заготовки и костяная стружка, указывающие на широкое использование кости и рога. Ассортимент изделий из кости, был, повидимому, весьма значительным. Из кости выделывались различные производственные орудия, а также предметы бытового назначения.

Отметим в находках, сделанных на Боршевском городище, отсутствие костяных гребней, столь обычных на более поздних русских городищах. Гребни эти вместе с рядом других изделий, свойственных XI—XII вв., являлись продуктом уже ремесленного производства. Культура древних обитателей Боршевского городища принадлежит к доремесленной эпохе, к самому концу последней.

В пределах раскопа, в культурном слое и на дне землянок было найдено 132 предмета из металла, кости, глины, стекла и камня. Чтобы сразу можно было составить полное представление о характере и распределении находок, перечень их дается ниже, в виде таблицы (табл. 1). В землянках, не указанных в таблице, никаких вещественных находок сделано не было.

Из 9 ножей, найденных в землянках и вне их в культурном слое восточного склона, более или менее цельных имеется лишь 4 экземпляра. Это небольшие ножи, с лезвием длиной от 7 до 8 см, шириной от 1.5 до 2 см и с черенком длиной 3.5—5 см. Размеры ножей, представленных в обломках, не выходят за пределы этих цифр. По форме ножи распадаются на два типа: на ножи с прямой спинкой и черенком, отдельным уступом как со стороны спинки, так и со стороны лезвия (табл. VI, *2, 3, 4, 6*), и на ножи, спинка которых несколько выпукла и образует с черенком одну линию (табл. VI, *1, 5, 7*). И тех и других ножей найдено по четыре: первые происходят из землянок *3, 17, 18* и участка 16, вторые из землянки *21*, участков 11 и 16 и культурного слоя в восточной части раскопа. Последний, 9-й, нож сохранился настолько плохо, что его форму восстановить невозможно.

Ножи второго типа по своей форме являются более архаичными. Они представляют собой вариант тех ножей с кривой спинкой, которые имели широчайшее распространение в центральной и восточной Европе в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. Поэтому является, возможно, неслучайным, что эти ножи, за одним исключением, были встречены вне землянок в культурном слое. В зем-

лянках же были представлены более поздние ножи первого типа.

Ножи второго типа обыкновенные хозяйственные ножи, универсальные бытовые орудия. Они вставлялись в костяные или деревянные рукоятки. На черенках некоторых из них сохранились следы дерева.

также своего рода универсальное орудие широким хозяйственным применением, хотя по сравнению с шильями тех же размеров, употреблявшимися, например, в деревообделочном или шорном деле, эти острия имеют слишком короткие и, следовательно, слабые, черенки.

Таблица 1

№	Наименование предметов	Вне землянок	В землянках												Всего в землянках и вне их
			2		5	7	8		15	17	18	19	21	22	
1	Ножи железные			1						1	1		1		
2	Острия железные						1							1	
3	Кольцо железное . .			1											1
4	Костяные рукоятки ножа									1			1		2
5	Острия костяные	2	3	1	3	2	1	3	3	5	4	1	5	3	36
6	Астрагалы косули	2	4			3		1		2				5	17
7	» бобра . . .				1		1			1					3
8	Костяные трапециевидные подвески					1							1		2
9	Другие кост. изделия	2				2	1		1				3	3	12
10	Прясла глин. и камен.	2			2	1	1		1	3	2	1	2		15
11	Грузила (?) глин. . . .	1			1										2
12	Конус глин. с отверстием . .							1							1
13	Тигель глиняный . .														2
14	Формочка литейная .					1									1
15	Точильные камни			1			3			1				1	6
16	Большие точильн. камни и плиты для растирания		3	1	1					1	1				10
17	Пест каменный .					1									1
18	Жернова									1		1			2
19	Монеты									1	1				
20	Бусы	3					1		1						5
21	Бляшка бронзовая				1										1
	Всего	19	10	5	9	11	9	5	6	20	9	3	13	13	132

Костяные рукоятки ножей были найдены в землянках *17* и *21* (табл. VII, *8—9*). Это простые, овальные в разрезе, рукоятки, длиной около 9 см. В первой из них сохранился черенок ножа; вторая снабжена отверстием для подвешивания. Частью рукоятки ножа является, возможно, костяная поделка, изображенная на табл. VIII, *14*, представляющая собой фрагмент полукруглого стержня с такой же (плоской с обратной стороны) головкой.

Железные острия (табл. VI, *8—9*), найденные в землянках *8* и *22*, представляют собой массивные, четырехгранные заостренные стержни с коротким, более тонким, прямоугольным в разрезе черенком. У обоих острий на черенках сохранились остатки деревянных рукояток, законсервированные ржавчиной. Размеры первого острия (землянка *8*) 6 см, из них черенок составляет 2.25 см. Толщина стержня 1 см. Второе, более удлиненное острие, с обломанным кончиком, имеет в длину 7 см, из которых черенок составляет 2 см. Когда оно было целым, его стержень был длиннее не более чем на 1 см. Толщина его также 1 см.

Что представляли собой эти острия, сказать трудно. Вероятно, в них следует видеть

Последний железный предмет это часть круглого кольца, диаметром 6 см и в сечении 0.6 см. Оно было найдено в землянке *3*.

Среди костяных изделий, обнаруженных на Большом Боршевском городище, преобладают острия, служившие, повидимому, для вязания рыболовных сетей. Они были найдены во всех землянках, за исключением первой, по одному, по два, по три, по четыре и даже в двух случаях по пяти. Вне пределов жилищ, в культурном слое, было обнаружено лишь два костяных острия (табл. VIII).

Все эти орудия более или менее однородны. Они изготовлены из метакарпальных костей лося и обработаны лишь у рабочего конца, которому придана форма массивного конического острия. Противоположный конец кости никакой обработке не подвергался. Длина острий варьирует между 9.2 и 20 см. Большинство из них имеет длину около 15 см. По форме заострения, которое имеет относительно тупой угол и закругленный, а не заостренный кончик, можно считать несомненным, что орудиями в виде шила большинство этих костяных изделий служить не могли. На основании этнографических данных, например материалов нашего Северного Поморья, их сле-

Большое Боршевское городище. Изделия из кости.

дует рассматривать как иглы для вязания сетей. Если вспомнить о том огромном количестве рыбьих костей и чешуи, которое было найдено на Большом Боршевском городище, то нахождение их во всех земляниках и большое число этих орудий станет совершенно понятным. Лишь несколько острий имеют более заостренный и хорошо зашлифованный кэнчик. Эти орудия служили, повидимому, в качестве шильев.

Не вполне ясным является назначение просверленных астрагалов косули и бобра, найденных на городище в числе 20 экз. (табл. VII, *1—7*). Попытка рассматривать их в качестве украшений или амулетов является мало удачной. Вероятнее предполагать, что они служили для игры в кости. Астрагалы были найдены в пяти землянках, а именно: во *2*-й — четыре астрагала косули, в *22*-й — пять, в *7*-й — три, в *9*-й — один, в *17*-й — два астрагала косули и один бобра, в *5*-й и *8*-й — по одному астрагалу бобра. Два астрагала были найдены в культурном слое вне площади жилищ.

Кость и рог служили материалом для ряда изделий. Были найдены две костяные трубочки, длиной около 10 см, вырезанные из птичьих костей (землянки *7* и *21*, табл. VII, *10*), обломок округлого стержня с выемкой в основании и с остатками железных гвоздиков (вне землянок, табл. VII, *11*), обломок костяной пластинки с орнаментом в виде двух кружков с точкой посредине (вне землянок, табл. IX, *6*).

Заслуживает внимания обломок хорошо обработанной костяной трубочки с расширяющимся концом, который, повидимому, был закрыт костяной пробкой, удерживаемой двумя железными гвоздиками. Около раструба имеются одно против другого два круглые отверстия. С одной стороны вдоль трубки нанесен ряд маленьких углублений. В этой поделке, повидимому, следует видеть нечто вроде игольника (табл. IX, *7*). Она была найдена в землянке *8*. Длина сохранившейся части — около 7 см.

Очень интересна роговая поделка, изображенная на табл. IX, *1*. Она имеет вид кривого острия, что является естественной формой отростка рога, с цилиндрическим расширением в тыльной части, снабженным глубоким вырезом и отверстием. Стержень острия хорошо заполирован и имеет следы многочисленных поперечных бороздок. Поделка происходит из землянки *21*, ее длина 15.5 см.

Костяные поделки такой формы были находимы уже не раз. У некоторых из них тыльный конец, имеющий вырез и отверстие, обработан в виде морды животного. Нам известен неопубликованный предмет этого типа из раскопок Б. А. Рыбакова на известном Гочевском городище. Такое же острие из рога было найдено Н. Н. Третьяковым в кургане XI в. на оз. Ямоложье, около Болотого. У пояса погребенной там женщины были открыты остатки мешочка, содержавшего железные ключи, бронзовые крестовидные подвески, несколько просверленных астрагалов и интересующее нас острие, конец которого обработан в виде головы лося.

Такие же костяные поделки, несколько меньшего размера, встречаются в курганах Южного Приладожья. Н. Е. Бранденбург называет их «шильями с головами драконов».[1] Действительное назначение этих вещей остается для нас пока неясным.

Продолжая обзор находок, сделанных на Большом Боршевском городище, остановимся на костяных украшениях. К ним относятся прежде всего две трапециевидные подвески с отверстиями, вырезанные из стенок трубчатых костей. Одна из них (табл. IX, *2*, землянка *21*) цельная, размером 5 × 2 см; другая (табл. IX, *3*, землянка *7*) обломана. Обе подвески с наружной стороны покрыты нарезным геометрическим орнаментом в виде комбинации рядов треугольников. Таким же точно орнаментом покрыт найденный в землянке *22* астрагал оленя (табл. IX, *5*) без отверстия для привешивания.

Наконец, к той же категории предметов относятся две бусы из позвонков крупной рыбы и зуб маленького хищника с отверстием для привешивания. Одна из бус интересна тем, что помимо круглого центрального отверстия она имеет еще четыре прямоугольных дырочки, идущих к отверстию с боков (табл. X, *21*, землянка *7*); клык и другая буса происходят из землянки *21* (табл. IX, *4* и табл. X, *20*).

Обильно представлены среди находок на Большом Боршевском городище прясла от веретен. Они найдены в количестве 13 целых и 2 дефектных экземпляров. Все прясла, кроме двух (целого и поломанного), были найдены в жилищах, по одному, по два, по три. Не было найдено прясел в землянках *1, 2, 3, 9, 14* и *22*.

Большинство прясел, а именно семь целых и два поломанных, изготовлены самым примитивным способом из черепков глиняной посуды, но не местной, грубой и хрупкой, а из привозной, более прочной и тяжелой. Сначала черепок обкалывался приблизительно в форме кружочка, который затем слегка обтачивался на камне; наконец, просверливалось отверстие. Сверху и снизу черепок не подвергался никакой обработке, некоторые прясла поэтому сохранили следы орнаментации в виде волнистых линий или рифления.

[1] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895, стр. 86—87, табл. V, *5, 9*.

Большое Боршевское городище. Костяные острия.

Большое Боршевское городище. Предметы убора и украшения.

покрывающих стенки сосуда, из обломков которого они были изготовлены. Размеры прясел более или менее одинаковы, а именно: диаметр 3—4 см, диаметр отверстия 0.6—0.8 см; толщина, соответствующая толщине стенок глиняных сосудов, колеблется в пределах 0.6—0.8 см (табл. X, *1—9*).

Интересно, что четыре прясла другого характера, изготовленные из глины или камня с помощью станка и, несомненно, привозные, отличались значительно большим диаметром отверстия, очевидно не соответствующим размерам местных деревянных веретен. Среди них выделяется прясло из белого камня, плоское, но не цилиндрическое, а с закругленным краем, диаметром 3 см, толщиной 0.9 см, с отверстием диаметром 1 см. У населения городища оно прясло не служило, а употреблялось в виде подвески, о чем свидетельствует небольшая бороздка, протертая нитью, на которой висела эта импровизированная буса (табл. X, *10*). Прясло было найдено в культурном слое восточного склона городища.

маленькие глиняные шарики (поперечник 2 см) со сквозными отверстиями диаметром 0.4 см, по форме напоминающие бусы (табл. X, *16—17*). Они были найдены в землянке *5* и в культурном слое на восточном склоне городища. Возможно, что они служили грузилами.

Третья глиняная поделка — это небольшой усеченный конус с продольным сквозным отверстием, найденный в землянке *9*. Его высота 2.5 см, диаметр основания 3 см, диаметр отверстия 0.5 см. Конус, как и шарики, изготовлен из обычной для местной керамики грубой непромешанной глины и несколько асимметричен по форме (табл. X, *18*).

Несколько находок говорят о том, что в поселении производилась обработка металла, хотя и в небольших масштабах. В землянке *7* была встречена часть заготовки двусторонней литейной формочки, вырезанной из мела. Для выделки каких изделий она предназначалась, осталось неизвестным, так как на ней намечена лишь воронка для литья ме-

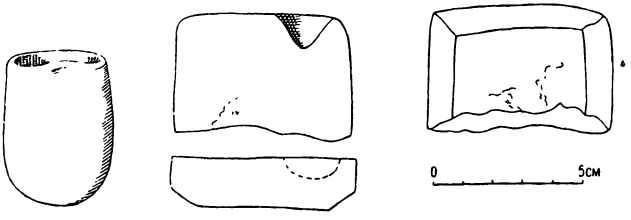


Рис. 21. Большое Боршевское городище. Тигель и часть л формочки из меловой плитки.

Два других прясла, найденные одно в землянке *15* (табл. X, *13*), другое в землянке *17* (табл. X, *12*), изготовлены из хорошей красной глины на станке и имеют биконическую форму. Первое из них, диаметром 3.2 см и высотой 1.5 см, имеет отверстие диаметром 1.5 см; соответствующие размеры второго 2.8, 2.7 и 1 см. Еще одно прясло, напоминающее бусу, выточено из серого камня. Оно имеет биконические очертания и орнаментировано по краям двумя кольцевыми бороздками. Его диаметр 2.8 см, высота 2.1 см; диаметр отверстия 1.2 см (табл. X, *11*, землянка *19*).

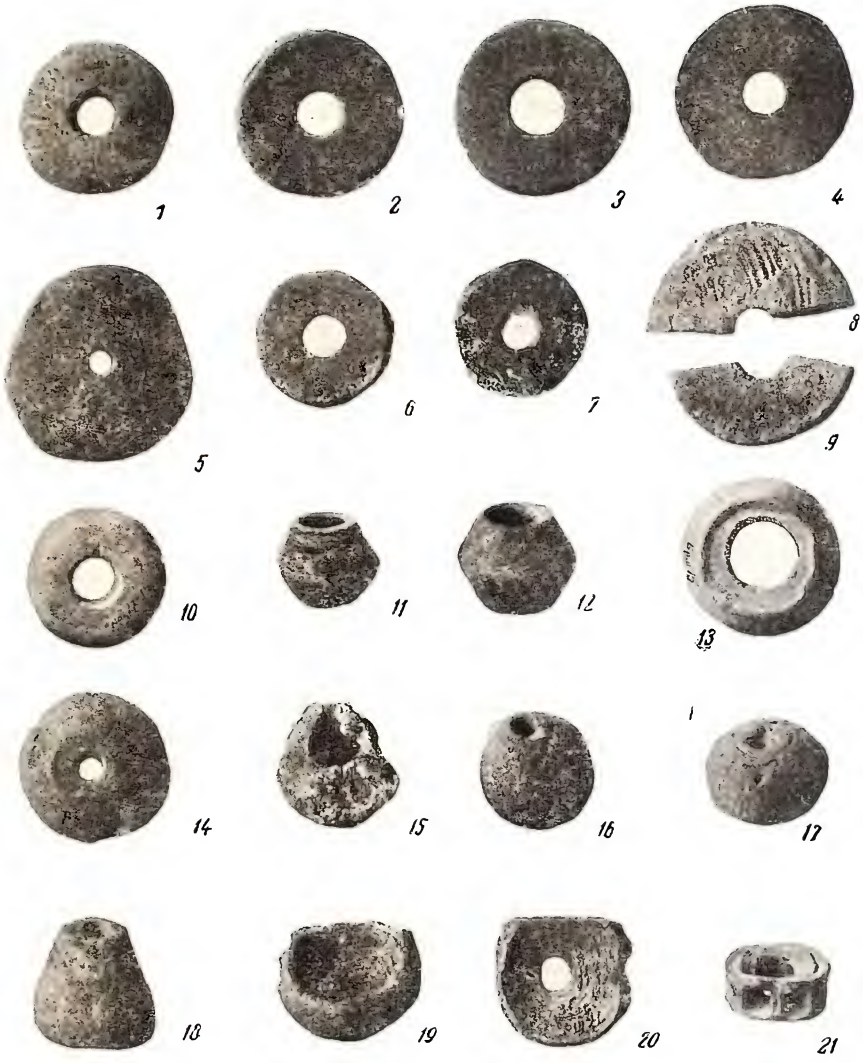
Наконец, имеются еще два прясла, также биконические по форме, но несомненно местного происхождения. Одно из них (землянка *17*), слепленное от руки из грубой глины, при диаметре 3.5 см и высоте 2.5 см, имеет диаметр отверстия 0.6 см (табл. X, *14*). Другое из землянки *21* вырезано из куска мела. Его поперечник 2.5 см, диаметр отверстия 0.9 см (табл. X, *15*). Таким образом местные прясла все имеют отверстия небольшого диаметра.

К группе прясел можно причислить еще три глиняных поделки, назначение которых непонятно. Две из них представляют собой

талла, изображение же предмета отсутствует (рис. 21). В культурном слое на восточном склоне городища встретился небольшой глиняный тигелек, неоднократно бывший в употреблении. Он имеет вид неправильного цилиндрического стаканчика с округлым дном, высотой 5 см, диаметром 3.5 см. Поверхность тигля сильно оплавлена (рис. 21). Может быть, в качестве тигелька следует рассматривать маленькую чашечку, найденную здесь же на восточном склоне городища (табл. X, *19*). Никаких следов оплавленности на ее поверхности, однако, незаметно.

Наконец, в засыпи землянки *7* и в культурном слое на восточном склоне городища было найдено несколько небольших кусков железного шлака.

Следующая группа находок — точильные камни, камни, служившие для растирания каких-то материалов и для шлифования костяных изделий. Небольшие точильные камни, которые можно назвать брусками, найдены в количестве 6 экз. Все они являются дефектными — сломанными или сильно сточенными. Бруски изготовлены из сланца и представляют собой в большинстве случаев каменную



Большое Боршевское городище. Прясла от веретена и другие изделия.

плитку удлиненной формы с одной или двумя сточенными гранями. Некоторые из них имеют отверстия для ношения на поясе (табл. XI, *1*). В землянке *8* найдена заготовка такого бруска. Это четырехгранная плитка из сланца, грани которой лишь слегка сглажены. На одном конце, с обеих сторон, имеются конические углубления. Сверление, однако, закончено не было, очевидно благодаря тому, что плитка сломалась пополам (табл. XI, *2*). Судя по обломкам, можно полагать, что средние размеры этих брусков составляли до 10 см в длину и 2—3 см в ширину. Другие точильные камни являются тяжелыми массивными брусками шириной в 4—5 и более см. Некоторые из них сильно сточены (табл. XI, *4*).

Камни со сглаженными поверхностями, служившие для растирания различных материалов, являются плитами с гладко отшлифованными рабочими плоскостями. Три такие плитки, а также пест из валуна, были найдены у очагов в землянках *3*, *5*, *7* и *18*. Четыре плитки были найдены в западной части мельничного помещения *17*, в котором, как уже упоминалось выше, были обнаружены и жернова.

Следует отметить, что землянка *17*, не служившая жилищем, а представляющая собой помещение хозяйственного назначения, дала значительно больше находок, чем жилые постройки. В ней было найдено, помимо керамики, 5 костяных острий, 3 астрагала, 3 пряслица и, наконец, 4 шлифовальных камня или терки, брусок, железный нож, а также некоторые другие предметы, о которых будет сказано ниже.

Наличие среди построек особого мельничного помещения, вокруг которого располагалось большинство хранилищ для зерна в виде ям и небольших надземных закромов, говорит не только о том серьезном значении, которое имело земледелие в хозяйственной жизни поселка, но и о тех условиях, в которых оно находилось. Коллективное хранение зерна и общинный размол дают право полагать, что и само земледелие было организовано также на коллективных началах.

Земледелие обитателей Боршевского городища являлось, нужно думать, пашенным земледелием, главным орудием которого служило рало или деревянный плуг, известный в южной части восточной Европы еще со скифо-сарматской эпохи. Железный сошник в хозяйственном обиходе русского населения лесных районов получает широкое распространение только через 1—2 столетия, с XI—XII в.

Ручные жернова, обнаруженные на полу мельничного помещения, изготовлены из известняковой плиты с многочисленными вкраплениями окаменелых раковин, обработанной со всех сторон, за исключением трущих плоскостей, путем довольно грубой формовки — скалыванием целых кусков породы, посредством чего ей была придана приблизительно округлая форма. Плоские трущие поверхности жерновов были стесаны каким-то узколезвийным металлическим инструментом, следы от которого ясно видны на обоих жерновах. Отверстия в середине жернова делались не сверлением, а были выдолблены, и поэтому их форма не вполне правильна. Размеры жерновов, верхнего и нижнего, приблизительно одинаковы. Нижний жернов имеет диаметр около 50 см, являясь по форме весьма неправильным кругом; толщина его равна 4 см, диаметр отверстия — 7 см. Верхний жернов чрезвычайно массивен, по толщине в два с половиной раза превышая нижний; диаметр же его меньше, чем у нижнего на 3—4 см. Это тоже очень неправильный круг. Отверстие в верхнем жернове такое же, как и в нижнем (табл. XII, *1—2*).

В помещении *17*, непосредственно около того места, где лежали рядом друг с другом описанные выше жернова, были обнаружены в полу, как мы уже говорили, две небольшие ямы, диаметром каждая около 25 см, глубиной 20 см, в расстоянии 40 см одна от другой. В отличие от других углублений, служивших для удержания вертикально стоящих столбов, стенки этих двух ям, особенно в верхних частях, были сильно выщерблены и имели воронкообразную форму. Такое разрушение стенок ям указывает, что они испытывали сильное боковое давление, так как столбы, стоящие в них, не были неподвижными, а раскачивались из стороны в сторону. Эти ямы, вероятно, удерживали ту установку, на которой помещались жернова, устроенные, повидимому, так же, как и современные ручные мельницы, приводимые в движение с помощью рычага, один конец которого укрепляется в особом кронштейне над центром жерновов, другой же конец прикрепляется к краю верхнего жернова.

Вторая пара жерновов, найденная в землянке *19*, отличается от описанной выше лишь несколько меньшими размерами. Диаметр нижнего жернова землянки *19* равен 32 см; его толщина 5 см, диаметр отверстия 5.5 см. Верхний жернов, более массивный, сохранился лишь в нескольких обломках, входивших в состав каменной кладки очага. Это обстоятельство означает, что жернова в землянке *19* не использовались по своему прямому назначению, а служили как простые камни и, вероятно, были принесены сюда для этой именно цели. Отдельные небольшие куски жерновов были находимы и в некоторых других землянках.

Мельничное помещение и хлебные ямы не сохранили никаких культурных растений, так что вопрос о злаках, бывших у населения по-

ТАБЛИЦА XI

Большое Боршевское городище. Точильные камни.

ТАБЛИЦА XII

Большое Боршевское городище. Жернова из постройки 17.

селка, остается открытым. Определенно можно говорить лишь о наличии проса (*Panicum miliaceum*), обгорелые остатки которого были найдены в очаге землянки *22*. Их определение было произведено К. Д. Фляксбергом.

Однако результаты раскопок на Кузнецовском городище показывают, что не меньшее значение, чем просо, в хозяйственной жизни русского населения Подонья IX—X вв. имела пшеница, наряду, очевидно, с рядом других видов культурных растений (стр. 103).

Последнюю группу находок составляют предметы убора и украшения из металла и стекла. Это пять бус, бронзовая бляшка и подвеска, сделанная из диргема. Вещи эти интересны особенно потому, что позволяют довольно точно определить время городища. К ним можно присоединить второй диргем, украшением не служивший, происходящий из землянки *18*.

Диргем, использованный в виде украшения, был найден в землянке *17*, около южной стены. В отличие от обычного способа превращать монету в подвеску путем пробивания отверстия или прикрепления ушка, этот диргем был припаян к небольшой бронзовой трапециевидной подвеске. Определение его показало, что монета относится ко времени Абассида Мустанна — 862—866 гг. (табл. IX, *12*). Другая монета (из землянки *18*) оказалась подражанием диргему Саманида Насра-ибн-Ахмеди — 914—943 гг. (табл. IX, *13*). Таким образом, на основании монет время городища устанавливается как IX—X вв.

Одной из обращающих на себя внимание находок, сделанных на городище, является бронзовая литая бляшка, служившая, повидимому, поясным украшением. Она была найдена в землянке *5* (табл. IX, *11*). Это круглая, вернее округлошестиугольная, выпуклая бляшка с рельефными украшениями в виде розетки посередине, с отходящими от нее звездообразно тремя лепестками в форме сердца и выпуклой каймой по краю. Два отверстия у края являются дефектом отливки; кое-где на поверхности бляшки сохранились следы позолоты. С обратной стороны по краям имеются три стерженька, с помощью которых бляшка прикреплялась к ремню (рис. 22).

Это украшение хорошо известно, например, по венгерским памятникам IX—X вв. В ряде могильников там были находимы целые наборы таких бляшек как в мужских, так и в женских погребениях.[1] В могильнике у Пилина (Pilin) подобные бляшки были обнаружены в одном погребении с монетами Людовика I Благочестивого 814—840 гг.[2]

На территории СССР бляшка из Боршевского городища является третьей подобной находкой. Совершенно сходное украшение было найдено в Билямерских курганах около Казани в земле волжских болгар.[3] Другая находка такой бляшки была сделана при исследовании землянок в Киеве в районе Десятинной церкви.

Найденные на городище бусы также датируются IX—X вв. В культурном слое на восточном склоне городища и над участком наземных построек были найдены три бусы, одна из стекловидной красновато-желтой па-

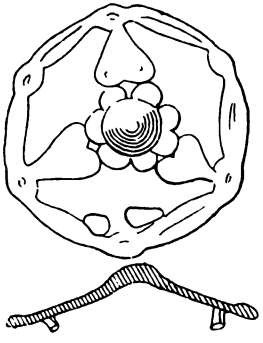


Рис. 22. Большое Боршевское городище. Бронзовая бляшка.

сты круглая, мало характерная, и две других, стеклянные посеребренные, очень характерные, обычные для так называемых салтовских могильников. Одна из них имеет форму шестигранной призмы, другая чётковидная (табл. IX, *9—10*).

Характерная салтовская буса в виде четырехгранной, ромбической в разрезе, призмы из голубого стекла найдена в землянке *15*. Последняя буса — сердоликовая в форме вытянутого додекаэдра (куб со срезанными углами), найденная в землянке *8*, также довольно обычна в памятниках IX—X вв. (табл. IX, *8*). В качестве примера можно указать на такие бусы из Гнездовского могильника.[4]

Таким образом дата, когда жители укрепленного поселка оставили Большое Боршевское городище, определяется довольно точно как середина или вторая половина X в. Что это поселение существовало сравнительно долго, по крайней мере в течение 1—2 столетий, указывает его величина, обширность занятого им места, а также размеры могильника, состоящего из сотен курганных насыпей, на котором мы остановимся ниже.

[1] J. Hampel. Altertümer frühen Mittelalters Ungarn. Bd. I—III.

[2] Op. cit. Bd. III, S. 334.

[3] А. А. Спицын. Венгерские вещи X века России. Изв. Археол. ком., вып. 53, 1914, стр. 108.

[4] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Матер. по археол. России, № 28, стр. 53; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Изв. Археол. ком., вып. 15, 1905, стр. 16.

IX

Культурный слой Большого Боршевского городища, состоящий из продуктов разрушения меловой толщи, прекрасно сохранил до наших дней костные остатки, преимущественно кости животных и рыб. Благодаря составу культурного слоя, костные остатки не только не подверглись разрушению, но в большинстве случаев сохранили даже свою естественную окраску. Кости рыб в ряде случаев сохранили прозрачность. При беглом взгляде на костный материал трудно поверить, что он лежал в земле в течение тысячелетия.

По восточному склону городища культурный слой был буквально переполнен костями животных. Много костей было встречено в заполнении землянок. Внутри землянок, на дне их, так сказать in situ, т. е. в определенной бытовой обстановке, костей животных встречалось обычно очень немного. В отдельных землянках кости сосредоточивались около очага или чаще за очагом. Почти во всех очагах в большом числе находились кости и чешуя рыб, частью обожженные. Особенно много остатков рыб происходит из ям для хранения. В яме *Б*, которая, очевидно, являлась местом хранения рыбы, на дне лежал сплошной слой костей и чешуи толщиной около 10—15 см. Здесь найдены кости судака, леща, жереха, вырезуба и красноперки. В большом количестве кости и чешуя рыб были встречены в яме *Г*, а также в углу незаконченного помещения *20*, который был также превращен в место хранения этого рода продуктов.

Большой и прекрасно сохранившийся костный материал Большого Боршевского городища оказался очень интересным по своему составу. Его изучение привело к ряду ценных заключений. Этому материалу при общей характеристике культуры древних обитателей Большого Боршевского городища бесспорно принадлежит одно из первых мест (табл. 1а — 2).[1]

Несколько неожиданным на первый взгляд обстоятельством явилось соотношение числа костей домашних и диких животных. Среди многих тысяч костей млекопитающих, обнаруженных в разных частях исследованной площади городища, пригодными для определения оказалось около 3000 костей. Изучение их показало, что из этого числа 36.7% принадлежит остаткам домашних животных и 63.3% — диких животных. Если исходить из подсчета особей, то мы получаем тот же результат. Среди них $^2/_3$ общего числа оказываются представленными дикими животными.

Такой состав пищевых отбросов на Большом Боршевском городище, поскольку то же наблюдалось и на других одновременных и однотипных памятниках, исследованных в 1928—1929 гг. в районе Воронежа, не является, конечно, случайным. В известной мере его можно было бы предвидеть.

Правда, уже так называемые дьяковы городища, представляющие остатки укрепленных поселений, оставленных древним населением лесной полосы на пространстве между Окой и верхней (отчасти и средней) Волгой в I тысячелетии до н. э., обычно содержат кости преимущественно домашних животных, тогда как диким животным в списках их фауны принадлежит второстепенное место. То же известно и в отношении более поздних городищ Оки, Днепра и Волги, относящихся к I тысячелетию н. э. Такое соотношение остатков домашних и диких животных находит свое объяснение в экономике этой эпохи.

Имеется достаточно оснований утверждать, что древнее население времени дьяковых городищ в гораздо большей степени занималось скотоводством (в частности разведением лошадей в качестве убойного скота), чем земледелием, которое в I тысячелетии до н. э. в этой местности сохраняет еще весьма первобытные формы мотыжного подсечного земледелия. Такое положение вещей в этих местах, в среде населения, оставившего, например, известные рязанские, муромские и тамбовские могильники, сохраняется очень долго. Значение пастушества, в частности коневодства, в быту древней мордвы и марийцев имеет подтверждение в исторических данных.

Иной хозяйственный уклад оказывается присущим древнему русскому населению IX—X вв. на среднем Дону.

Здесь разведение домашних животных в быту населения играет значительную, но уже не преобладающую роль. В качестве основы хозяйственной жизни здесь выдвигается земледелие с его главным орудием — деревянной сохой. Лошадь уже почти не употребляется в пищу. Потребность в мясной пище покрывается рыболовством и добычливой охотой. В последней особенную роль играют такие животные, на которых охотились главным образом ради мяса, тогда как в эпоху поздних дьяковых городищ охота имела преимущественно «пушной» характер. Исключение в этом смысле составляет бобр, остатки которого очень многочисленны в отбросах Боршевского городища: видимо, бобровый мех являлся одним из главных средств торгового обмена с южными странами.

Среди остатков домашних животных на Большом Боршевском городище преобладают кости крупного рогатого скота и свиней. Первые составляют 42.6% к общему числу костей домашних животных, вторые — 41.6%.

[1] Изучение остатков млекопитающих было произведено в Зоологическом институте АН СССР В. И. Громовой, а изучение остатков рыб — А. Н. Световидовым. Статьи В. И. Громовой и А. Н. Световидова, посвященные материалам из раскопок 1928—1929 гг., помещены в приложении к настоящей книге.

При подсчете, исходящем из числа особей, это соотношение несколько изменится. Крупный рогатый скот среди особей домашних животных составляет 23.0%, свиньи — 51.6%. Остатки крупного рогатого скота принадлежат преимущественно мелкой северной породе, причем в пищу шли главным образом взрослые животные. Встречено несколько костей более крупных особей домашнего быка, близких южным породам. Возможно, что в действительности рогатого скота крупной породы у древнего населения Большого Боршевского городища было значительно больше, чем об этом говорят костные остатки. Мы уже отметили, что почти в каждой землянке встречались обломки больших мис, служивших для приготовления сыра. Это говорит о значении молочной пищи и молочного скотоводства, объектом которого мог являться преимущественно рогатый скот крупной породы.

Таблица 1а

Костные остатки домашних животных (38.7% всего костного материала)

№ п.п.	Наименование животных	Костей			Особей		
		абсолютн.	в % к числу костей домашних животных	в % к числу костей всех животных	абсолютн.	в % к числу домашних животных	в % к числу всех животных
1	*Equus cabalus* (лошадь)	119	10.6	4.2	5	9.0	2.9
2	*Bos taurus* (бык домашний)	415	42.6	15.5	13	23.0	7.6
3	Мелкий рогатый скот	48	4.6	1.7	5	9.0	2.9
4	*Camelus, bactrianus domesticus* (верблюд двугорбый)	6	0.6	0.2	3	5.4	1.8
5	*Sus scrofa domestica* (свинья домашняя)	433	41.6	15.1	29	51.6	17
6	*Canis familiaris* (собака)	1	—	—	1	2	0.6
		1052	100	36.7	56	100	32.8

Домашние свиньи Большого Боршевского городища принадлежали довольно мелкой породе, значительно уступая в этом отношении дикой свинье. В пищу шли в равной мере как молодые, так и взрослые животные.

Остатков лошади на Большом Боршевском городище встречено немного, всего лишь 10.6% к общему числу костей домашних животных и 9.0% к числу особей. Нужно думать, что в действительности лошадь разводилась населением городища в гораздо больших размерах. Лошадь была мелкой породы, и В. И. Громова, изучавшая костные остатки, происходящие из раскопок 1928—1929 гг., высказывает мнение, что в числе остатков лошадей (т. е. тех из них, которые употреблялись в пищу), могут быть остатки тарпана, что довольно вероятно.

В небольшом количестве представлены на городище остатки мелкого рогатого скота — овец и коз, кости которых не всегда возможно отличить. В совокупности кости мелкого рогатого скота составляют 4.6% остатков домашних животных и 9.0% к числу всех найденных особей.

Неожиданной находкой на Большом Боршевском городище являются кости двугорбого верблюда. Встречены, правда, всего лишь 6 костей, принадлежащих 3 особям, что составляет совсем небольшой процент к общему числу костных остатков. Но тот факт, что верблюды все же иногда употреблялись в пищу, показывает, что эти животные были хорошо знакомы древним обитателям Большого Боршевского городища и разводились в хозяйственных целях, вероятно как транспортная сила.

С. Н. Замятниным в 1926 г. при исследовании могильника салтовского типа около с. Саловки, расположенного в 150 км на юго-запад от Боршева, была найдена костяная бляха с изображением верблюда, запряженного в повозку. От обитателей степных районов, несомненно, получало верблюдов и население Большого Боршевского городища. Возможно, что верблюды приходили сюда с товарами (вспомним частые находки привозных кувшинов и амфор).

Последним домашним животным, остатки которого представлены среди костных материалов Большого Боршевского городища, является собака. Встречена всего лишь одна кость этого животного. Поскольку эта находка носит случайный характер и не имеет отношения к кухонным отбросам, она ничего не может сказать о размерах собаководства и чисто бытовой или хозяйственной роли собаки (в связи с охотой) в жизни обитателей древнего Боршевского поселения.

Переходим к остаткам диких животных. Они лучше всего подтверждают высказанные выше соображения о лесистости Среднего Подонья в IX—X вв. н. э. Животные — обитатели леса, как лось, медведь, куница, бобр и др.— составляют подавляющую массу костных остатков Большого Боршевского городища. Такой характерный обитатель степи, как сайга, представлен всего лишь одной костью.

Основной объект охоты здесь составляли крупные звери, являвшиеся прежде всего источником получения мясной пищи. Среди них особо выделяются лось и кабан, остатки которых составляют 27.5 и 25.1% всех костей диких животных. Особенно много встречено костей бобра — 32.4% к общему числу костей

Таблица 2

Костные остатки диких животных (68.8% всего костного материала)

№ п.п.		Костей			Особей		
		абсолютн.	в % к числу костей диких животных	в % к числу костей всех животных	абсолютн.	в % к числу диких животных	в % к числу всех животных
1	*Alces machlis* (лось)	496	27.5	17.3	16	14.0	9.4
2	*Cervus elaphus* (олень благородный)	40	2.3	1.4	3	2.7	1.8
3	*Capreolus pygargus* (косули)	145	8.0	5.1	8	7.0	4.7
4	*Sus scrofa ferus* (кабан)	455	25.1	15.9	12	10.4	7.0
5	*Saiga tatarica* (сайга)	1	—	—	1	1.0	0.6
6	*Ursus arctos* (медведь)	37	2.1	1.3	5	4.3	2.9
7	*Canis lupus* (волк)	4	0.2	0.2	1	1.0	0.6
8	*Vulpes vulpes* (лисица)	11	0.6	0.4	2	1.7	1.2
9	*Meles meles* (барсук)	6	0.3	0.2	3	2.7	1.8
10	*Lutra lutra* (выдра)	1	—	—	1	1.0	0.6
11	*Martes martes* (куница лесная)	7	0.4	0.3	1	1.0	0.6
12	*Putorius sp.* (хорек)	1	—	—	1	1.0	0.6
13	*Lepus sp.* (заяц-беляк)	12	0.6	0.4	2	1.7	1.2
14	*Castor fiber* (бобр)	585	32.4	20.4	51	44.4	30.0
15	*Marmota bobac* (байбак)	2	0.1	0.1	1	1.0	0.6
16	*Cricetus cricetus* (хомяк)	2	0.1	0.1	2	1.7	1.2
17	*Avricolus terrestris* (водяная крыса)	2	0.1	0.1	2	1.7	1.2
18	*Erinaceus* (южный еж)	3	0.2	0.1	2	1.7	1.2
	Всего	1810	100	63.3	114	100	67.2

диких животных и 44.4% по подсчету особей, причем охота на бобра велась, видимо, не только из-за меха: шло в пищу его мясо.

Остатки других диких животных представлены в значительно меньшем числе. Найдены кости благородного оленя, косули, медведя, волка, лисицы, выдры, куницы, зайца и других мелких хищников и грызунов. Всего среди костного материала представлены остатки 18 видов диких животных.

Найдено несколько костей птиц, в том числе лесных: глухаря, вальдшнепа и др.

Большое значение рыбной ловли в экономике древних обитателей Большого Боршевского городища не подлежит никакому сомнению (табл. 3). Во всех землянках, часто по нескольку штук, были встречены примитивные костяные острия, служившие для плетения сетей. Кости рыб были находимы повсюду в культурном слое в землянках и ямах для хранения. Можно считать установленным, что рыба вялилась, сушилась и таким образом заготовлялась впрок.

При раскопках было найдено огромное количество рыбьих костей и чешуи. Однако далеко не все рыбьи кости являются определимыми. А. Н. Световидовым для изучения было выделено свыше 800 костей, принадлежащих 11 видам рыб. Из них лишь одна севрюга, представленная к тому же лишь одной костью, неизвестна сейчас в водах среднего течения Дона. Все другие виды рыб встречаются в Дону и поныне. Остатки рыб принадлежат особям больших размеров, что указывает на обилие рыбы в то время. Об этом же говорит медленный рост рыб, установленный А. Н. Световидовым в целом ряде случаев. Как известно, скорость роста рыбы обратно пропорциональна населенности рыбой водного бассейна.

Основное промысловое значение у древних обитателей Большого Боршевского городища имели щука, судак, лещ, жерех и вырезуб. В особенно большом числе ловилась щука, часто достигавшая огромных размеров, что говорит, повидимому, о развитом крючковом лове. Большой рыболовный крючок со «щучьей» бородкой был встречен в 1928 г. на одном из городищ той же эпохи, расположенном в нижнем течении р. Воронежа. Другие виды рыбы ловились преимущественно с помощью сетей. Интересно, что остатки щуки не встречены в погребах, где хранилась вяленая или сушеная рыба. Среди последней преобладали судак и лещ.

Таблица 3

№ п.п.	Наименование	Количество особей	В % к общему числу особей
1	*Acipenser ruthenus* (стерлядь)	1	0.5
2	*Acipenser stellatus* (севрюга)	1	0.5
3	*Rutilus frisii* (вырезуб)	12	6.4
4	*Scardinius erythrophthalmus* (красноперка)	2	1.0
5	*Asplus asplus* (жерех)	13	6.9
6	*Abramis brama* (лещ)	29	15.3
7	*Cyprinus carpio* (сазан)	3	1.6
8	*Silurus glanis* (сом)	6	3.2
9	*Esox lucius* (щука)	105	55.5
10	*Lucioperca lucioperca* (судак)	16	8.5
11	*Perca fluviatilis* (окунь)	1	0.5

X

Ниже даны выдержки из дневника раскопок на Большом Боршевском городище в 1928—1929 гг., содержащие описание остатков отдельных жилищ и других сооружений городища и найденных в них предметов.

Землянка *1* (рис. 6) открыта в центральной части раскопа у гребня площадки городища. До раскопок остатки имели вид западины диаметром 2—2.5 м,

глубиной около 0.5 м. В результате раскопок выяснилось, что сохранившаяся часть жилища представляет собой прямоугольную яму, вырубленную в мелу, с отвесными стенками и хорошо выровненным горизонтальным полом. Ориентирована яма точно по странам света. Длина северной стены 4.57 м, восточной — 4.35 м, южной — 4.70 м и западной — 4.55 м. Высота стен ее в меловой толще в западной части составляла 1.35 м, в восточной — 1.15 м.

Яма была заполнена темной гумусной углистой почвой, содержащей значительное количество культурных остатков, как то: золу, уголь, кости животных и рыб, обломки керамики. Нижний горизонт заполнения имел несколько иной характер. Почва здесь изобиловала обломками мела и не содержала подобных находок. Очевидно это материал обвалившейся земляной крыши.

Вдоль стен землянки плотной массой лежала забутовка из обломков мела, заполняющая пространство (шириной в 10—15 см у западной и восточной стен и в 25—30 см у южной и северной), отделяющее стены ямы от остатков деревянного сруба. Последние сохранились вдоль северной стены ямы. На расстоянии 35 см от стены на дне ямы обнаружено обугленное дубовое бревно 10—15 см в поперечнике, с уцелевшей местами корой. Концами оно упиралось вплотную в стены ямы. Сверху лежало другое такое же бревно, хуже сохранившееся. У западной стены следы сруба почти не сохранились, за исключением части бревна в северо-западном углу, срубленного «в чашу» с бревнами северной стенки. У противоположной, восточной стены нижнее бревно сруба сохранилось целиком, хотя в совершенно обугленном виде; остатки второго бревна лежали на полу рядом с первым, в расстоянии 5—8 см. У последней, южной, стены было обнаружено также совершенно обугленным нижнее бревно. Оно упиралось концами в стены ямы, причем в юго-восточном углу его конец помещался в специально вырубленном небольшом углублении.

В полу землянки, у стен и по углам, обнаружены 12 ям овальной или полукруглой формы от вертикальных столбов, поддерживающих крышу и стены сооружения. Вдоль южной и северной стен ямы располагались непосредственно у остатков сруба, с внутренней их стороны, у восточной и западной — отстояли от остатков стен на 30—35 см и, следовательно, сруб не поддерживали. В яме *9*, у южной стены, сохранились остатки деревянного бревна с подтеской с четырех сторон. Расположение ям видно на рис. 6. Данные о каждой яме помещены в табл. 4.

Таблица 4

№ № п.п.		Длина в см	Ширина в см	Глубина см	Расстояние от ближн. стены см в
1	Круглая	16	16	10	45
2	Двойная яма, соединенная в нижней части	40	25	10	40
3	Полукруглая	25	15	40	50
4	Овальная	40	25	24	45
5	Полукруглая	25	17	20	45
6	Овальная	20	45	27	45
7	Круглая	30	30	17	40
8	Овальная	30	25	38	40
9	Овальная	30	18	23	40
10	Овальная	22	18	28	72
11	Овальная	22	14	23	40
12	Круглая	08	08	10	70

Помимо перечисленных в полу землянок имеется яма в юго-западном углу под очагом. Ее размеры 30 × 27 см; глубина 25 см, форма овальная, расстояние от стен 50 см.

В северной части пола замечено четыре маленьких углубления, расположенных в виде прямоугольника. Возможно, что их следует рассматривать как опору для ножек прямоугольного стола.

Остатки печи, обнаруженные в юго-восточном углу землянки, имеют вид глиняной площадки, возвышающейся над уровнем пола на 10 см, на которой сохранились нижние части вылепленной из глины с камнями сводчатой печи, размером 55 × 55 см. Высота печи, судя по обломкам, была равна 43—50 см. Ее стенки сохранились лишь на половину высоты. Толщина стенок в передней части 25 см, в задней 10—15 см. К задней части печи примыкала кладка из валунов, прямоугольной формы, высотой до 35 см. В центральной части кладки обнаружено углубление, назначение которого осталось неясным. Устье печи выложено крупными плоскими валунами. Два такие же валуна находились в центре землянки.

В землянке были сделаны следующие находки. Против устья печи был найден лежащим на боку большой глиняный сосуд, принадлежавший к посуде группы А, высотой 31.5 см с диаметром горла 28.5 см, толщина стенок 0.8 см (табл. II, *1*). Около печи, ближе к ее восточной стенке, стояли два маленьких сосуда, из которых один представляет собой миску, другой же — горшочек обычной формы. Размеры первого: высота 6.3 см, диаметр горла 11.3 см, толщина стенок 0.8 см (табл. III, *1*). Размеры второго: высота 10.9 см, диаметр горла 11.2 см, толщина стенок 0.8 см (табл. III, *6*). Оба они принадлежат к посуде группы А. Против устья печи у противоположной стены землячки найден еще один горшок, принадлежащий к посуде группы Б, высотой 16.2 см, диаметр горла 18.5 см, толщина стенок 0.8 см. По плечикам горшок украшен узором из отпечатков зубчатого чекана (табл. V, *1*). В разных местах землянки обнаружено до двухсот обломков глиняной посуды, преимущественно группы А. Помимо обломков горшков, здесь встречены обломки тарелок и мис-сырниц. Посуда группы Б представлена всего лишь одним обломком. Наконец, укажем на находку обломка большой амфоры с желобчатой поверхностью и части горловины другой амфоры или кувшина.

В земле, заполнявшей яму землянки, найдено до ста обломков керамики различного характера, принадлежащей преимущественно к посуде группы А. Здесь же был найден рог оленя со следами обработки.

Землянка *2* (рис. 5). С северо-западной стороны к землянке *1* примыкало помещение *2*. С первого взгляда может показаться, что оно представляло собой первоначально обычную квадратную землянку, лишь позднее нарушенную землянкой *1*. Однако расположение ям от столбов исключает возможность такого предположения. Землянка *2* — это небольшое помещение, примыкающее с двух сторон к землянке *1* и явно соподчиненное последней.

Яма землянки *2* углублена в меловую толщу на 0.45—1.15 м, причем уровень ее пола на 0.15 м превышает уровень пола предыдущей землянки. Длина ямы составляет 4.4 м, ширина в восточной части 2.2 м, в западной, где помещение расширяется в обе стороны, — 4.05 м. К северной стене, около расширения, на высоте 60 см под полом, примыкает желобчатая выемка шириной 50 см, углубленная в меловую толщу на 56 см. Отходя от землянок, выемка постепенно сходит на-нет. Значение ее не является вполне ясным. Вероятнее всего выемка служила местом дымохода. Такая точно выемка имеется в землянке *8*.

По восточной и западной стенам ямы, в углах, открыты четыре ямы от вертикально стоявших столбов. Их размеры и форма даны в табл. 5.

Таблица 5

№ п.п.	Форма	Длина в см.	Ширина в см.	Глубина в см.	Расстояние от ближн. стены в см
1	Овально-прямоугольная .	36	35	20	—
2	Круглая .	30	30	28	3
3	Овальная	30	25	30	6
4	Круглая	25	25	30	20

Около восточной стены имеется еще одно углубление, но неправильная форма указывает на случайное происхождение этой западины.

В северо-западной части ямы помещались остатки очага в виде уплощенного углубления в полу, размером 70×85 см, глубиной 10 см, выложенного по краям мелкими валунами, среди которых были встречены уголь и зола. По краям очажной ямы, с боков, были обнаружены небольшие ямы от столбиков, округлой формы, диаметром 22—30 см, глубиной 30 и 35 см. Значение этих столбов, вероятно обмазанных глиной для предохранения от огня, становится понятным в связи с находкой здесь частей огромного глиняного блюда, о котором будет сказано ниже.

Находки, сделанные в яме землянки *2*, весьма невелики. Целых сосудов здесь обнаружено не было. Найденные в небольшом числе обломки керамики принадлежат в основном к посуде группы А. Встречены: часть горловины тонкостенной амфоры из красной глины, три костяных острия (два целых, третье сломанное), четыре астрагала косули с отверстиями для привешивания, пять обломков и осколков камня из глинистого сланца, шифера и известняка.

Наиболее интересной находкой являются обломки огромного глиняного блюда, стоявшего поверх очага. Его точные размеры установить не удалось ввиду плохой сохранности, но блюдо имело не менее 60 см в поперечнике, округло-прямоугольную или овально-прямоугольную форму, плоское дно толщиной 4—5 см и вертикальные стенки — высотой 10 см, толщиной 2—2.5 см. Плохая сохранность блюда объясняется рыхлостью глины, в которую в большом количестве были примешаны растительные остатки: трава, листья, стружки и т. д. После обжига, во время которого растительные примеси сгорели, глина приобрела пористое строение. Стоявшее над очагом на столбиках блюдо представляло собой, вероятно, нечто вроде жаровни, на которой можно было печь мясо, хлеб, лепешки, а на слабом огне сушить разные материалы, заготавливаемые про запас.

Землянка *3* (рис. 5), расположенная несколько ниже первых двух, уже в начале восточного склона прилегала вплотную к предыдущей, вернее к той ее части, которая, видимо, служила проходом из второй землянки в третью. Яма землянки прямоугольная, 2.85×4 м, глубина в мелу 30—50 см, причем уровень пола был на 20 см ниже, чем у предыдущей землянки. Как и в первых двух, здесь в полу имелись углубления от вертикально стоявших столбов. Четыре из них, меньшие по размерам и отличающиеся округлыми очертаниями, были расположены вдоль западной стены и по обеим сторонам прохода в землянку 2. Последние являлись, видимо, не чем иным, как опорами для косяков дверей. Глубина ям достигала 30 см, диаметр — 35 см. По северной и южной стенкам около восточных углов, одно против другого, находились два удлиненных углубления, значительно превышающих по величине все предыдущие. Наконец, последнее, шестое углубление, несомненно относящееся к землянке, было вырублено вне ее пределов около северо-западного угла. Оно представляло собой округлую ямку, аналогичную первым четырем углублениям.

Более точные данные о ямах даны в табл. 6.

Таблица 6

№ п.п.	Форма ям	Длина в см.	Ширина в см.	Глубина в см.	Расстояние от ближн. стены в м
1	Круглая, неправильная .	35	35	36	40
2	Овальная	35	22	30	25
3	Овальная	25	20	27	20
4	Круглая .	35	35	30	—
5	Круглая	30	30	58	—
6	Удлиненная, овально-прямоугольная	80	30	42	—
7	То же .	65	32	40	10

Остатков очага в полу землянки не обнаружено. Однако в северной части пола, как это видно на чертеже, имеется небольшое уплощенное углубление, напоминающее по своему облику очажную яму предыдущей землянки. Это углубление очагом, повидимому, не служило, так как никаких следов огня здесь обнаружено не было, да и расположение его у самого прохода в соседнюю землянку заставляет полагать, что огонь здесь не разводился. В южной части землянки в полу имелась неправильная выбоина, значение которой не ясно.

Несмотря на то, что землянка *3* являлась не жилищем, а помещением служебного характера, в ней в разных местах были сделаны находки вещей. Основную массу материала составляла керамика. Помимо обломков разнообразной посуды, на полу землянки найдены в разрушенном состоянии три глиняные сосуда, впоследствии восстановленные. Два из них являются горшками обычной формы. Первый, меньший (высота 13 см, диаметр горла 11.7 см, толщина стенок 0.5—0.6 см) принадлежит к посуде группы А (табл. II, *5*). Другой побольше (высота 17.5 см, диаметр горла 23, толщина стенок 0.7—0.8 см, дна 1.1—1.2 см) — к посуде группы Б. Самым интересным является третий сосуд, представляющий собой большую и широкую миску с непропорционально узким дном. По фактуре миска относится к посуде группы А, она асимметрична, отличается толстостенностью (толщ. 1.2 см) и имеет чрезвычайно неровную поверхность. Высота ее колеблется от 12.2 до 13.6 см, диаметр горла составляет 24.2 см, дна — 8.7 см (табл. III, *7*). В нижней части стенок, около самого дна, имеется сквозное округлое отверстие 1.5 см в диаметре, указывающее на назначение этой миски как сосуда для приготовления сыра. Части такой же миски были найдены и в землянке *1*.

Что касается обломочного керамического материала, то мы отметим лишь то, что является новым по сравнению с находками в предыдущих землянках, так как в основном керамический материал имеет здесь тот же характер, т. е. состоит почти исключительно из обломков сосудов группы А.

Привлекают внимание обломки трех сосудов обычного характера, снабженных рядом круглых отверстий вдоль шейки, иногда сквозных, иногда в виде глубоких ямок, нанесенных с наружной стороны. Эта особенность сближает их с сарматской посудой степной полосы Украины и посудой городищ дьяко-

ва типа. Такая керамика найдена в небольшом числе еще в землянке *17*.

Кроме обломков обычных горшков, среди керамики имеются части тарелок и три небольших обломка кувшинов из красной глины.

В яме землянки *3* был найден и ряд предметов обихода, например небольшой черенковый нож с обломанным кончиком. Длина лезвия достигает 7 см, ширина 1.6—1.8 см. Размеры черенка 4 см. Среди слоя ржавчины и известковых натеков на черенке сохранились остатки деревянной рукоятки. Второй железный предмет — обломок кольца, диаметром около 6 см и сечением 0.6 см.

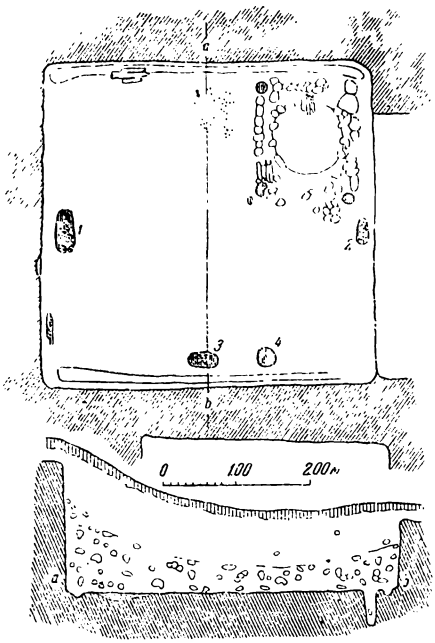


Рис. 23. Большое Боршевское городище. План землянки *5*.

Далее, здесь были найдены сильно сточенный шиферный брусок и обычное по форме острие из кости. Отметим также обрубленный отросток рога благородного оленя и раковину. Наконец, в землянке оказался обломок большого камня, служившего для растирания зерна или каких-либо других материалов, одна из плоскостей которого сильно сглажена.

Землянка *5* (рис. 23). Остатки землянки *5*, бывшей одним из наиболее крупных жилых помещений (длина стенок: северной — 4.25 м, восточной — 4.53, южной — 4.30 и западной — 4.40 м), представляют собой почти правильную квадратную яму, ориентированную точно по сторонам света. Глубина ямы колеблется от 1.75 м в восточной части до 0.85 м в западной.

Эта землянка отличается некоторыми особенностями. Она имеет небольшое число углублений от столбов и две канавки в полу, идущие у западной и восточной стен. Судя по помещению *10*, где сохранился сруб и где также имелись подобные канавки, последние служили для упора нижних венцов сруба, придавая таким образом ему достаточную устойчивость. У восточной стены канавка имеет ширину 20—22 см, глубину 15—18 см. У западной стены ширина канавки 10 см, глубина 7—8 см. У северной и южной стен, одно против другого, имелись два удлиненные прямоугольно-овальные углубления. Размер первого — 60 × 30 см, глубина 35 см, расстояние от стены 15 см; на дне его были вырублены два округлые гнезда, позволяющие полагать, что каждая удлиненная яма служила для укрепления двух столбов. Второе углубление несколько меньше первого, его длина 50 см, ширина 30 см, глубина 40 см, расстояние от стены 11 см. У восточной стены землянки, несколько отступя от канавки (10—15 см), в полу вырублены две прямоугольные ямы *3* и *4*; размеры первой из них 32 × 22 см, глубина 50 см, расстояние от стены 30 см; размеры второй 25 × 25 см, глубина 45 см, расстояние от стены 28 см.

Очаг занимал северо-западный угол землянки и представлял собой округлое плоское углубление, вырубленное в полу, диаметром 90 см и глубиной в средней части 5—6 см. Оно служило подом очага и было окружено с трех сторон стенками из камней, сложенных на глине. Стенки образовывали прямоугольник размером 1.30 × 1.45 м, стороны которого были параллельны стенкам землянки. Высота стенок, повидимому, не превышала 50 см. По трем углам очага были обнаружены небольшие углубления для столбиков, диаметром 13 см, глубиной до 30 см.

Наконец следует еще отметить большую выбоину в западной части пола, замазанную глиной, остатки забутовки по стенам, а также наличие в засыпи землянки большого количества обгорелого и перегнившего дерева, составляющего остатки рухнувшей крыши.

Керамический материал землянки *5* сохраняет тот же характер, что и в предыдущих помещениях. Основную его массу составляли обломки грубых неорнаментированных горшков разной величины, в меньшем числе имелись обломки тарелок и мис-сырниц. Одну из последних удалось частично восстановить (табл. III, *8*). Обращает на себя внимание обломок шейки небольшого горшка с нанесенным у венчика изображением птичьей лапы, видимо, тамгой (табл. IV, *6*).

Керамика лучшей выделки (Б) встречена в нескольких фрагментов.

В разных частях на полу землянки найдены два обычных острия из костей, одно такое же, но обломанное, несколько раковин *Unio*, много костей животных и рыб (последние были обнаружены в очаге), два прясла, приготовленные из черепков глиняной посуды (табл. X, *4*, *7*), глиняный шарик с отверстием, вероятно, грузило (табл. X, *17*) и астрагал бобра со сверлиной для привешивания (табл. VII, *6*). Самой интересной находкой была литая бронзовая бляшка с выпуклым узором, найденная на полу землянки около южной стенки. На наружной поверхности бляшки сохранились следы позолоты. Судя по трем гвоздикам с внутренней стороны, можно полагать, что бляшка прикреплялась к ремню. Два отверстия у края являются дефектом отливки (табл. IX, *11*).

Наконец отметим еще камень со сглаженной поверхностью, служивший, очевидно, теркой, найденный у очага.

Проход из землянки *5* в землянку *7*, означенный на плане под № 6, имел в плане вид прямоугольника, часть которого была занята врезающимся углом землянки *7*. Длина прохода 3.65 м, ширина 2.6 м. Проход углублен в мелу менее, чем жилые помещения. Над полом землянки *5* его пол возвышался на 90 см, над полом землянки *7* — на 70 см. В полу у стен имелись четыре ямы для столбов овальной и прямоугольной формы (табл. 7). Находок в проходе сделано не было.

Землянка *7* (рис. 24) представляла собой первоначально одно из жилых помещений, но позднее была разрушена или превращена в постройку слу-

Таблица 7

№ №	Форма ям	Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Овальная	28	23	40	8
2	Овальная .	30	17	13	38
3	Овально-прямоугольная	40	30	40	—
4	Прямоугольная	35	25	25	12

Таблица 8

№ № п.	Форма ям	Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Овальная	30	22	23	20
2	Прямоугольная	50	25	20	18
3	Овальная .	20	18	10	20
4	Полукруглая . .	22	12	22	50
5	Овальная, нарушенная большой трещиной в мелу .	30	?	.	10
6	Прямоугольная	50	25	18	25
7	Прямоугольная	25	20	12	25

жебного порядка. Об этом обстоятельстве свидетельствует то, что северо-восточный угол землянки и находящийся там очаг были нарушены при сооружении помещения *10*, врезавшегося сюда углом. Первоначально яма землянки имела в плане вид квадрата размером 4 × 4 м, ориентированного почти точно по странам света. Яма была вырублена в мелу на глубину 0.75—1.20 м, в зависимости от склона. Северо-восточный угол землянки открывался в проход, ведущий в землянку *8*.

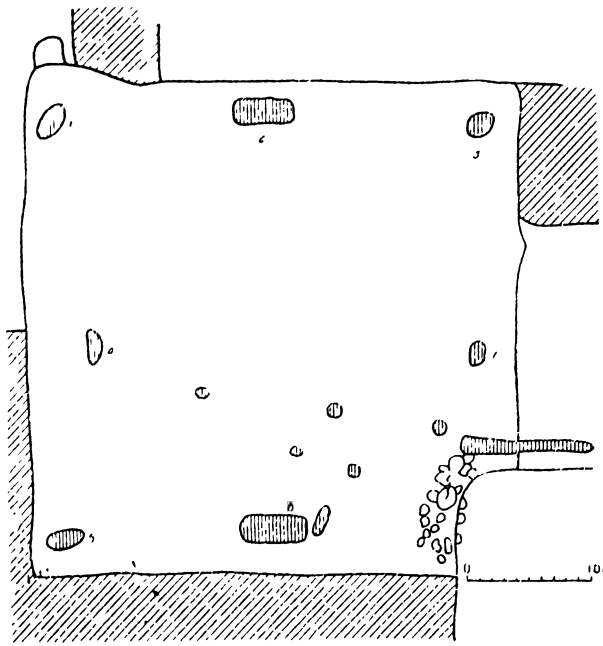


Рис. 24. Большое Боршевское городище. План землянки *7*.

На полу ямы по всем трем углам были обнаружены небольшие прямоугольные или овальные углубления от столбов (см. таблицу). Вероятно, подобное углубление было и в нарушенном 4-м углу. Углубления располагались также у северной и южной стен, причем последнее имело полукруглую форму и служило, таким образом, для удержания «пластины». У восточной и западной стен углубления имели несколько большие размеры и удлиненную форму.

Точные данные о всех углублениях даны в табл. 8.

Около очага были обнаружены пять небольших ямок, часть из которых можно рассматривать как следы ножек стола. От очага сохранилась куча камней и следы огня на полу. Отметим еще выемку 20 × 30 см, глубиной 30 см, находящуюся в юго-западном углу землянки в стене; назначение этой выемки осталось неясным.

Керамический материал, представленный исключительно обломками, не дал ничего нового по сравнению с находками в предыдущих землянках. Здесь были найдены обломки грубых горшков (группа А), тарелок и миссырниц, несколько обломков посуды лучшей выделки (Б) и несколько обломков одного большого кувшина серой глины, сделанного на гончарном кругу с орнаментом из волнистых линий. Имелись также обломки амфоры с желобчатой поверхностью. Отметим ряд обломков большой глиняной жаровни. В засыпи землянки была найдена часть ручки древней античной амфоры.

Любопытны находки, свидетельствующие о наличии на городище металлического производства. В землянке *7* была обнаружена незаконченная работой половина литейной формы, видимо какого-то украшения, изготовленная из меловой плитки (рис. 21), и три куска железного шлака.

Помимо этого, в землянке *7* были встречены три просверленных астрагала косули, обломанное костяное острие, кончик другого такого острия, костяная трубочка из обрезанной с обеих сторон птичьей кости, позвонок крупной рыбы со сверлиной в середине, служивший, вероятно, бусой, и пряслице из черепка привозной посуды (табл. X, *5*, *21*).

Останавливает внимание часть костяной трапециевидной привески с отверстием для привешивания, орнаментированной нарезкой (табл. IX, *3*). Отметим еще небольшой валунчик, служивший пестиком или теркой.

Землянка *8* (рис. 25) отличалась некоторой неправильностью формы. С юго-востока яма землянки была открыта в проход к землянке *7*, южная и восточная ее стенки не полны. Размеры ямы составляли 4.35 × 4.40 м. Что касается высоты стен, то она сильно варьирует вследствие крутизны склона. Наибольшая высота у западной стены — 1.4 м; противоположная восточная стена была ниже в два раза в северном углу и в три раза в южной части. Пол землянки расположен на 10 см выше пола прохода к землянке *7*. Пол последнего в свою очередь на 20 см превышает уровень пола землянки *7*.

Углублений от столбов в полу землянки *8* имелось немного, что, вероятно, следует объяснить значительной высотой некоторых стен. По северной, восточной и южной стенкам помещения были расположены уд-

линейные ямы (табл. 9); в его восточном углу имелась овальная яма и, наконец, в самом центре землянки находилась небольшая квадратная яма, назначение которой неясно. В проходе, у входа в землянку *8*, расположены две ямы — овальная и удлиненно-прямоугольная, служившие, вероятно, опорами для косяков дверей. Длинная яма в проходе относится к постройке *10*.

Таблица 9

№ п.п.		Длина в см.	Ширина в см.	Глубина в см.	Расстояние от ближн. стены в см.
1	Овальная	50	30	20	18
2	Удлиненная	48	12	30	12
3	Прямоугольная	20	20	15	—
4	Удлиненная	50	20	25	12
5	Полукруглая	40	25	50	22
6	Овальная	40	30	25	—
7	Удлиненная	40	17	20	—

По восточной и северной стенам землянки имелась плотная меловая забутовка, заполняющая пространство шириной 20 см. Около этих же стен сохранились незначительные остатки дерева, бревен или пластин, составлявших облицовку стен.

Очаг землянки был почти аналогичен очагу землянки *5*. Он представлял собой глиняную площадку размером 1.35 × 1 м, возвышающуюся над уровнем пола на 10—15 см. В середине площадки находилась очажная яма в виде правильного овала размером 60 × 70 см, достигающая своим дном пола землянки. С трех сторон она была окружена каменными стенками, обмазанными глиной. Около очага по обеим сторонам его в полу обнаружены два небольшие (15 × 15 см, глубиной 25 см) углубления, предназначенные, очевидно, для столбов, связанных с очагом. К середине северной стены землянки сверху примыкала желобообразная выемка шириной 90 см и глубиной 30 см. В направлении от землянки она сужалась и постепенно сходила на-нет. Длина ее 1.7 м. Вероятнее всего видеть в ней место дымохода.

Основную массу находок в этой землянке также составляет керамика, представленная обломками всех типов посуды. Бросается в глаза лишь то, что свыше 50% керамического материала составляют здесь обломки посуды лучшего качества (Б), встречающиеся в предыдущих землянках лишь единично.

Часть этой посуды имела по венчику и плечикам обычную орнаментацию в виде городков и косых линий, нанесенных зубчатым чеканом. Привозная посуда представлена шестью обломками кувшинов красной глины. Единично встречались части мис-сырниц и тарелок.

Заслуживают внимания обломки большого глиняного сосуда, приготовленного на гончарном круге (группа Г), найденные в очажной яме. Это был сосуд значительных размеров, судя по форме, вероятно, горшок. Он сделан из чистой, но плохо промешанной глины. Обжиг относительно слабый, отчего керамическая масса имеет темносерую окраску. С наружной стороны сосуд был орнаментирован линейным и волнистым рифлением. Толщина стенок равна 8 мм (табл. I, *7*).

Отметим также обломки маленького глиняного сосудика, по форме и фактуре вполне соответствующего посуде группы Б. Его размеры: высота 3.8 см, диаметр 4 см, толщина стенок 3 мм.

Другие находки, сделанные в землянке 8, состоят из трех точильных камней (табл. XI, *2*, *4*). Один из них, самый маленький, имеет сквозное отверстие для привешивания, второй — незаконченную сверлину, начатую с двух сторон. Далее следует несколько костяных поделок: обычное острие, просверленный астрагал бобра и любопытная поделка в виде трубочки, овальной в разрезе, выструганной из трубчатой кости. Конец ее расширен раструбом, около него имеются одно против другого два сквозных отверстия. Две маленькие дырочки имеются и на самом краю раструба. С одной стороны вдоль трубочки имеется ряд высверленных точек. Так как сохранилась лишь часть поделки, решить вопрос о ее назначении не представляется возможным (табл. IX, *7*).

В землянке найдено обычное прясло, приготовленное из черепков привозной посуды (табл. X, *3*), железное острие в виде шила, у которого имеются остатки деревянной рукоятки (табл. VI, *9*), неопределенный железный стерженек и буса из красного сердолика в виде 14-гранника (табл. IX, *8*).

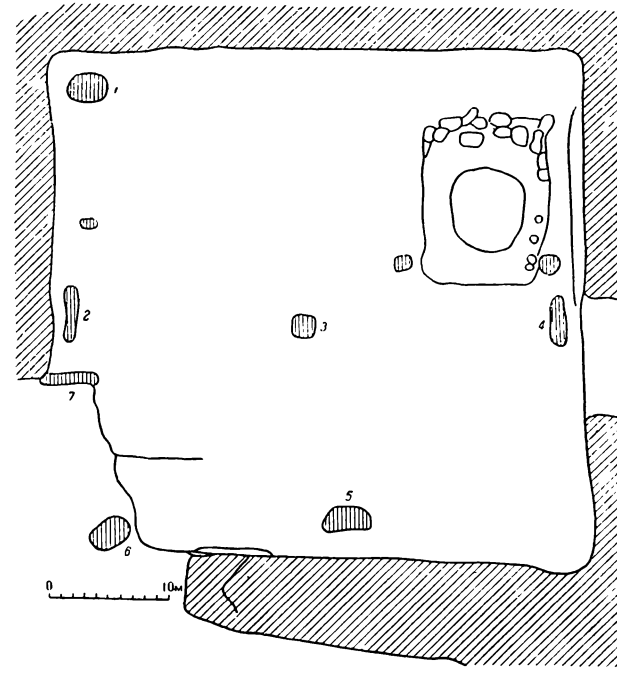


Рис. 25. Большое Боршевское городище. План землянки *8*.

Землянка *10* (рис. 8) является сооружением, возникшим позже многих других построек городища. Она была устроена не на свободной площади, а поверх существовавших ранее, но разрушенных землянок. Восточная часть помещения была расположена поверх ямы землянки *12*, вследствие чего последняя была больше чем наполовину забита меловой щебенкой. Юго-западный угол помещения *10* врезался в яму землянки *7*. На пространстве между землянками *7* и *12* помещение *10* было углублено в меловую толщу на 50—60 см. Его полные размеры 3.20 × 2.25 м.

В полу землянки *10* вдоль стены вместо ям от

столбов имелись неглубокие канавки (ширина до 30 см, глубина до 8 см), удерживающие в себе нижние венцы сруба, сохранившегося на высоту трех венцов. Бревна сруба оказались дубовыми стволами с остатками коры на поверхности. По толщине они не превышали 10—15 см. Углы срублены «в чашу». Пространство между срубом и стенками ямы было забито меловой щебенкой. Размеры фактической площади помещения равны 2.7 × 2.0 м.

Любопытной деталью землянки являлись остатки досок, покрывавших пол в поперечном направлении. Их толщина не превышала 2—3 см, что же касается ширины, то она осталась невыясненной, так как доски сильно обгорели и утеряли свою первоначальную форму.

Деталью конструкции землянки *10* являлась, по-видимому, длинная и узкая яма (1.00 × 0.15 м, при глубине 0.3 м), расположенная на площади землянки *7*.

Никаких находок в помещении *10* сделано не было.

Землянка *12* (рис. 16). Открытая после разборки помещения *10* землянка *12* имела, как и предыдущие жилые помещения, почти правильную квадратную форму. Ее размеры — 3.50 × 3.48 м. Высота западной задней стенки составляла 1.3 м, две боковые стенки сильно понижаются по направлению к противоположной восточной стороне, достигая там всего лишь 25 см. Восточная стенка ямы высотой 20—25 см имела протяжение лишь 1 м. В остальной части яма в эту сторону была совершенно открыта и граничила с примыкающей к ней ямой помещения *17*. По трем углам в полу землянки имелись углубления от столбов (табл. 10). В углу за очагом углубление отсутствовало, но его заменяла выемка в стене глубиной 15 см. У южной и северной стен были расположены удлиненные в плане ямы, у стены, противоположной очагу, яма полукруглой формы. Около очага, под западной стенкой, где ямы для столба не было, вдоль стены пол образовывал ступеньку в 20 см ширины и 10 см высоты. По северной стенке около очага имелась канавка, постепенно сходящая на-нет.

Таблица 10

№№ п.п.		Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближн. сте
1	Прямоугольная .	17	17	11	15
2	Удлиненная	45	15	15	12
3	Удлиненно-овальная .	40	15	18	15
4	Круглая . . .	20	20	20	13
5	Полукруглая . .	28	17	12	—
6	Прямоугольная удлиненная	30	17	27	20

Очаг, расположенный в северо-восточном углу, по своему устройству значительно отличается от тех, которые были в предыдущих землянках. Он был сооружен одновременно с землянкой и составлял с полом одно целое, будучи высеченным из мела. В полу имелось небольшое углубление, окруженное тремя стенками, из которых задняя, как это видно на чертеже, имела 45 см высоты, 20—30 см ширины и 20 см длины. Две боковые стенки отличались небольшими размерами и постепенно сходили на-нет. Поэтому они были дополнены кладкой из валунов. Размеры пода очага 80 × 60 см.

Больше чем на половину яма землянки *12* при сооружении помещения *10* была забита меловой щебенкой. Находок здесь сделано не было.

Землянки *13* и *14* (рис. 5 и 16). Помещения *13* и *14*, расположенные рядом с землянкой *12*, имели хозяйственное назначение. Яма первого из них, размером 1.3 × 1.9 м, примыкала к землянке *12* почти вплотную. Уровень ее пола на 0.95 м превышал пол землянки 12. Яма была углублена в мел на 0.5 м, причем, благодаря склону, восточная стенка совершенно отсутствовала. Отсюда, видимо, был ход в это маленькое помещение.

Вместо обычных углублений в полу здесь имелись две канавки глубиной около 5—6 см при ширине 20 см. Очевидно, в них помещались нижние бревна бывшего здесь сруба. Сооружение приходится рассматривать как маленькую кладовую.

Помещение *14*, находившееся южнее предыдущего, занимало площадку 3.5 × 2.5; однако, судя по расположению ям от столбов, фактические его размеры были значительно меньше (1.5 × 3.5 м). С двух и частично с третьей стороны помещение ограничивалось меловыми стенками, достигающими в западной части высоты 1.1 м. Четвертая, восточная сторона ямы оставалась открытой.

Вдоль западной стены при исследовании были обнаружены остатки обгоревшего бревна. Следует думать, что здесь был сруб, поддерживаемый вертикальными столбами, от которых остались упорные ямы в числе семи, расположенные вдоль стен (табл. 11). У юго-западного угла в стене имелась выемка.

Таблица 11

№№ п.п.	Форма ям	Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближн. стены в см
1	Овальная	19	10	11	50
2	»	20	10	06	60
3	Удлиненная	50	18	08	40
4	Прямоугольная	21	21	15	—
5	»	21	22	17	—
6	»	20	21	30	32
7	»	20	20	18	—

Ни в том, ни в другом помещении
док сделано не было.

Помещение *17* (рис. 11), последнее по восточному склону в центральной части раскопа, являлось самым большим из раскопанных (4.9 × 4.6 м). Западная его стенка примыкала к землянке *12*, причем пол последней был расположен на 80 см выше уровня пола землянки *17*. Северная и южная стенки, имевшие высоту до 100 см, к восточной стороне понижались до 10 см. С восточной стороны яма была открыта.

Помещение *17* не служило жилищем, а имело специальное хозяйственное значение, являясь местом размола зерна. Последний производился на больших ручных жерновах, найденных на полу в восточной части землянки. По южной и восточной стенам имелись два ряда углублений от столбов, из которых внутренние, меньшие по размерам, поддерживали деревянную стенку. Ее обугленные остатки сохранились по южной стене ямы. Они представляли собой 3—4 ряда обгорелых обломков пластин, составляющих в общей сложности стенку высотой 60 см. В округлом углублении в юго-восточном углу землянки сохранились остатки деревянного, дубового стояка. В юго-западном углу остатки дерева, утерявшие свое первоначальное расположение, лежали в три ряда. В северной части землянки, в засыпи 15—50 см над полом, найдено несколько обгорелых пластин и досок шириной до

20—25 см лежащих в поперечном, продольном направлении.

По северной стене имеются два углубления от столбов и неглубокая канавка (ширина 30 см, глубина 10 см) в западной части.

Ряд ям в северо-западном углу землянки наводит на мысль о существовании здесь некогда очага.

Размеры углублений от столбов (в см) даны табл. 12.

Таблица 12

№ п.п.		Длина	Ширина	Глубина	Расстояние от ближ. стены в см
1	Прямоугольно-овальная	65	25	30	15
2	Неправильно-овальная	30	25	30	40
3	Прямоугольная	16	16	13	40
4		75	35	18	00
5	Круглая	30	30	35	40
6	Полукруглая	32	16	28	80
7	Прямоугольная	16	15	22	25
8	Круглая	20	20	15	65
9	Прямоуго.	15	15	06	18
10	»	40	30	30	00
11	»	15	15	32	26
12	Овальная	35	30	25	105
13	»	40	30	18	5
14	»	16	15	13	150
15	Кругл	50	50	06	—
16	»	25	25	20	
17	Овальная	70	35	17	5
18	»	70	40	17	0
19	»	65	25	30	15

В полу землянки, ближе к юго-восточной части, обнаружены две округлые ямы, диаметром до 25 см, глубиной около 20 см, расположенные на 40 см одна от другой. В противоположность другим, эти ямы имели неровные выщербленные стенки, расширяющиеся вверх наподобие воронок. Это указывает на то, что стоявшие в них столбы испытывали не только вертикальное, но и боковое давление, как бы раскачивались из стороны в сторону, в результате чего стенки ям заметно обкрошились. Лежащие около ям жернова заставляют полагать, что ямы служили для укрепления подставки жернова.

Переходя к находкам, прежде всего остановимся на жерновах. Они приготовлены из плотного известкового камня, причем наружная их поверхность и бока были подвергнуты лишь самой грубой формовке. Плоские внутренние поверхности носят следы обработки металлическим инструментом в виде узколезвийного долота.

Нижний жернов имеет диаметр 50 см, являясь по форме весьма неправильным кругом. Толщина его равна 4 см. В центре имеется круглое отверстие диаметром 7 см. Верхний жернов значительно массивнее нижнего, по диаметру он на 3—4 см меньше последнего, но толщина его в два с половиной раза больше, чем у нижнего жернова (11 см). В центре имеется также округлое отверстие, одинаковое с отверстием нижнего жернова. Наружная поверхность крайне неправильна, покрыта выбоинами и глубокими впадинами как естественного, так и искусственного происхождения (табл. XII).

На дне землянки, в западной ее части, были найдены стоящими рядом два глиняных горшка средней величины, причем интересно, что они резко отличались один от другого. Первый из них, более узкий по форме (выс. 17,5 см, диаметр горла 14 см), принадлежит к посуде группы А (табл. II, *4*). Другой, имеющий сильно расширенную горловину (выс. 17,5, диам. горла 19 см), относится к посуде группы Б (табл. V, *2*). Нахождение вместе того и другого свидетельствует об одновременности бытования керамики обоих типов.

Керамический материал землянки 17 весьма разнообразен и состоит из обломков посуды всех обнаруженных на городище типов. Обращают на себя внимание три обломка горловин кувшинов из красной глины, изготовленных на гончарном круге, с ручками, орнаментированными наколом. Имеются обломки амфоры с желобчатым рифлением.

Заслуживает внимания значительное число обломков керамики, приготовленной из глины без грубой примеси. Около венчика эта посуда была снабжена сквозными отверстиями. С ней мы уже встречались при описании находок в землянке *3*.

Важной находкой, сделанной на полу землянки в юго-восточном углу, является монета Абассида Мустаина (862—866 гг.), припаянная к небольшой треугольной бронзовой привеске и бывшая, таким образом, украшением (табл. IX, *12*).

Остальные находки имеют обычный характер. Здесь найдены пять костяных острий, два просверленных астрагала косули, один астрагал бобра со сверлиной для привешивания, несколько отрезков рога и три пряслица,— обычное из черепка и биконические глиняные (табл. X, *2, 12, 14*).

Обращает на себя внимание цилиндрическая рукоятка ножа из кости с обломком вставленного в нее черенкового железного ножа (табл. VII, *8*). Помимо этого найден обломок второго такого же ножа, но без рукоятки (табл. VI, *6*).

В разных местах на полу землянки встречены пять камней с гладкими отшлифованными поверхностями; один из них следует рассматривать как брусок, другие, с одной отшлифованной гранью, как терки для растирания зерен, краски, шлифовки костяных изделий и т. д.

Яма *Л* (рис. 18, 19). Рядом с землянкой *17*, около ее юго-восточного угла была открыта округлая яма с расширяющимися книзу стенками и плоским дном, тщательно вырубленная в мелу. Диаметр ямы вверху составлял 1.05—1.20 м, а у дна 1.45—1.50 м, глубина в среднем 0.08 м. Это была, несомненно, хлебная яма, расположенная около помещения для размола зерна.

Пространство между ямой *Л*, землянкой *14* и землянкой *15*, обозначенное на плане цифрой *16*, представляет собой ступенчатую естественную поверхность мела, не занятую никакими постройками. Следов какого-либо навеса над ямой *Л* не обнаружено.

Кроме многочисленных обломков керамики, здесь рядом с ямой найден грубый глиняный горшок с обломанной верхней частью. Он, видимо, побывал в сильном огне, отчего поверхность его покрыта мелкими трещинами. Высота горшка достигала приблизительно 25 см, диаметр 20—22 см. Далее, здесь найдены два небольших черепковых ножа (табл. VI, *1, 4*).

Участок *11* (рис. 5). Участок наземных построек, обозначенный на плане цифрой *11*, занимает весь северо-восточный угол раскопа. Его форма прямоугольная, общие размеры 8.0 × 5.5 м. Натуральная поверхность мела здесь искусственно обработана в виде пяти горизонтальных площадок неправильной формы, расположенных террасообразно. При планировке площадок была снята значительная толща мела, благодаря чему со стороны землянки *8* участок ограничен стенкой 0.5 м высоты. В верхней части участка находится неправильная по форме площадка, размером 6.2 × 3.2 м, ограниченная с запада меловой стенкой. В ее центральной части расположена яма для хранения *Б*. Вдоль стенки и у противоположного края площадки открыты 17 ям от вертикальных столбов. Юго-западный угол площадки, примыкающий к зем-

лянке *12*, образует прямоугольный выступ, размером 1.3 × 1.3 м. Здесь также имеются две ямы для столбов.

Следующий уступ, расположенный на 0.35—0.50 м ниже предыдущего, имеет вид трех соединенных друг с другом прямоугольных площадок разного размера.

Таблица 18

№ п.п.	Форма ям	Длина	Ширина	Глубина
		в см		
1	Прямоугольная	35	27	15
2	»	60	25	27
3	»	55	20	40
4	Круглая .	13	13	12
5	Удлиненная	190	14	06
6	Полукруглая	17	17	15
7	»	30	17	35
8	Прямоугольная	17	15	13
9	»	20	15	12
10	»	18	12	50
11	»	15	14	30
12	Овальная	28	22	06
13	Прямоугольная	18	12	28
14	»	30	25	40
15	Овальная	27	20	26
16	Округлая	55	55	30
17	Прямоугольная	22	22	14
18	»	22	19	30
19	»	30	25	25
10	»	30	23	35
11	»	30	25	40
22	Круглая .	30	30	32
23	Прямоугольная	20	20	20
24	Округлая	16	16	35
25	Овальная .	22	15	40
26	Неправильно углубл.	80	25	40
27	Прямоугольная	32	32	21
28	»	35	30	17
29	Овальная	25	20	11
30	Округлая	25	25	18
31	Овальная	40	30	18
32	»	35	30	15
33	Прямоугольная	18	18	28
34	Овальная	20	15	20
35	» .	45	40	55
36	Прямоугольная	30	30	20
37	Ромбовидная	32	35	60
38	Прямоугольная	45	35	60
39	Трапециевидная	35	35	22
40	Овальная	50	40	18

Меньшая из них (1.4 × 1.4 м) примыкает к прямоугольному выступу и граничит с землянкой *12*. На нем имеется лишь одна небольшая яма от столба. Большая площадка, размером 4.5 × 2.5 м, лежащая параллельно первой, более возвышенной площадке, имеет 13 углублений от столбов, расположенных преимущественно вдоль задней меловой стенки площадки и по ее переднему краю. Третья площадка примыкает к предыдущей в северо-западной части. Ее размеры 2.5 × 1.5 м; на ней расположены три ямы от столбов. Следующие две ступени имеют совершенно неправильные очертания. Первая из них, составляющая четвертый ярус, лежит на 0.5 м ниже площадок предыдущего яруса. Вторая — на 0.35 м ниже первой; она граничит с юга с землянкой *17*.

Углубления от вертикальных столбов, обнаруженные на участке в числе 40, отличались большим разнообразием как по форме, так и по величине. Их расположение нельзя назвать правильным и уловить здесь определенные границы построек не представляется возможным. Большей определенностью в расположении ям отличаются первый и второй ярусы площадки. Как видно на плане, здесь по обе стороны ямы *Б* имеются два свободные участка, окруженные углублениями от столбов; то же самое наблюдается на втором ярусе, что же касается нижних террас, то там расположение ям не позволяет сделать никаких заключений. Форма и размеры ям подробно представлены в табл. 13.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ямы для столбов здесь гораздо глубже, чем в землянках. Повидимому, свободно стоящие столбы требовали здесь более прочного крепления.

Яма Б (рис. 19), расположенная у западного края участка, в полевых записях значится под наименованием «погреба». На дне ее был обнаружен толстый (в 10 см) слой рыбьих костей и чешуи, который мог получиться лишь в результате хранения в яме сушеной рыбы. Больше всего здесь встречено костей судака. По своей форме яма *Б* была аналогична яме *А*. Диаметр ее в верхней части равен 0.95—1.00 м; у дна, расположенного на глубине 1 м, яма расширялась до 1.4—1.5 м. Любопытной деталью, не повторяемой в других подобных ямах, являлось округлое углубление на дне, размером 1.0 × 0.8 м, при глубине 88 см. Оно ясно видно на рис. 19.

Яма *Б*, точно так же как и яма *А*, дала возможность проследить одну деталь, касающуюся техники вырубания меловых помещений. На стенках ям, где они, расширяясь, образовывали род свода и куда поэтому не проникла вода, ясно были видны следы орудия, которым вырубались ямы. Это был долотообразный инструмент с лезвием шириной 3.2 см в яме *А* и 5 см в яме *Б*; в этом инструменте, вероятно, следует видеть тесло, подобное находимым в могильниках салтовского типа.

В культурном слое над участком наземных построек сделан ряд находок, на которых следует коротко остановиться. Здесь найдено, во-первых, значительное число отрезков рога и костяных и роговых заготовок. К последним следует отнести также выструганные наподобие дощечек стенки больших трубчатых костей. Здесь найдены, далее, острие обычного типа из расколотой вдоль трубчатой кости, два просверленных астрагала косули, обломок костяной поделки с железным гвоздиком (табл. VII, *11*) и железный черенковый ножичек с обломанным концом (табл. VI, *2*).

Любопытной находкой являются две бусы. Одна круглая, диаметром 0.7 см, из желтовато-красной пористой пасты (табл. IX, *9*).

Что касается керамического материала, то он состоит исключительно из обломков посуды обычного характера. Заслуживает внимания находка миниатюрной полукруглой чашечки (высота 2.5 см, диаметр 3.5 см, толщина стенок 5—6 мм), приготовленной из чистой глины (табл. X, *19*).

Землянка *9* (рис. 9) расположена рядом с землянкой *5*. Она была ориентирована несколько иначе, чем все предыдущие жилища (направление северной стенки: зап. 285°). Между собой землянки *5* и *9* разделены стенкой 0.6—0.9 м ширины. В плане землянка имела вид квадрата с несколько неровными сторонами, ее размеры колебались около 3.5 м в поперечнике. Таким образом она принадлежит к числу меньших жилых помещений. Из-за расположения на крутом склоне стенки ямы землянки различны по высоте. В северо-западном углу высота стенки равна 1.4 м, в юго-восточном — 0.3 м. Помимо этого, стенки ямы отличались неровностью, что особенно заметно на северной, имеющей широкий подбой. Пол, ровный в средней части, несколько повышался к стенкам.

По расположению ям от столбов землянка *9* одна из наиболее характерных. По всем четырем углам имеется по округлой ямке, размером в среднем 25 × 25 см, при глубине около 30 см. В яме юго-за-

надного угла сохранились остатки вертикального стояка, представляющего собой пластину, несколько отесанную с углов. У западной стены, рядом с очагом, была такая же округлая яма; у противоположной стены открыта двойная яма в виде двух, следующих одно за другим полукруглых углублений.

Наконец, у боковых, северной и южной, стен были обнаружены большие удлиненные ямы; одна из них в виде полукруга. В ней сохранились два стояка из дубовых пластин, придерживающих остатки облицовки стены. Точные данные о ямах даны ниже (табл. 14).

Стояки южной стены являлись пластинами из нетолстых дубовых бревен (ширина 18—20 см). Они были укреплены в яме путем плотной забутовки оставшихся пустот меловой щебенкой. Стена была облицована дубовыми досками, шириной около 20 см, при толщине 4 см. Сохранились лишь три нижние доски; от верхних остался слой коричневатого перегноя. Часть досок упала внутрь землянки. У противоположной стены, рядом с очагом, обнаружено перегнившее бревно (или отесанная с углов пластина), представляющее собой, вероятно, упавший угловой стояк; обгорелое дерево встречено также у западной стены.

Таблица 14

№№ п.п.		Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Прямоугольная	25	25	32	12
2	Овально-полукругл.	60	45	15	10
3	Овальная	27	25	28	12
4	»	28	27	20	05
5	Полукруглая	40	22	38	50
6	»	32	17	30	30
7	Ромбическая	31	23	26	8
8	Удлиненная	70	28	18	5
9	Округлая	27	28	29	8

Очаг в северо-западном углу в общих чертах аналогичен очагу землянки *12*. Он также вырублен из мела, но по своим деталям являлся значительно более полным. Очажное углубление имело здесь вид овальной ямы размером 0.60 × 0.76 м, при глубине около 8 см. Оно было окружено тремя меловыми стенками, высотой до 40 см. Детально с очагом можно познакомиться по рис. 9. Пол за очагом был несколько приподнят. Около него лежал небольшой валун, носящий следы действия огня.

В разных местах на полу землянки найдены в обломках три небольшие глиняные сосуда грубой фактуры. Два из них — горшечки обычной формы (высота 11.5 см) (табл. III, *3*). У бо́льшего небольшой полукруглый налеп на плечике, исполнявший, видимо, роль ручки. Третий сосуд — небольшая широкая мисочка с открытой горловиной, выпуклыми стенками и сравнительно небольшим дном (высота 9 см, диаметр горла 16 см, дна 8.5 см; табл. III, *4*). Миска вылеплена из относительно чистой глины, но сработана весьма грубо, причем с внутренней стороны стенок ясно видны следы сглаживаний рукой. Венчик закруглен. Толщина стенок 0.8 см.

Помимо целых сосудов, в землянке *9* находилось много керамики в обломках, принадлежащих горшкам грубой фактуры. В единичных обломках встречены части мис-сырниц и тарелок. Среди привозной посуды имеются обломки амфор и кувшинов, из которых отметим часть днища круглодонной амфоры.

Кроме керамики, найдены три обычных костяных острия, два целые и одно обломанное, астрагал со сверлиной и глиняный грузик в форме усеченного конуса с продольным отверстием (табл. X, *18*).

В заполнении землянки встречено несколько кусков глиняной «жаровни».

Землянка *15* (рис. 7, *10*), последняя на восточном склоне, являлась одним из наиболее интересных помещений. В плане она имела вид почти правильного квадрата со сторонами: северной 3.95 м, западной 4.2 м, южной 4 м и восточной 4.1 м. Ориентация у нее другая, чем у большинства землянок, и совпадает с ориентацией землянки *9*. С запада землянка ограничена высокой меловой стенкой (1.75 м); противоположная стенка, благодаря крутизне склона, едва достигает полуметровой высоты. Изучение землянки *15* показало, что она вырублена на месте другого жилого помещения, пол которого был на 35—40 см выше пола землянки *15*. От этого старого помещения сохранился участок пола, примыкающий к северной стене землянки *15* и образующий теперь как бы ступеньку шириной 50—80 см. От старой землянки на ней сохранились две угловые и одна боковая ямы от столбов. Старая землянка была, видимо, больше *15*-й. К ней приходится отнести и небольшой уступ в юго-западном углу, расположенный над полом землянки *15* на 40 см, и округлую яму за пределами юго-восточного угла. Возможно, к ней относились удлиненная выемка, примыкающая к середине восточной стены, расположенное рядом с ним широкое корытообразное углубление, оказавшееся заложенным мелкими камнями, а также две ямы, удлиненная и округлая, у восточной стены за пределами землянки *15*. В полу землянки *15* были обнаружены обычные восемь ям от столбов. Одна из них двойная, а две удлиненные. По стенкам сохранились остатки облицовки из дубовых бревен диаметром около 0.15 м. По южной стенке обнаружено три бревна, одно над другим, образующие стенку высотой 0.4 м. По северной и западной стенам бревна сохранились значительно хуже и лишь на высоту одного венца. По восточной стенке бревен не обнаружено, причем здесь не было заметно и забутовки, бывшей по трем другим стенкам.

Точные данные о ямах даны в табл. 15.

Кроме перечисленных ям в полу землянки, ближе к юго-восточному углу, обнаружено четыре небольших углубления, служивших для укрепления ножек

Таблица 15

№№ п.п.		Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Прямоугольная	22	22	45	8
2	Удлиненная	45	18	18	11
3	Округлая, наруш. трещинами	?	?	15	19
4	Округлая	30	30	35	
5	Прямоугольная	30	20	26	35
6	»	23	15	16	20
7	Удлинен., наруш. при сооружении землянки *15*	100	?	25	
8	Округлая	22	22	37	19
9	Удлиненная	42	13	20	24
10	Прямоугольная	19	19	45	17
11	Прямоуг., наруш. при сооружении землянки *15*	?	30	35	30
12	Удлиненная	70	20	38	40
13	Овальная	35	29	27	20
14	Прямоугольная	23	15	20	25

стене или пер, расположенных рядом с очагом. Последний был сложен из крупных валунов, без следов какой-либо глиняной обмазки. Разборка камней показала, что очаг имел свод и являлся таким образом печкой-каменкой, прямоугольной по форме. Размеры ее 1.15 × 1.70 м. В полу внутри печи имелось обычное очажное углубление размером 50 × 47 см, глубиной 5—6 см.

Многочисленная керамика в обломках, собранная при расчистке землянки, состоит из фрагментов обычных горшков, преимущественно грубой фактуры. Единично встречаются части тарелок и мис-сырниц. Кувшины и амфоры представлены семью обломками.

В засыпи землянки, ближе к краю площадки, найдено несколько черепков эпохи бронзы, украшенных разнообразной орнаментацией. Очевидно, здесь имело место поселение этого времени, культурный слой которого был нарушен при сооружении землянок.

Из других находок, сделанных в землянке, прежде всего обращает на себя внимание прясло из серой глины в форме двух сближенных основаниями усеченных конусов, имеющее, видимо, не местное происхождение (табл. X, *13*). Далее отметим бусу из голубого стекла в виде тонкого шестигранника, обломок костяной поделки с округлой оконечностью, два обычные костяные острия, из которых одно отличается большими размерами, обломок гладко отшлифованного тонкого острия, может быть иглы, и отрезок рога благородного оленя.

Культурный слой восточного склона. По восточному склону городища над землянками залегал довольно мощный культурный слой, достигавший у края площадки толщины 1.4 м, над землянками *14* и *13*—0.8 м, а к вершине сходящий на-нет. Он состоял, главным образом, из продуктов естественного и искусственного разрушения мела: меловой щебенки, крупных обломков мела, меловой пыли. В нем попадались прослойки золы и угля. Цвет культурного слоя, окрашенного гумусом, светло-серый (в сухом состоянии). Слой переполнен культурными остатками, главным образом керамикой, а также костями животных и рыб. Изредка встречаются костяные и другие поделки.

Здесь найдено свыше шестисот обломков керамики, из которых подавляющее большинство составляли части обычных грубых горшков разного размера. В большом числе обнаружена и посуда лучшего качества, причем последняя, благодаря своей прочности, встречалась нередко в крупных обломках.

Из грубой посуды обращают на себя внимание обломки громадного бочонкообразного горшка (высота около 50 см, диаметр горла 35—40 см), частично восстановленного. В небольшом числе найдены обломки тарелок и сырниц.

Привозная посуда представлена, прежде всего, обломками большого кувшина, найденными над землянками *13* и *14*, там же, где были обломки большого горшка, упомянутого выше. Кувшин имел узкую горловину, с одной ручкой, раздутые стенки (диаметр 30 см) и плоское дно; орнаментирован полосами рифления. Кроме того, имеются обломки других кувшинов и амфор с желобчатой поверхностью.

Что касается поделок из кости и других материалов, то их в слое найдено относительно очень немного. Всего с этой большой площади получены: одно обычное острие, половина прясла из черепка привозной посуды (табл. X, *9*), глиняный шарик (грузило), выструганная костяная дощечка, видимо заготовка, и три обрубка рога. Другое прясло из белого плотного камня, вероятно, привозное, и тигель в виде круглодонного цилиндра (высота 4.7 см, диаметр 4 см) с оплавленной до стеклянного блеска поверхностью (изображены на табл. X, *10* и на рис. 21). Наконец найдены небольшой черенковый нож, другая железная поделка неопределенной формы, может быть также лезвие ножа; обломок стеклянной призматической посеребренной бусы и часть костяной поделки с орнаментом в виде кружков (табл. IX, *6*).

Землянка *18* (рис. 17) имела вид квадратной ямы размером 3.75 × 3.75 м при глубине 0.43 м в западной части и 0.95 м в восточной. Пол землянки был несколько неровен и покрыт большим числом мелких углублений, следами от корней бывшего здесь леса. Подобные углубления не раз встречались и в других землянках, расположенных ближе к вершине и не защищенных от деятельности корней слоем наноса. Стены ямы вертикальны, но вырублены менее тщательно, чем у большинства землянок. В полу землянки у стен и по углам обнаружены обычные девять ям от столбов. Кроме того, в самом центре землянки имелась неправильная чашеобразная яма, гнездом для столба, видимо, не служившая. Подробные данные о ямах даны в табл. 16.

Таблица 16

№ п.п.	Форма ям	Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Овально-прямоугольная	29	24	32	20
2	То же	30	22	29	25
3	» »	32	28	25	13
4	»	55	25	21	16
5	Неправильная	28	20	13	—
6	Прямоугольная	50	28	23	20
7	Неправильно-округ.	25	25	32	17
8	Овальная	30	17	29	48
9	Прямоугольная	30	28	32	18
10	Неправильно-овальн.	30	28	30	14

В юго-западном углу располагались остатки очага, представлявшие собой яму, выбитую в полу, диаметром 0.70 м и глубиной 0.15 м, окруженную с трех сторон стенкой из мелких валунов, сложенных на глине. Сохранился очаг очень плохо, его стенки совершенно разрушены.

Землянка *18*, небольшая по своим размерам и лишь частично заполненная наносом, дала небольшой, но несколько необычный материал, сосредоточенный, главным образом, вокруг очага и внутри его. Прежде всего бросается в глаза наличие большого числа посуды явно не местного происхождения. В очаге найден в обломках кувшин красной светлой глины (табл. V, *6—8*). Здесь же оказалось несколько обломков большого глиняного горшка, изготовленного с помощью гончарного круга (керамика группы Г). В разных местах на полу были собраны обломки от другого кувшина, более грубого и толстостенного, чем первый. Наконец, около очага была найдена верхняя часть кувшинчика типа салтовских могильников (табл. V, *3*). Кувшинчик изготовлен из чистой глины, хорошо обожжен и вылощен с наружной поверхности, которая имеет почти черную окраску (высота 9 см, диаметр 10 см). По самой широкой части проходит неглубокий желобок. Другой желобок нанесен по основанию горловины.

Что касается остального керамического материала, то тут имеются в равном числе обломки как грубой посуды, состоящей из горшков и мисы-творожницы, так и посуды лучшей выделки. Несколькими обломками представлена «жаровня».

Среди других находок, сделанных в землянке, прежде всего следует отметить серебряную монету, являющуюся подражанием диргему саманида Насра-ибн-Ахмеди (914—943 гг. н. э.; табл. IX, *13*), найденную около очага. Здесь же найден небольшой черенковый

нож (табл. VI, *3*). Костяные поделки состоят из четырех острий; далее найдены два пряслица из черепков привозной посуды и часть валуна со сглаженной поверхностью (табл. X, *1, 6*).

Землянка *19* (рис. 17) расположена рядом с предыдущей и отделена от нее меловой стенкой шириной 30—40 см. Пол обеих землянок находится на одном уровне, а так как поверхность городища имеет здесь некоторое падение, то стенки землянки *19* в самом высоком месте, в северо-восточном углу, достигали высоты 72 см, а в самом низком, в северо-западном углу, 20 см. Таким образом, это было почти надземное сооружение. Размеры стен, северной, южной, восточной и западной, составляют 3.6, 3.75, 3.5 и 3.9 м. В плане землянка представляла собой несколько неправильный квадрат с вытянутым юго-восточным углом.

По углам землянки были обнаружены округлые ямы от столбов, причем в юго-западном углу за очагом ямы не было, а в юго-восточном имелись две. Ямы по стенам отличались удлиненными очертаниями, причем у стены, противоположной очагу, обнаружено две ямы, одна за другой (табл. 17).

Таблица 17

№№ п.п.		Длина в см.	Ширина в см.	Глубина в см.	Расстояние от ближ. стены в см
1	Прямоугольная	30	22	15	0
2	Округлая	28	28	15	12
3	Прямоугольная	65	16	10	3
4	»	26	26	21	5
5		60	16	15	0
6	Неправильно-полукруглая	50	30	30	35
7	Прямоугольная	65	25	17	0
8	Неправильно-прямоуг.	65	20	19	0
9	Овальная	28	21	20	5

Бо́льшая часть ям расположена вплотную около стен, что как будто бы указывает на иной способ деревянной облицовки стен этой неглубокой ямы, если таковая здесь вообще имела место.

Очаг, как и в предыдущей землянке, находившийся в юго-западном углу, лежал на меловом основании высотой 10—15 см, составляющем одно целое с полом. Очажная яма размерами 73 × 75 см имела неправильные овальные очертания. С двух сторон очаг был окружен меловой стенкой высотой 15 см, с третьей — стенка была сложена из валунов, на глине. За очагом уровень пола приподнят на 10 см.

На дне землянки найдены в обломках три глиняных горшка средней и малой величины (высота 18; 12.5; 9.5 см), относящихся к керамике грубой фактуры типа А (табл. II, *3*; табл. III, *2*). Средний по величине горшок орнаментирован кривой волнистой прочерченной линией; маленький горшочек несет по плечику и венчику вдавления, нанесенные ногтем. Четвертый сосуд представляет собой широкую миску, аналогичную найденной в землянке *9*. Высота ее равна 9.4 см, ширина горла 16.5 см (табл. III, *5*).

Керамического материала в обломках в землянке *19* оказалось сравнительно немного. Кроме обломков грубых горшков, здесь в небольшом числе имеется керамика лучшей выделки, а также несколько фрагментов относительно грубой посуды, изготовленной с помощью гончарного круга. Она сильно отличается от привозной посуды, будучи по составу глины, окраске, форме и обжигу близка к обычной для городища керамике лучшей выделки.

Из привозной посуды имелся один обломок амфоры.

Кроме керамики, в землянке найдены костяное острие и большая биконическая каменная бусa (или пряслo), украшенная двумя парами параллельных желобков (табл. X, *11*).

В центре землянки на полу была найдена нижняя половина небольшого жернова, неправильной формы, диаметром 32 см, толщиной 5 см. Круглое отверстие в середине имеет диаметр 5.5 см. Жернов сделан из раковистого известняка и обработан только в рабочей части. Наружная поверхность и края грубо оббиты.

В очаге были найдены обломки второго жернова, несколько более массивного по размерам.

Яма *20*. В юго-восточном углу раскопа, у самого края городища, была обнаружена вырубленная в мелу неглубокая неправильная яма, которую, повидимому, следует рассматривать как начатую, но незаконченную землянку. Ее размеры составляли в среднем 3 × 3 м, глубина 0.3—0.5 м.

Северо-восточный угол этой ямы был углублен в меловую толщу на 0.6 м и образовывал прямоугольную по форме, окруженную с трех сторон меловыми стенками и открытую с четвертой стороны яму размером 1 × 1 м, повидимому, служившую в качестве ямы для хранения. О последнем говорит огромное количество рыбьих костей и чешуи, найденных в этой яме, вместе с обломками грубой керамики и костями животных.

Землянка *21* (рис. 26). Вырубленная на западном склоне, на краю городища землянка *21* не отличалась правильностью. Стенки ее, хотя и вертикальные, весьма неровны, углы закруглены, пол покрыт выбоинами. Задняя, восточная, стенка землянки имела длину 4.9 м и высоту до 1.3 м. К середине стены вверху примыкала широкая выбоина или выемка, понижавшая стену до 0.85 м. С юга землянка граничила с горизонтальной площадкой, расположенной между помещениями *19, 20* и *21*; уровень площадки был на 0.6 м выше пола землянки. К склону площадка, а следовательно и стенка несколько понижались Длина стены 3.7 м. С севера землянка граничила сначала с естественной поверхностью склона, а ниже с горизонтальным проходом к землянке *22*, на котором расположена яма для хранения *Д*. Общая длина стенки равна 4.3 м; высота прохода над полом землянки составляла 0.4 м. Следует иметь в виду, что большие размеры ямы в данном случае не определяли размера землянки и ее фактическая площадь, судя по ямам от столбов, была равна 4 × 3 м. С последней, восточной, стороны стенка отсутствовала, яма здесь открыта, и ее пол лежит на одном уровне с нешироκой горизонтальной площадкой искусственного происхождения, расположенной перед землянкой.

На дне землянки у стен и по углам имеются 14 углублений от столбов. По углам располагаются овально-подчетыреугольные углубления, по одному, по два, по три, по восточной и западной стенам удлиненные, против очага, у южной стены два полукруглых и одно прямоугольное. По северной стене землянки углубления для столбов расположены в два ряда. Очевидно, мы здесь имеем или дополнительные крепы или результат наслоения новой землянки на старую. Подробные данные (в см) о ямах для столбов даны в табл. 18, а их расположение видно на чертеже землянки (рис. 26).

Очаг, расположенный в северо-восточном углу, имел самую простую конструкцию: он состоял из округлой очажной ямы (размеры: 80 × 85 см, глубина 10 см), вырубленной в полу и окруженной тремя стенками из валунов, не скрепленных глиной. Очаг был сильно разрушен и утратил свои первоначальные очертания.

Остатков дерева в виде стояков или облицовки стен в землянке не оказалось, однако в засыпи, несколько выше уровня пола, встречено большое число обгорелых плах и досок, расположенных, в основном, параллельно задней стенке землянки.

Таблица 18

№№ п.п.	Форма ям	Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стены в см
1	Неправильно-овальная	30	21	12	12
2	» »	30	24	23	53
3	Прямоугольная	45	20	35	14
4	Полукруглая .	45	25	23	60
5	Неправильно-прямоуг.	50	25	19	32
6	Овальная	30	26	33	14
7	» .	30	28	13	20
8	Прямоугольная, удлин.	95	25	26	06
9	Прямоугольн., вырубл. на месте другой такой же, но менее глубокой ямы	32	20	30	10
10	Полукруглая	36	22	30	33
11	Прямоугольная	40	26	40	35
12	Полукруглая, неправильн. . .	50	26	30	08
13	Прямоугольная	40	30	20	38
14	Удлиненная, неправильн.	95	25	15	

одно из черепка привозной посуды, другое из мела, железный стерженек, пять костяных острий, трубочка из птичьей кости и буса из позвонка крупной рыбы (табл. X, *8*, *15*, *20*).

Здесь же встречена рукоятка ножа и поделка из рога в виде кривого острия, с расширением, снабженным вырезом и сверлиной. Стержень покрыт кольцевыми бороздками и сильно заполирован (табл. VII, *9*; табл. IX, *1*).

Землянка *22* (рис. 27) в основных своих чертах близка предыдущей, стенки ее также не совсем правильны, пол покрыт выбоинами и трещинами и несколько повышается к задней стенке. Будучи расположена на краю городища, на склоне, яма землянки имеет высокую заднюю стенку, понижающиеся боковые и вовсе не имеет передней стены.

Размеры землянки следующие: задняя стена равна 4.2 м, боковая северная 4 м, южная 4.2 и, наконец, передняя, лишенная стены сторона землянки равна 4.35 м. Максимальная высота меловой стены в восточной части землянки составляла 1.35 м, причем здесь также имелась широкая выбоина, понижающая вертикальную высоту стенки до 1 м. Необходимо указать еще на криволинейную форму южной стены. К северо-западному углу землянки примыкает горизонтальная площадка, видимо, проход в следующую землянку, которая осталась неисследованной.

Расположение основных углублений от столбов

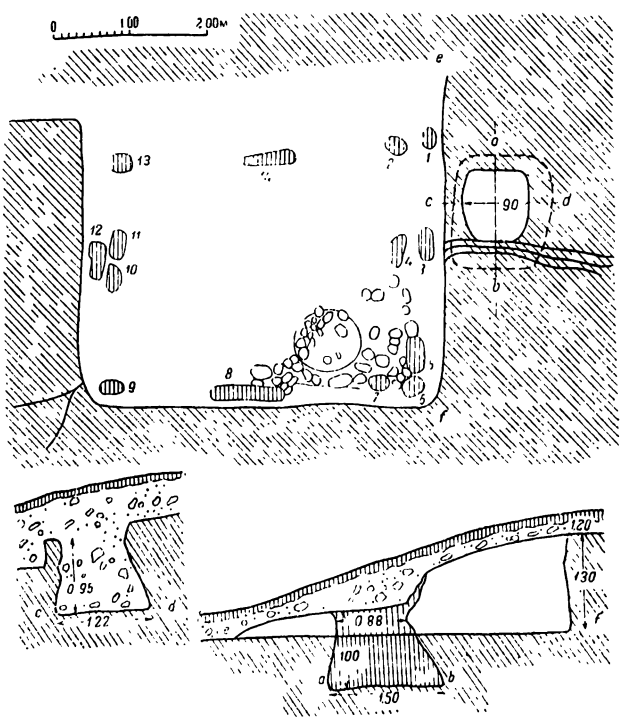


Рис. 26. Большое Боршевское городище. План землянки *21*, ямы для хранения *Д*.

Землянка дала сравнительно небольшое число обломков керамики, преимущественно грубой фактуры Как единичные случаи, встречались части тарелок. Привозная посуда представлена несколькими обломками, видимо, одного узкогорлого кувшина. Отметим также черепки гончарной посуды (группа Г).

Кроме керамики, в землянке найдены: два прясла, очага здесь в основном аналогично предыдущей землянке, однако, как это видно на плане, имеются и значительные различия. Угловая яма за очагом здесь отличалась большими размерами, имея вид воронки, расширенной в верхней части; с западной стороны, там, где нет меловой стенки, имелись еще семь дополнительных углублений, причем довольно ясно наме-

чается землянку в юго-западной ее части.

Очажная яма, диаметром 80 см и глубиной 15 см, была окружена очень небольшим числом камней без следов глины. Деталью, отсутствовавшей в предыдущей землянке, являлись две ямы от столбиков по обеим сторонам очага. Размеры (в см) и форма всех ям, встреченных в полу землянки *22*, представлены на табл. *19*. За ямами, у задней стенки землянки, в юго-восточном углу имеется небольшая канавка глубиной до 5 см, шириной до 15 см и протяженностью около 1 м.

На полу землянки около очага были найдены обломки большого глиняного горшка, впоследствии реставрированного почти целиком. По своему характеру он очень напоминает большой горшок из землянки *1*, но имеет несколько более раздутые бока (высота 29 см, диаметр горла 26 см; табл. II, *2*). Обломочный керамический материал принадлежит в основном обычным грубым горшкам. Обращают на себя внимание обломки одного сосуда, видимо, горшка, с резной вертикальной штриховкой по наружным стенкам, а также нижняя часть сосуда (горшка?) с вертикальными каннелюрами — неглубокими желобками, нанесенными, видимо, пальцем по наружным стенкам. Найдены обломки обычных тарелок и значительное число привозной посуды в виде обломков кувшинов и амфор с желобчатым рифлением. Отметим несколько черепков с лощением, принадлежащих, видимо, кувшинам салтовского типа.

Таблица 19

№ № п.п.		Длина в см	Ширина в см	Глубина в см	Расстояние от ближ. стен в см
1	Овальная, сужающаяся книзу	45	40	40	5
2	Неправильная	65	50	30	5
3	Овальная	32	30	27	6
4	Округлая	24	24	29	—
5	Яйцевидная	30	26	27	
6	Прямоугольная	29	20	27	13
7		35	22	23	105
8		80	40	15	0
9		24	21	40	
10		85	25	28	
11		45	21	10	
12	Овальная	26	21	22	
13	»	28	17	5	21
14	»	40	30	33	10
15	Полукруглая, неправильная	48	30	68	85
16	Овальная	50	26	33	45
17	Неправильная	45	25	13	40
18	Овальная	37	28	45	30
19	Неправильная	22	21	26	70

Среди других находок прежде всего следует отметить обожженные зерна проса, найденные у очага на полу землянки.

Костяные поделки состоят из трех острий, пяти просверленных астрагалов и четырех отрезков рога, причем один из них имеет у основания разветвления кольцевые бороздки, получившиеся, вероятно, в результате трения ниткой.

Интересна костяная трапециевидная подвеска с геометрической орнаментацией и снабженный таким же орнаментом астрагал оленя. Последней костяной поделкой является просверленный зуб маленького хищника (табл. IX, *2, 4, 5*).

В очаге, среди золы, найден железный стержень, повидимому массивное шило, со следами деревянной рукоятки (табл. VI, *8*). Около очага поднят маленький брусок из шифера с обломанным концом (табл. XI, *3*).

Яма *Д* (рис. 26). Рядом с землянкой *21* на проходе, соединяющем ее с соседней землянкой *22*, расположена яма для хранения, означенная в плане буквой *Д*. Эта яма является самой большой среди других таких же хранилищ и отличается лучшей сохранностью, благодаря плотности меловой толщи, в которой она вырублена. Как видно на чертеже, в верхней части яма имеет удлиненные очертания, приближающиеся к трапециевидным. Размеры ее здесь 0.88 × 0.90 м. К дну, лежащему на глубине 1 м, яма сильно расширяется и приобретает прямоугольные очертания, размер ее здесь составляет 1.22 × 1.50 м. Стенки хранилища выбиты ровно. Пол вполне горизонтален. Никаких культурных остатков в яме не оказалось.

Ямы *В* и *Г* (рис. 20). Около землянки *22*, выше по склону, находятся ямы *В* и *Г*. Обе они вырублены сравнительно неглубоко в верхнем выветрившемся и покрытом трещинами слое мела, отчего их сохранность является очень низкой. Стенки сильно обкрошились, и ямы утратили свою первоначальную форму.

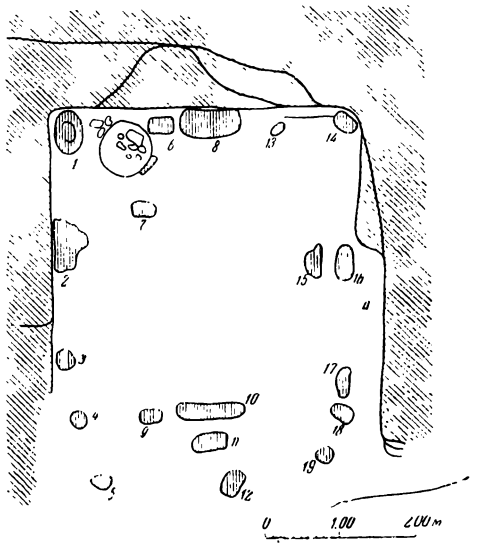


Рис. 27. Большое Боршевское городище. План землянки *22*.

Яма *В* имеет размеры 1.4 × 1.3 м и глубину 0.5 м. На дне ее найдено большое число обломков грубой керамики. Другая яма, размерами 1 × 1.1 м и глубиной 0.55 м, также содержала обломки посуды и большое количество рыбьих костей и чешуи. Очевидно, обе ямы следует рассматривать как «погреба», а не хранилища для зерна.

МАЛОЕ БОРШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

I

Малое городище у с. Боршева расположено на правом берегу Дона, в 2 км ниже Большого городища, не доходя до главного боршевского лога, по дну и склонам которого лежит центральная часть села.

Русло Дона на этом участке, как и у первого городища, подходит почти вплотную к подножию коренной террасы, отделяясь от нее узкой полосой пологого склона, в настоящее время занятой постройками и садами. Отдельные усадьбы заходят и в глубь оврагов, имеющих здесь небольшое протяжение и представляющих собой по форме нечто вроде огромных полукруглых цирков в меловом массиве берега. Поэтому образуемые ими мысы коренного берега, как правило, имеют широкое основание и относительно небольшую длину. Они значительно менее удобны для использования в качестве укреплений, чем удлиненные отроги, подобные тому, на котором расположено Большое городище.

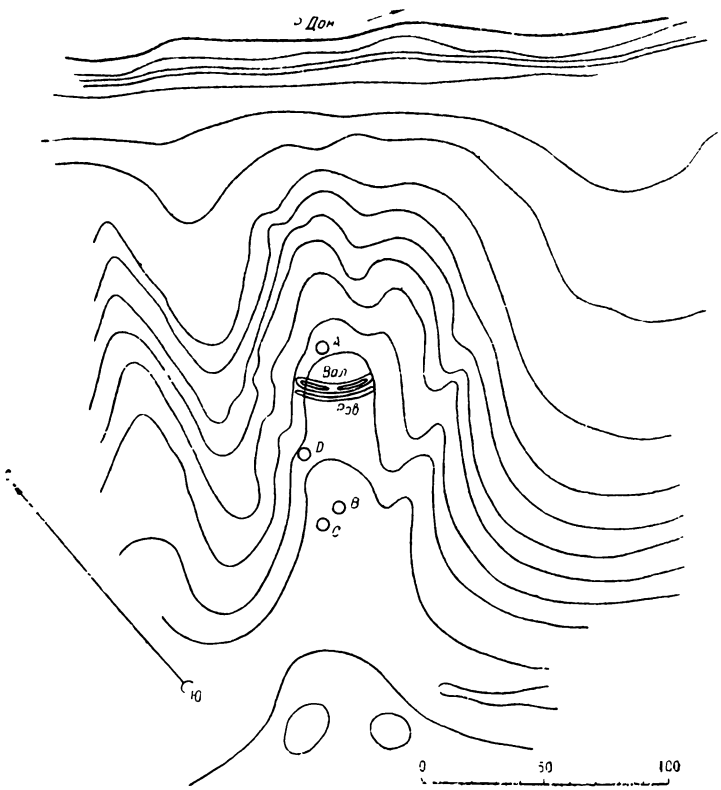


Рис. 28. Малое Боршевское городище. Схематический

Отрог коренного берега, занятый Малым городищем, является небольшим, неправильно треугольным мысом, площадка которого имеет некоторый наклон к стрелке (рис. 28). Над уровнем реки мыс возвышается не менее чем на 30 м. Укрепленная часть городища занимает не весь мыс, а лишь самую оконечность, отделенную валом и рвом. Размеры ограниченной валом площадки городища совсем невелики: длина ее равна 60 м, наибольшая ширина 30 м. В плане она имеет вид более или менее правильного треугольника или, правильнее сказать, сектора, дугу которого — протяженностью около 25 м — образуют вал и ров. Высота вала сейчас равна не более чем 0.6—0.8 м, при ширине основания в 5—6 м. Ров сохранился еще хуже — местами он совершенно заплыл.

На самом городище, а также рядом с ним, ясно заметны следы жилищ в виде западин, аналогичных тем, какие нами описаны выше, на Большом городище. Площадь, занятая остатками жилищ вне вала, не менее чем в четыре раза превышает размеры самого городища. Таким образом, здесь в меньшем масштабе повторяется та же картина, что и на Северном городище. И там и здесь сравнительно незначительное укрепленное поселение было окружено открытым поселком.

На всей поверхности мыса хорошо сохранился глинистый покров мощностью до 50 см, лежащий поверх материковой меловой толщи. Верхние его горизонты составляет культурный слой эпохи городища (до глубины 25—40 см); ниже встречается керамика эпохи бронзы. Несмотря на довольно значительный склон площадки, почва и культурные наслоения не подвергались здесь оползанию, что имело место на Большом городище. Поэтому ямы жилищ заплыли значительно меньше, и большинство их, особенно в центральных частях мыса, видны совершенно отчетливо. Они имеют форму округло-четыреугольных углублений диаметром до 3—4 м при глубине до 0.8 м. Благодаря лучшей сохранности покровных наслоений, здесь удалось установить одну интересную особенность в устройстве жилищ, не прослеживаемую на Большом городище.

Большинство углублений здесь окружено валообразными насыпями, в которых нельзя не усматривать остатки земляной засыпи стен жилищ.

Число западин на площади мыса достигает 26, причем 8 из них расположены на городище внутри вала, а 18 — за его пределами. Эти цифры, конечно, приблизительны. Они несомненно преуменьшают действительное число существовавших здесь жилищ. Об этом можно судить уже по тому, что жилые ямы вдоль склонов заплыли значительно сильнее и нередко распознаются с трудом. Во всяком случае, учитывая размеры площади, занятой поселением, общее число жилищ здесь все же вряд ли могло превышать 30—35.

Работы на Малом Боршевском городище следует считать исследованиями разведочного характера, имевшими целью выяснить характер памятника и его отношение к Большому городищу. Для разрешения указанных вопросов в 1929 г. на описываемом городище были исследованы четыре жилища. Первое жилище (*A*) находилось на городище, остальные (*B*, *C* и *D*) за валом, в средней части мыса. До раскопок все четыре жилища имели вид довольно глубоких прямоугольных западин, окруженных со всех четырех сторон невысоким земляным валиком. В землянках *B* и *C*, имевших лучше сохранившиеся наружные признаки, диаметр западин составлял от 4.5 до 6 м. Высота валика достигала 0.5 м, при ширине его основания в 1.5—2 м.

При исследовании жилищ вскрывалась не только площадь самих землянок, но и значительные участки вокруг них. Особое внимание было уделено выяснению характера валообразной засыпи жилищ. Нам удалось получить вполне ясное представление о ней при раскопках землянок *B*, *C* и *D*. Во всех случаях оказалось, что меловая щебенка, составляющая валообразную насыпь, лежит поверх культурного слоя под тонким слоем современного гумуса, что особенно ясно видно на разрезе слоев у землянки *B* (рис. 29). Отсюда можно заключить, что первоначально земляная засыпь скорее имела вид высокой земляной стенки (завалинки), укрепленной, вероятно, с помощью плетня. Впоследствии, при разрушении построек, земляные стенки осели, образовав пологие и невысокие валообразные насыпи, сохранившиеся до настоящего времени.

Верхние слои заполнения во всех исследованных землянках состояли из темной гумусной почвы, почти лишенной культурных остатков. В землянке *C* такой характер заполнения удерживался до глубины 42 см (считая от дна западины). Глубже, непосредственно на полу жилища, лежит 25-сантиметровый слой земли, перемешанный с меловой щебенкой и содержащий культурные остатки. Его следует рассматривать, повидимому, как остатки рухнувшей земляной крыши. Заполнение ям других жилищ имело более или менее такой же характер.

В отличие от жилищ Большого городища, ямы в мелу здесь были вырублены относительно небрежно. Они имели неровные стенки (иногда не вполне вертикальные) и относительно плохо выравненный пол. Эта особенность, отмеченная во всех четырех землянках Малого городища, сразу бросается в глаза и представляет собой явление не случайного характера. Значительная неправильность обнаруживается и в расположении ям от столбов. Последние были открыты во всех исследованных землянках, но лишь в одной из них, в землянке *B*, ямы от столбов были расположены правильно, подобно наиболее характерным жилищам Большого городища, имевшим стены, обложенные досками.

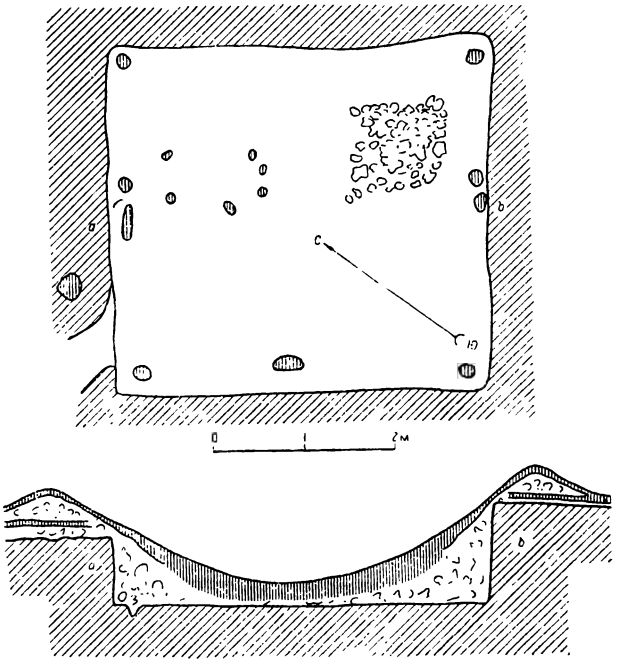


Рис. 29. Малое Боршевское городище. План землянки *B*

В других землянках ямы от столбов и по

числу их и по характеру не давали какой-либо общей картины. В землянке *D* лишь по углам имелось четыре неглубоких чашкообразных углубления, мало пригодных для удержания вертикального стояка (рис. 30). В землянке *A* было обнаружено десять углублений неправильной формы, из которых четыре расположены по углам, два у стен, остальные по

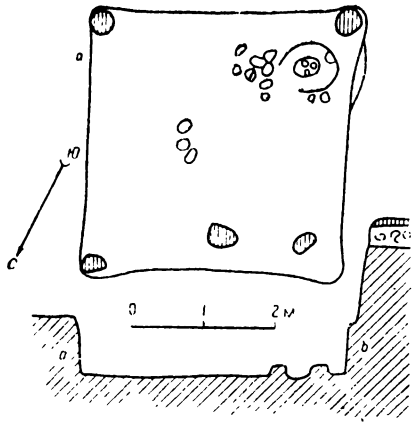


Рис 30. Малое Боршевское городище. План землянки *Д*.

середине землянки (рис. 31). В жилище *C* оказались лишь две полукруглые ямы у стен. Вероятно, деревянная облицовка стен представляла в этих землянках сруб (рис. 32).

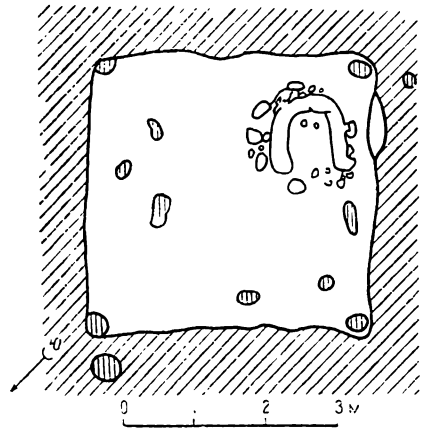


Рис. 31. Малое Боршевское городище. План землянки *А*.

В каждом исследованном жилище в одном из углов были обнаружены остатки очага. Очаг землянки *А*, в южном углу помещения, представлял собой небольшое плоское углубление в полу, окруженное с трех сторон стенкой, сложенной из камней и глины. Ее высота 25 см, толщина колебалась от 17 до 26 см. Площадь пода очага равнялась 47 × × 70 см. Внутри очага и рядом с ним были обнаружены обломки глиняной посуды и несколько камней (рис. 33—34).

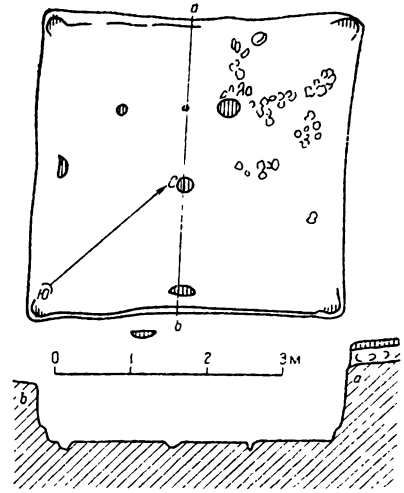


Рис. 32. Малое Боршевское городище. План землянки *С*.

Повидимому, такой же характер имел очаг землянки *D*. Здесь также были обнаружены остатки глиняной стенки, окружавшие овальное пространство, размером 30 × 35 см. Толщина стенок очага составляла 5—27 см; в высоту они сохранились всего на 5—8 см. Любопытно отметить, что около очагов как в землянке *А*, так и в землянке *D*, в стене имелись широкие выемки, несколько напоминающие выемки в стенах некоторых землянок Большого городища, которые мы рассматривали как остатки дымоходов.

Очаги двух других землянок, *В* и *С*, отличались более простой конструкцией. От них сохранились небольшие кучи камней, без следов глины, переслоенные углем и золой.

Заканчивая суммарную характеристику землянок Малого Боршевского городища, нельзя не отметить еще одного чрезвычайно существенного обстоятельства, отличающего эти землянки от жилищ Большого городища. Раскопками на Малом городище не было установлено ни для одного из исследованных жилищ какой-либо связи с соседними постройками. Здесь совершенно отсутствовало внутреннее сообщение жилищ в виде проходов, соединявших между собой большинство жилищ Большого городища. Каждая землянка представляла совершенно самостоятельную постройку, стоящую отдельно от других. Если сравнительно небольшой масштаб раскопок и не позволяет делать каких-либо окончатель-

ных выводов, все же это наблюдение несомненно заслуживает внимания. Группировка жилищ в северном поселке в большие, тесно связанные между собой комплексы построек, как мы уже об этом говорили, проливает свет на характер семейной организации. Она мо-

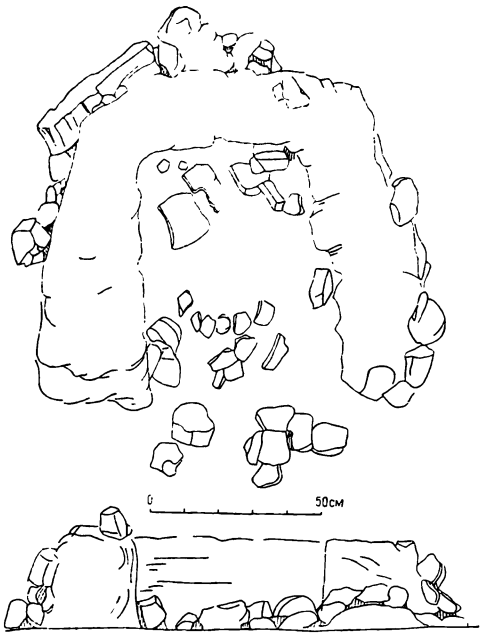


Рис. 33. Малое Боршевское городище. Очаг землянки *А*.

жет быть понята лишь при наличии определенных форм семейных отношений — большесемейной общины. Отсутствие указанного признака на втором городище должно, вероятно, найти себе объяснение в свете процесса, ведущего к разрушению большесемейной организации.

Это обстоятельство может быть использовано, как некоторое указание на более позднее время южного городища, хотя прямого подтверждения этому в характере вещественных остатков мы пока не имеем.

II

В культурном слое и в жилищах Малого городища было сделано очень небольшое число находок. Обнаруженный здесь керамический материал полностью повторяет керамику Большого городища, с которой подробно мы познакомились выше. Посуда группы Б составляет и здесь лишь незначительный процент. Основная масса керамики принадлежит к группе А. В числе нескольких обломков здесь представлена привозная посуда — высокие кувшины красной глины. Грубой посуды, изготовленной на гончарном круге, встреченной в землянках *8* и *18* Большого городища, здесь обнаружено не было.

Полнее всего оказался керамический материал в землянке *А*. Здесь были найдены две небольшие мисы-сырницы, обломки трех тарелок, двух горшков средней величины и, наконец, одного небольшого горшочка, принадлежащего к посуде группы Б. Здесь же обнаружено донце высокого тонкостенного кувшина красной глины. В землянке *В* оказались обломки трех горшков, из которых два принадлежали к посуде группы Б, один к посуде группы А. Отсюда же происходит горловина кувшина красной глины. В землянке *С* найдены обломки сосудов почти исключительно группы А. Наконец, в последней землянке *D* найден раздробленный горшок средних размеров, обломки мисы-сырницы и отдельные фрагменты горшков. Вся керамика относится к группе А.

Кроме керамики на городище были найдены лишь два предмета: обломок бруска в землянке *А* и железный нож с черенком в очаге землянки *D*.

Костные остатки, обнаруженные на Малом городище, также весьма немногочисленны. Их состав в основных чертах повторяет материал первого городища. И там и здесь кости диких животных количественно преобладают над костями домашних животных. И там и здесь среди домашних животных на первом месте стояли бык (*Bos taurus*) и свинья (*Sus scrofa domesticus*), затем лошадь (*Equus cabalus*), а среди диких животных основную добычу составляли лось (*Alces machlis*) и бобр (*Castor fiber*) По своим морфологическим особенностям домашние животные Южного городища, как это показали исследования В. И. Громовой (стр. 113), не отличались от животных Северного городища. Результаты изучения костных остатков Южного городища представлены в табл. 20.

Таким образом, поставленные выше вопросы, касающиеся отношения Малого городища к Большому, могут считаться разрешенными. Общая планировка поселения, характер остатков жилищ, керамические и костные материалы,— все это свидетельствует о том, что Малое городище является памятником той же эпохи, что и Большое. Отсутствие особого могильника рядом с вторым городищем заставляет предполагать, что население обоих поселков пользовалось одним и тем же курганным некрополем, отстоящим от Малого городища не более чем на 1 км. Отсюда можно заключить также о существовании известной связи между тем и другим поселком. Вероятно, поселок Малого городища создался как выселок из Большого, возникшего несколько

Таблица 20

№ п/п		Число костей	Число особей
	Домашние животные		
1	Лошадь (*Equus cabalus*)	2	1
2	Бык (*Bos taurus*)	20	2
3	Мелкий рогатый скот	1	1
4	Свинья (*Sus scrofa domesticus*)	3	2
	Всего	26	6
	Дикие животные		
5	Лось (*Alces machlis*)	10	1
6	Олень (*Cervus elaphus*)	1	1
7	Косуля (*Capreolus pygargus*)	1	1
8	Свинья (*Sus scrofa ferus*)	4	1
9	Бобр (*Castor fiber*)	32	4
	Всего	48	8

раньше. Соединение отдельных жилищ крытыми переходами в данную эпоху должно было являться чертой архаичной, связанной с наличием большесемейной организации. Отсутствие этой особенности в жилищах городища характеризует его как памятник, возникший позднее, чем наиболее древняя, укрепленная часть поселка Большого городища. Следует заметить, что при исследовании А. А. Спицыным остатков жилищ на склоне к югу от Большого городища, им не было отмечено случаев соединения жилищ между собой. Очень вероятно, что там, в более новых частях поселка Большого городища, проходов, соединяющих между собой отдельные жилища, также не имелось.

III

Переходим к описанию отдельных землянок и сделанных при их исследовании находок.

Землянка *А* — первая из исследованных землянок — была расположена в укрепленной части поселения, в 5 м от вала и в 10 м от северо-западного склона площадки (рис. 31). До раскопок она ясно выделялась на поверхности в виде округло-прямоугольной впадины диаметром около 4 м. Остатки земляного валика вокруг ямы здесь сохранились плохо, вероятно потому, что в этом месте площадка городища имеет значительный скат. Для исследования остатков землянки был вскрыт культурный слой на площади размером 7 × 8 м.

Вырубленная в меловой толще прямоугольная яма землянки отличалась значительной неправильностью. Она имела неровные стенки, закругленные углы и повышающийся к стенам пол. Глубина помещения в мелу в южной части достигала 1.1 м, в северной, благодаря наличию склона, равнялась всего лишь 0.43 м. Длина северо-восточной стенки составляла 3.7 м, юго-восточной 3.8 м, юго-западной 3.6 м и северо-западной 4.05 м. По отношению к странам света яма землянки была расположена таким образом, что линии север — юг и запад — восток совпадали с ее диагоналями.

По всем четырем углам ямы в полу обнаружены углубления от вертикально стоявших столбов. Они вырублены в мелу очень небрежно и имели неправильные очертания. Средние размеры углублений 25 × 25 см, глубина 20 см. Около юго-западной стены была открыта удлиненная яма (22 × 45 см, глубина 17 см), около северо-западной — овальная (13 × 29 см, глубина 20 см). У двух других стен углубления от столбов отсутствовали. Четыре неправильных углубления были обнаружены в полу внутри землянки. К облицовке стен часть столбов, очевидно, отношения иметь не могла, и их назначение является неясным. Следует еще отметить несколько небольших углублений, открытых за пределами землянки вдоль ее юго-восточной стены и у северного угла. Глубина их в меловой толще составляла около 0.1 м.

Вдоль стен прослеживались остатки забутовки из меловой щебенки, некогда заполнявшей пространство между стенками ямы и ее деревянной облицовкой. Остатков дерева в землянке не сохранилось.

Очаг находился в южном углу, где в юго-западной стене имелся небольшой выступ, заканчивающийся на 0.8 м от пола и сменяющийся выше выемкой. Последнюю следует рассматривать как место дымохода. По своим особенностям очаг землянки *А* не дал ничего нового по сравнению с тем, что мы видели на северном городище. Он состоял из небольшого уплощенного углубления в полу, окруженного с трех сторон стенками из глины с камнями. Все сооружение в плане имело вид подковы. Высота стенок очага составляла 25 см, толщина от 17 до 20 см, внутреннее пространство очага равнялось 47 × 70 см (рис. 33—34). Вокруг очага и внутри его было разбросано несколько валунов со следами действия огня. Здесь же лежали обломки глиняной посуды.

Сделанные в землянке *А* находки состояли почти исключительно из керамического материала и костей животных. Помимо этого, здесь был встречен обломок бруска средней величины, изготовленного из серого сланца. Керамический материал сосредоточивался около очага и внутри его. Здесь в обломках лежали две небольшие мисы-сырницы без ножек, с узким дном и сильно расширяющимися горловинами. Размеры первой мисы следующие: высота 12.5 см, диаметр отверстия, расположенного в нижней части, 2 см. Размеры второй мисы: высота 10.5 см, диаметр горла

25 с., диаметр дна 9 см, толщина стенок 1.6 см, диаметр отверстия 2 см. Оба сосуда изготовлены из грубого комковатого глиняного теста и по своему общему облику не отличаются от соответствующей посуды северного городища. Остальная керамика представлена обломками, из которых не удалось восстановить целых сосудов. Они принадлежат двум горшкам средней величины, относящимся к посуде группы А, маленькому горшку группы Б и трем тарелкам, из которых одна имела

Подобно предыдущей, яма землянки *В*, вырубленная в меловой толще, не вполне правильна. В плане она имела приблизительно квадратные очертания со сторонами: северо-западной 4.1 м, юго-западной 3.95 м, юго-восточной 4 м и северо-восточной 4.3 м. Стенки ямы не вполне вертикальны, особенно северо-восточная; пол более или менее горизонтален, но покрыт многочисленными выбоинами и несколько повышается у стен. В меловую толщу яма углублена от 0.6

Рис. 34. Малое Боршевское городище. Вид очага землянки *А*

диаметр 21 см, другая 24 см. Размеры третьей не могут быть установлены.

Последней находкой является днище и часть стенок высокого толстостенного кувшина красной глины, изготовленного на гончарном кругу.

Землянка *В*. Расположенная за валом в центральной части селища землянка *В* до исследования представляла собой глубокую яму, окруженную со всех сторон валообразной насыпью, имевшей в плане вид неправильного квадрата. Диаметр ямы в среднем составлял 4 м, глубина достигала 0.8 м. Высота насыпи, неодинаковая в разных частях, доходила до 0.5 м, при ширине основания в 1.5 м. То что насыпь являлась остатком земляной засыпи стен жилища, в данном случае представляется несомненным. Это ясно видно на рис. 32.

Для исследования землянки был заложен раскоп площадью 7.5 × 8 м.

до 1.3 м. Разница в высоте стен объясняется тем, что жилище было расположено на склоне.

По своим конструктивным особенностям землянка *В* целиком примыкала к наиболее характерным постройкам северного городища. По всем четырем углам в полу были обнаружены небольшие (диаметр 15—20 см) круглые ямы от вертикальных столбов, углубленные ниже пола на 20—25 см. Такая же яма открыта у северо-восточной стены; у противоположной оказалось полукруглое углубление, служившее для удержания «пластины». У двух других стен, там, где в большинстве землянок северного городища находились удлиненные ямы для парных вертикальных стояков, обнаружено было по два отдельных углубления, служивших для той же цели. Они были вырублены не по средней линии, а несколько отступя, но точно друг против друга.

Таким образом, здесь мы имеем остатки жилища, основанием которого служила яма, обложенная по стенкам деревом, укрепленным с помощью вертикальных столбов. Матица двускатной крыши покоилась на парных столбах. Возвышавшаяся над землей часть стен была покрыта земляной засыпью.

Остается неясным лишь расположение входа в жилище. Возможно, что вход был с юго-восточной стороны, где около восточного угла землянки, вне ее, имеется небольшая прямоугольная яма от столба (размер 29 × × 29 см, глубина в мелу 23 см), рядом с которой заметно неглубокое желобчатое углубление, являющееся, быть может, результатом вытоптанности, как бы тропинкой, ведущей к входу. Однако это остается только предположением.

Расположенный в западном углу очаг землянки *B* оказался совершенно разрушенным. Его остатки представляют собой небольшое скопление угля и золы на поверхности пола, рядом с которым без всякого порядка было разбросано несколько валунов со следами пребывания в огне. Здесь же в большом числе встречены крупные обломки глиняной посуды и кости животных. Рядом с очагом в полу открыта небольшая круглая яма (диаметр 12 см, глубина 18 см) от вертикального столба.

У противоположной стены в полу помещения обнаружено 6 небольших углублений, образующих в плане прямоугольник. Их, видимо, следует рассматривать как упор для ножек стоявшего здесь стола.

Культурные остатки, собранные в землянке, состояли исключительно из обломков глиняной посуды. Заметим, что в земле, заполнявшей яму, было найдено несколько фрагментов совершенно иной посуды — эпохи бронзы, покрытых разнообразным орнаментом. На полу, главным образом около очага, встречены части трех горшков и обломок узкой горловины амфоры или кувшина красной глины, изготовленного на круге. Два горшка (один — средней величины, другой — маленький) принадлежат к посуде группы Б. Третий (средней величины) относится к посуде группы А.

Землянка *C*. Третьим жилищем, остатки которого были исследованы на Малом Боршевском городище, явилась землянка *C*, расположенная на селище, вне валов, рядом с предыдущей землянкой. Подобно последней, до исследования землянка *C* имела вид большой прямоугольной западины, окруженной валообразной насыпью. Рельеф насыпи был здесь еще более отчетлив, чем у предыдущей землянки, что ясно видно на рис. 32.

Для исследования была вскрыта площадь культурных наслоений размерами 7 × 7 м, что дало возможность изучить как яму землянки, так и окружающую ее насыпь, сложенную из меловой щебенки.

Яма землянки имела вертикальные, но относительно неровные стенки с выступом в виде ступеньки в нижней части. Пол, более или менее ровный, несколько повышался к стенкам. По углам в приподнятой части пола вырублены как бы гнезда, служившие, повидимому, для укрепления бывшего в землянке деревянного сруба. Длина северо-восточной стены 4.15 м, юго-восточной 3.9 м, юго-западной 4.2, северо-западной 4.2 м. Глубина ямы в меловой толще в западном углу составляет 1.2 м, в противоположном восточном 0.6 м (рис. 33).

Указанием на то, что деревянные стены землянки представляли собой сруб, служат не только гнезда, вырубленные в углах, но и наличие в полу землянки около юго-западной и юго-восточной стен всего двух ям от вертикально стоявших «пластин» (размерами 16 × 22 и 19 × 30 см).

Две маленькие круглые ямки (диаметром 10 см, глубиной 16—17 см) обнаружены в полу около очага, расположенного в северном углу жилища. Остатки последнего представляют собой беспорядочное скопление мелких камней, между которыми рассеяны обломки глиняной посуды. Следов обожженной глины среди камней не обнаружено. Пол землянки в этом месте несколько повышается.

Следует еще отметить удлиненное углубление размером 19 × 30 см, глубиной (в мелу) 11 см, находящееся за пределами землянки, около ее юго-восточной стены.

За исключением нескольких обломков глиняных сосудов, принадлежащих к посуде группы А, и костей животных на полу землянки не было сделано никаких находок.

В земле, заполнявшей яму, встречены фрагменты посуды эпохи бронзы.

Землянка *D*. Последняя исследованная нами землянка находилась там же, за пределами укрепленной части городища, но ближе к валу, чем обе предыдущие. Она расположена у северо-западного склона площадки в 10 м от вала. Подобно другим до раскопок она имела вид округло-прямоугольной западины, окруженной валообразной насыпью, не отличающейся хорошей сохранностью. Вырубленная в меловой толще квадратная яма землянки не вполне правильна. Углы ямы закруглены, стены высечены грубо и не совсем вертикальны, пол имеет некоторое падение в сторону склона и неровен, что особенно заметно в его средней части. Длина юго-восточной стены ямы 3.55 м, юго-западной 3.72 м, северо-западной 3.7 м и северо-восточной 3.5 м. Глубина ямы в меловой толще в южном углу составляет 1.7 м, в противоположном северном, благодаря склону площадки, 0.54 м. По размерам эта землянка меньше остальных, исследованных на южном городище.

По всем четырем углам в полу сохранились углубления от столбов, размером 23—27 см и глубиной 8—10 см. В западном углу углубление вырублено несколько отступя от стен. Около северо-западной стены, в 35 см от нее, имеется пятое углубление продолговатых очертаний размером 19 × 28 см, глубиной 20 см; здесь же были обнаружены две небольшие ямки диаметром 5—7 см, глубиной 5—10 см (рис. 30).

В южном углу ямы помещаются остатки очага, представляющие собой овальное пространство размером 30 × 35 см, окруженное со всех сторон толстой глиняной стенкой, высотой около 10 см. Толщина стенки очага 15—27 см. Местами в глине видны мелкие камни. Несколько камней найдены внутри очага и непосредственно около него. Тут же обнаружены обломки глиняных сосудов. Обращает на себя внимание небольшая выемка в верхней части стены над очагом, начинающаяся на высоте 70 см от пола. Ее следует рассматривать как остатки дымохода.

В заполнявшей яму земле, помимо многочисленных остатков керамики эпохи бронзы, были найдены обломки сосудов, принадлежащих к группе А, в том числе часть миски-сырницы. На полу землянки в обломках найден горшок группы А средних размеров. В очаге под камнями лежал совершенно цельный железный нож. Длина ножа 11.5 см, ширина лезвия 2 см, длина черенка 2 см.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. БОРШЕВА

I

Боршевский курганный могильник расположен в соседстве с Большим городищем, в 400—450 м от него к югу, на ближайшем мысу коренного берега. От окраины древнего поселения, примыкавшего к городищу, где в 1905 г. производил раскопки А. А. Спицын, курганы отстоят всего на 200—250 м.

Внешний облик курганного могильника весьма характерен. Занимая площадь около 1 га, могильник состоит из нескольких сотен крутобоких, хорошо сформированных насыпей, более или менее одинаковых по величине. Средняя высота курганов составляет 1.5—2 м, при диаметре около 10 м. Отклонения от этих норм в ту и другую сторону очень незначительны. Курганов высотою 3 м в могильнике нет; равным образом совершенно отсутствуют маленькие насыпи, обычные для русских курганных могильников XI—XII вв.

Курганы расположены очень тесно, часто соприкасаясь основаниями. Следов канавок вокруг них незаметно. Многие курганы попорчены старыми раскопками и кладоискателями. Как и вся окраина береговой возвышенности, обращенная к Дону, место, занятое могильником, заросло густым кустарником, что делает весьма затруднительным точный подсчет насыпей и съемку плана (рис. 35).

Кроме основного курганного могильника около Большого Боршевского городища, имеется второй могильник, состоящий из нескольких курганов, сильно попорченных кладоискательскими ямами. Этот второй могильник расположен к западу от городища, напротив него, по другую сторону оврага. Курганы здесь отличаются большими размерами и представляют группу редко расположенных насыпей.

Несмотря на некоторую удаленность от городища, второй могильник также, повидимому, принадлежал его населению. Об этом свидетельствует уже вид насыпей: они имеют те же высокие и крутобокие очертания, что, вообще говоря, несвойственно курганам более раннего времени. Кроме того, что также характерно, могильник расположен у самого края высокого берега на его склоне к Дону, где в этом районе никогда не встречаются курганы скифской эпохи или времени бронзы.

В курганах, исследованных в 1905 г. А. А. Спицыным, были найдены остатки трупосожжений. В двух из них, на материке, были обнаружены небольшие прямоугольные камеры, сбитые из плах, с деревянным полом и крышей длиною «в рост человека», ориентированные с запада на восток. В ящиках найдены пережженные кости, рассыпанные в полном беспорядке, и грубые глиняные сосуды ручной работы. Наиболее любопытной находкой является бронзовая фигурная бляшка, время которой А. А. Спицын определил IX в.[1] Материалы из раскопок А. А. Спицына находятся в Гос. Эрмитаже.

В 1929 г., во время раскопок на городище, было произведено исследование четырех курганов в северной части большого могильника. Это насыпи средних размеров, правильных круглых очертаний. Все они были раскопаны целиком, причем для изучения структуры насыпей оставлялись контрольные стенки, пересекавшие курган крест-накрест. При окончательной зачистке площади кургана стенки снимались.

---

[1] Отчет Археол. ком. за 1905 г., 1908. стр. 83—84.

Рис. 35. Боршевский курганный могильник. Курганы северной могильника (вверху). Курган № 1 (внизу).

Для насыпи курганов был использован поверхностный почвенный слой, покрывающий здесь меловой массив коренного берега тонким чехлом в 25—30 см и переполненный меловой щебенкой. Под насыпями обнаружен тот же ненарушенный почвенный горизонт толщиною всего в 10—20 см, трудно различимый по цвету от материала, из которого сложены насыпи. Материк здесь образует меловая толща.

Несмотря на некоторые различия в деталях, на которых мы остановимся ниже при описании отдельных курганов, все они дают более или менее одинаковую картину погребального обряда. Во всех исследованных курганах под северо-восточной полой, у ее края, обнаружены невысокие деревянные ящики прямоугольной формы, стоящие на поверхности погребенной под насыпью почвы.

В ящике, заполненном землей, были находимы мелкие осколки пережженных костей и глиняная посуда — горшки и кувшины, иногда наполненные жженными костями, иногда пустые, предназначенные, повидимому, для пищи. Следов кострищ в курганах не было обнаружено. Таким образом, сожжение производилось, очевидно, не на месте кургана, а где-то на стороне. Лишь в одном случае, в кургане № 4, ящик подвергся действию огня. Но и здесь это не было связано с сожжением погребенного на месте. В ящике оказались сильно пережженные кости человека, несомненно принесенные со стороны.

Конструктивно ящики представляли собой срубы, сбитые из расколотых вдоль нетолстых дубовых бревен, перекрытые сверху плоскими крышами из досок. В курганах № 1 и 4 срубы были одинаковы по размеру; их длина составляла 1.3 м, ширина 1 м, высота около 0.4 м. В кургане № 3 ящик сохранился настолько плохо, что его размеры установить не удалось. В кургане № 2 был обнаружен большой ящик, имевший в длину 1.7 м, в ширину 1.3 м и в высоту 0.6 м. Со всех сторон он был обставлен обрубками толстых дубовых плах, длиною до 0.7—0.8 м; все это в целом производило впечатление весьма солидного сооружения, напоминая собой по монументальности постройки дольменов.

Все ящики имели лишь по три стенки. С восточной стороны, там, где погребальный сруб примыкал к поле кургана, четвертая стена отсутствовала. С этой стороны погребальная камера была открыта. Возможно, что это входное отверстие в камеру было прикрыто лубом или чем-либо подобным. Во всяком случае очевидно, что с этой стороны внутренность ящика была доступна снаружи также и после сооружения кургана. Это предположение получило подкрепление в установленном нами факте, что в некоторых погребальных срубах оказываются сложенными остатки не одного, а нескольких сожжений. Особенно характерен в этом отношении ящик кургана № 2, в котором были найдены пять глиняных сосудов с жженными костями. Пережженные человеческие кости, кроме этого, заполняли весь северо-западный угол ящика и его середину. Отсюда естественно сделать вывод, что курганы являлись коллективными погребальными сооружениями, принадлежавшими, вероятно, родственным группам. Захоронения в курганах совершались не сразу, а постепенно. При каждом новом захоронении вскрывалось отверстие, ведущее внутрь ящика, и туда помещались остатки сожжения — жженые кости в горшке, либо без него.

То обстоятельство, что насыпи курганов были раскопаны целиком, позволило выявить еще одну весьма интересную деталь в устройстве погребальных сооружений. До настоящего времени эта деталь оставалась неизвестной ввиду того, что раскопка насыпей курганов, в том числе и курганов, аналогичных боршевским, обычно не доводилась до конца. Края курганов, как правило, не вскрывались при раскопках; последние захватывали лишь середины насыпей.

Во всех четырех курганах, по их периферии, под насыпями были обнаружены остатки округлых оград, состоящих из вертикально поставленных толстых дубовых плах. Центр такой ограды совпадал с центром кургана. Диаметр оград составлял от 6 до 10 м. Как это видно на чертежах и фотографиях, столбы ограды были расставлены с промежутками от 0.15 до 0.3 м. Таким образом, в каждом кургане для сооружения такого круга было поставлено до 50 столбов, для которых в почве и меловой толще были вырублены неглубокие ямки. Иногда ямки заменялись одной общей канавкой. В курганах № 1 и 3 часть столбов стояла в канавке, часть в отдельных гнездах; в кургане № 2 по всему кругу была вырублена одна сплошная канавка глубиной (в мелу) 0.1, шириной 0.2—0.3 м.

Лучше чем в других курганах деревянная ограда сохранилась в кургане № 2. Это объясняется тем, что насыпь кургана была сложена из сильно гумусированного материала, перемешанного с меловой щебенкой. Деревянные конструкции, правда все же перегнившие, полностью сохранили здесь свои первоначальные формы. Хорошо сохранились и столбы ограды, имевшей высоту около 80 см и возвышавшейся над поверхностью погребенной почвы на 40—50 см. Столбы, составлявшие ограду, были поставлены с некоторым наклоном к центру насыпи. Можно полагать, что и в других курганах высота ограды была приблизительно такой же. В кургане № 4 обнаружена двойная ограда, из двух рядов столбиков. Диаметр внутреннего кольца равнялся 6 м, внешнего — 7 м.

Открытая сторона погребального ящика в каждом кургане примыкала к ограде. В последней здесь устраивался небольшой перерыв, несомненно для того, чтобы не закрывать свободного доступа внутрь погребальной камеры. Это обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что ящики служили местом коллективного захоронения, представляя собой своего рода коллективные урны, заполнение которых совершалось далеко не сразу.

В кургане № 4, помимо погребального ящика, в южной части насыпи было встречено впускное погребение ребенка. Скелет не носил следов огня. Он сохранился очень плохо и, судя по костям, принадлежал новорожденному. Умерший был погребен, повидимому, в скорченном положении, головой к центру насыпи. С погребением обнаружены бронзовый бубенчик и бронзовая крестовидная подвеска, хорошо известные по тамбовским могильникам IX—X вв. (табл. XIV, *4—5*).[1]

Между городищем и курганным могильником, на половине расстояния между ними, имеется небольшое холмообразное возвышение, почвенный слой на котором переполнен золой и углем. Имеются основания предполагать, что это всхолмление служило в древности местом сожжения мертвых, остатки которых в виде пережженных костей погребались затем в курганах.

II

Кроме глиняной посуды, обнаруженной в погребальных ящиках, и тех украшений, которые встречены при погребении ребенка в в кургане № 3, никакого другого инвентаря в курганах обнаружено не было. Вещи, повидимому, не клались с погребенными на костер. Та бляшка, которая была обнаружена А. А. Спицыным, представляет собой, вероятно, случайное явление. Она была прикреплена, по всей видимости, к ремню.

Точно так же, частью костюма, вероятно пуговицами, являлись четыре небольшие стеклянные бусы голубого цвета, найденные в ящике кургана № 2. Они сильно оплавились на огне.

Глиняные сосуды, найденные в четырех курганах в числе 13, не имеют никаких следов огня. Все они, за исключением двух, были обнаружены в погребальных ящиках или непосредственно рядом с ними, перед открытой стенкой, и содержали пережженные кости. Два последних горшка, не содержавшие жженых костей, были найдены вне ящика под насыпью кургана № 1. Здесь же в кургане № 1 была обнаружена кость лошади.

Если сравнивать посуду из курганов с глиняной посудой обоих городищ, то между той и другой в большинстве случаев не удается обнаружить никаких существенных различий. Из 13 сосудов, найденных в курганах, 6 представляют собой и по составу глины и по форме характерную посуду группы А (табл. XIII). В курганах № 1 и 2 было найдено по горшку, относящемуся к группе Б (табл. XIII, *2* и рис. 36, 3). Еще два сосуда из курганов № 1 и 4 принадлежали к группе кувшинов, точно так же известных по материалам городищ (рис. 36, 2 и табл. XIV, *3*). Исключение составляли лишь три небольших горшка из кургана № 2. По составу глины и характеру изготовления они ничем не отличались от посуды группы А, но в отличие от высоких горшков группы А, эти низкие горшочки имели суженную кверху, относительно высокую горловину. Два из них не имели никакой орнаментации: третий украшен по плечикам волнистой линией и насечками по образу венчика (табл. XIII, *3—5*). Сосудов такого типа на городищах как северном, так и южном, встречено не было. Но они известны на городище Монастырище, около г. Ромен,[2] время которого несомненно соответствует времени боршевских городищ и курганного могильника, а также похожи на посуду из разрушенных курганов у сс. Малые Будки и Константинова того же района, которые можно считать очень близкими боршевским курганам. Там также были найдены остатки круглой деревянной ограды из вертикально стоявших столбов.[3]

III

Курган № 1. Первый из раскопанных курганов представлял собой насыпь средних размеров, диаметром 10—11 м, высотой 0.9 м над уровнем современной ему почвы (рис. 37). Он был расположен около края коренного берега в северной части могильника. Следов старых раскопов или кладоискательских ям на кургане незаметно. Насыпь кургана, однородная по строению, была сложена из почвенного гумусного материала, переполненного меловой щебенкой. В насыпи на разной глубине встречено несколько черепков грубой глиняной посуды.

Погребальный ящик кургана № 1, обнаруженный под в.-с.-в. полой насыпи в 1.8 м от центра, отличался плохой сохранностью. Однако было ясно, что он представлял собой

[1] В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археол. России, № 10, 1893.

[2] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. Изв. Археол. ком., вып. 22, 1907, стр. 56.

[3] Ук. соч., стр. 51—53.

прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по сторонам горизонта, размером 100 × 130 см, высотой 38—40 см, в виде сруба из раскалотых вдоль дубовых бревен, срубленных между собой в углах «в чашу». Каждая из трех стенок сруба состояла из четырех бревен. С четвертой стороны ящик стенки не имел. В виде слоев коричневатого дре-

горловины 7.5 см, толщина стенок 0.5—0.6 см. В кувшине находились обломки пережженных человеческих костей.

В восточной части ящика, около самого края, стоял глиняный горшок, принадлежащий к посуде группы В. Его высота 12 см, диаметр горла около 14 см. Он также был наполнен пережженными костями.

Рис. 36. Боршевский курганный могильник. Керамика из кургана 1. Бляшка бронзовая (*1*), найденная А. А. Спицыным.

весного перегноя сохранились следы дна и плоской крышки ящика. И то и другое было, вероятно, из тонких досок.

В северо-западном углу сруба, следовательно в глубине его, был найден лежащим на боку среди пережженных костей человека небольшой глиняный кувшин (рис. 36). Он изготовлен на гончарном круге из хорошей, мелкозернистой глины и хорошо обожжен. Кувшин имеет плоское дно, округлое тело и сравнительно узкое горло, у которого сохранились остатки ручки, отбитой в древности. По верху и на половине высоты кувшин орнаментирован желобчатыми линиями. Высота кувшина 21 см, ширина тела 15 см, диаметр

Около ящика, у его открытой части, находилось несколько крупных валунов. Под юго-восточной и под северо-западной полами кургана были найдены на уровне погребенной почвы два разбитых глиняных сосуда средних размеров, в форме горшков, относящихся к керамике группы А. Под центром насыпи обнаружена кость лошади.

Круг из деревянных столбов (пластин) в кургане № 1 имел диаметр 10.5 м, так что столбы располагались под самым краем насыпи. Это обстоятельство, вероятно, послужило причиной их плохой сохранности. Всего по кругу было поставлено 55 дубовых пластин шириной около 35 см каждая; высота столбов

Боршевский курганный могильник. *1—5*—глиняные сосуды из погребальной камеры кургана № 2; сосуд *6*— из кургана № 3.

Борщевский курганный могильник. Вещи из кургана № 4.

осталась неизвестной. Промежутки между столбами составляли 25—30 см. Для каждого столба была выкопана в почве яма, углубленная на 10—15 см в лежавшую под почвенным слоем толщу мела. Открытая сторона погребального ящика примыкала к линии столбов, в которой в этом месте был устроен небольшой перерыв.

зительно на 0.3 м над уровнем погребенной почвы, были обнаружены многочисленные обрубки дубовых пластин разного размера. В своем расположении они не обнаруживали никакого порядка. Очевидно они были просто набросаны в насыпь во время ее сооружения (рис. 38—40).

Под в.-с.-в. полой кургана, на уровне погре-

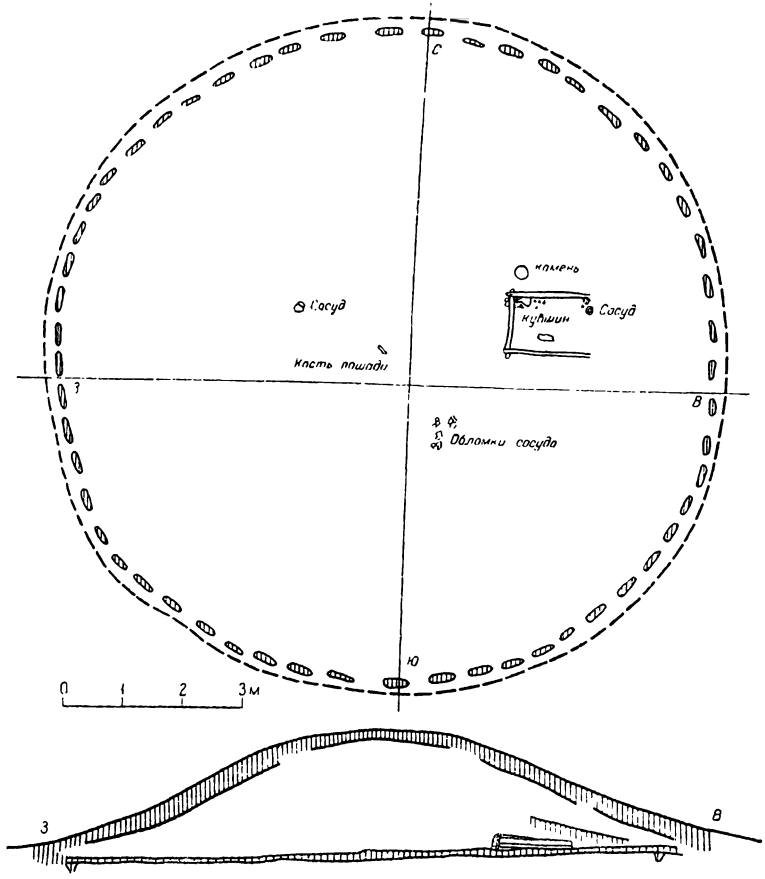


Рис. 37. Боршевский курганный могильник. План и профиль кургана № 1.

Курган № 2 был расположен рядом с первым, в 25 м к западу от него, также у края коренного берега. Насыпь кургана, высотой 1.6 м, диаметром 11 м, была сильно испорчена большой ямой на вершине, размером сверху 2 × 2.8 м. Книзу яма сильно сужалась и приобретала округлые очертания. Ее дно достигало горизонта погребенной почвы.

Насыпь кургана имела тот же характер, что и предыдущая насыпь, отличаясь от нее лишь некоторым преобладанием гумусного материала за счет мелового щебня, количество которого, однако, оставалось очень большим. В разных местах в насыпи, приблибенной почвы, в расстоянии 1 м от центра кургана был обнаружен хорошо сохранившийся деревянный ящик, исключительно интересный по своим деталям. Точно так же, как и ящик кургана № 1, он имел три стенки, состоящие каждая из четырех тонких пластин, шириною 15 см, срубленных между собой «в чашу». Размеры ящика в плане 1.35 × 1.7 м, высота 0.6 м. Остатков деревянного дна у ящика не обнаружено. Вероятно, его и не было. Плоская крышка ящика сохранилась очень хорошо. Она состояла из досок в 4—6 см толщиной и 10—20 см шириной, перекрывающих ящик в продольном направлении. Доски лежат на краях сруба и одной

поперечной доске, лежащей у открытой стороны ящика. Сверху, поперек перекрытия, была положена еще одна широкая доска.

Самой любопытной деталью погребальной камеры является то, что кругом она была обставлена массивными дубовыми пластинами длиной 70—80 см, шириной 25—30 см, благодаря чему, как это хорошо видно на фото-

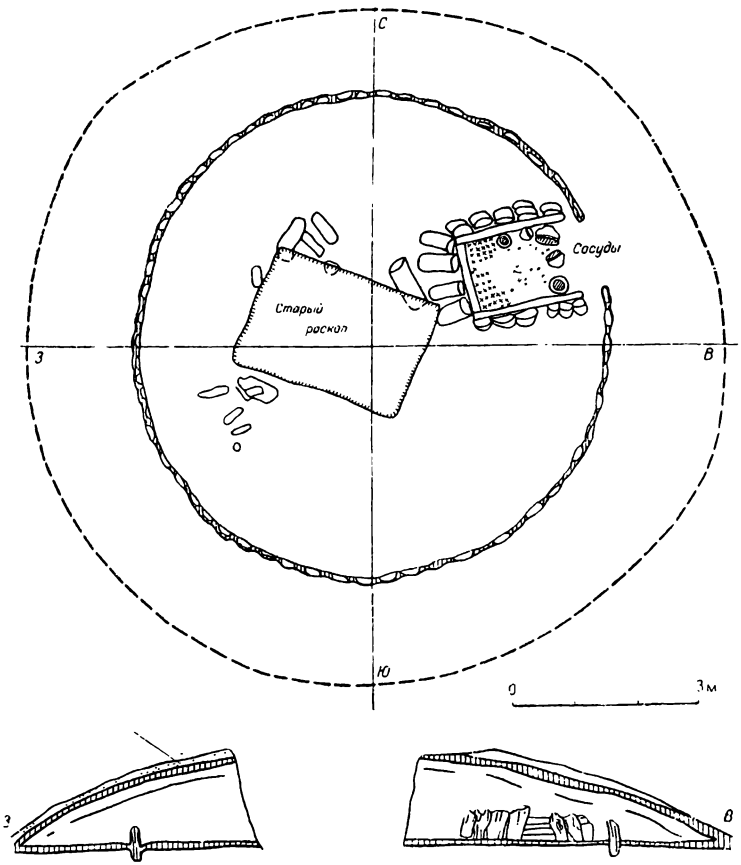


Рис. 38. Боршевский курганный м льник. План и профиль кургана № 2.

графиях и чертежах (рис. 38—40), ящик имел вид как бы дольмена. Следует думать все же, что эта особенность является фактом случайного характера. При сооружении круглой ограды здесь оказался большой излишек заготовленного материала — толстых дубовых пластин. Часть из них была брошена в насыпь.

Внутри ящика, у его открытой части, обнаружены пять глиняных сосудов, наполненных пережженными костями. Пережженные кости заполняли помимо этого середину ящика и его северо-западный угол. Среди них, в центральной части ящика, найдены четыре оплавленные стеклянные бусины голубого цвета.

Все пять глиняных сосудов представляют собой горшки грубой работы. Первый из них (высота 17.5 см, диаметр 19 см, толщина стенок 0.7 см) является характерным экземпляром посуды группы А. Второй, такого же размера (высота 17.5 см, диаметр горла 21 см, толщина стенок 0.7 см), принадлежит к посуде группы Б. Он орнаментирован по венчику и плечикам отпечатками зубчатого чекана. Три остальные горшка, по фактуре и характеру выделки примыкающие к посуде группы А, отличаются от нее по форме. Если горшки группы А имеют низкий отогнутый наружу венчик, то горшки из кургана № 2 имеют высокий венчик, суживающийся кверху. Самый крупный из этих горшков (высота 11.5 см, диаметр горла 12.5 см) орнаментирован волнистой линией по плечикам и косыми насечками по краю венчика. Два других, меньших по размеру (высота 10.2 см,

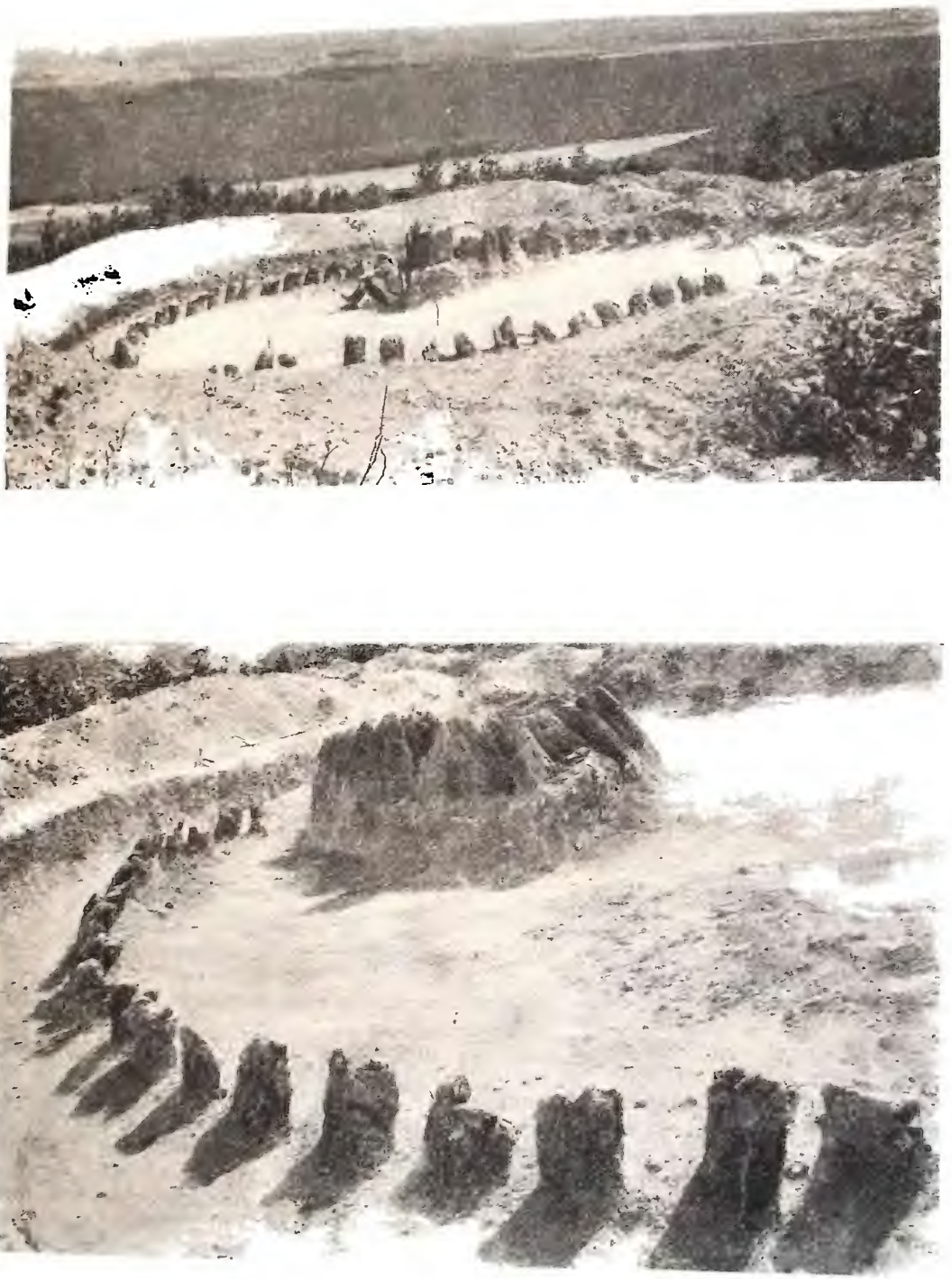


Рис. 39. Боршевский курганный могильник. Вид деревянных сооружений в кургане № 2.

Рис. 40. Боршевский курганный могильник. Погребальная камера в кургане № до раскопки (вверху) и после раскопки (внизу).

диаметр горла 11 см; высота 10 см, диаметр горла 9.3 см), не имеют никакой орнаментации (табл. XIII, *1—5*).

Кольцевая ограда в кургане № 2 также сохранилась очень хорошо. Она представляла собой в плане правильный круг (диаметром 8 м) и состояла из 56 столбиков из невысоких (0.6—0.8 м) дубовых пластин, аналогичных

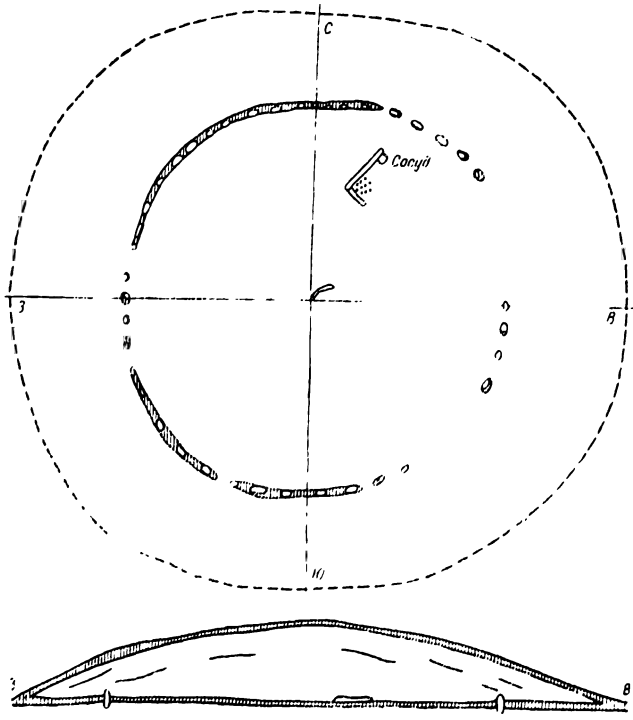


Рис. 41. Боршевский курганный могильник. План и профиль кургана № 3.

тем, которые стояли вокруг ящика. Они возвышались на 0.4—0.5 м над уровнем погребенной почвы, имея легкий наклон по направлению к центру. После их снятия выяснилось, что столбы стояли в общей канавке, глубиной до 20 см и шириной 20—30 см. В меловую толщу канавка была углублена на 10 см. Столбы были расставлены в расстоянии 15—20 см друг от друга.

Своей открытой стороной погребальный ящик примыкает к линии столбов, в которой здесь имеется перерыв шириной около 1.5 м.

Курган № 3. Третий из раскопанных курганов находится несколько в стороне от двух первых по направлению к центру курганной группы. Это был один из небольших по размеру курганов. Диаметр его равен 9—10 м, высота 1.25 м. Насыпь имела тот же характер, как и у обоих предыдущих. В насыпи ничего не найдено.

Деревянные сооружения, открытые под насыпью, отличались очень плохой сохранностью. Погребальный ящик, стоящий под северо-восточной полой кургана, сохранился всего лишь в виде двух сгнивших дубовых пластин, лежащих под прямым углом друг к другу. Сохранность их такова, что не представилось возможным определить размеры ящика в плане (рис. 41). Внутри его была обнаружена кучка пережженных человеческих костей. С краю лежал на боку небольшой глиняный горшочек, наполненный пережженными костями (высота горшка 10 см, диаметр горла 11.5 см). По форме и характеру глины он примыкает к посуде группы А. По венчику имеется орнамент из косых насечек (табл. XIII, *6*).

Деревянная ограда кургана № 3 имела вид не совсем правильной окружности. Ее диаметр 6—6.25 м. Дубовые пластины, составлявшие ограду (шириной в 17—25 см), были поставлены в расстоянии 15—25 см одна от другой. Они были поставлены частично в отдельные неглубокие ямки, частью же в общую канавку. Всего имелось 43 столбика, причем в в.-с.-в. части ограды, в том месте, куда примыкал край погребального ящика, был сделан перерыв шириной в 2 м.

Курган № 4. Последним был раскопан один из курганов в средней части могильника, ближе к ее восточному краю, около дороги, идущей из центра с. Боршева к участку села, расположенному около северного городища. По размерам курган равен предыдущему, т. е. имел высоту в 1.25 м при диаметре в 10 м. Насыпь кургана, в основном сложенная из того же материала, что и насыпи предыдущих курганов, на одну треть оказалась сложенной из другого материала, именно из красной глины, которая в этой части кургана составляла также и подпочву, тогда как в других частях подпочвой являлась меловая толща. Выяснено, что красной глиной здесь заполнен «карман» — западина в меловой толще, граница которой прошла как раз под насыпью кургана № 4 (рис. 42).

В южной поле кургана, в 2.25 м от центра насыпи, на половине ее высоты (0.65 м выше погребенной почвы), в слое красной глины был встречен скелет ребенка, судя по костям новорожденного. Он был погребен в скорченном положении, головой к центру насыпи. Кости, сохранившиеся очень плохо, не имели никаких следов огня. С погребенным были положены большой бронзовый бубенчик и

бронзовая крестовидная подвеска, аналогичная происходящим из тамбовских могильников IX—X вв. (табл. IV, *4, 5*).

В северо-восточной части кургана в 1.5 м от центра насыпи, обнаружен погребальный ящик размером 1 × 1.3 м, сохранившийся очень плохо. От ящика уцелели лишь нижние бревна всех трех стенок, причем все они оказались обугленными. Середина ящика была заполнена остатками также обугленных дубовых досок, положенных вдоль ящика и составлявших, повидимому, перекрытие. Следы обугленного дерева оказались и на дне ящика. На них, по всей площади ящика, были разбросаны обломки сильно пережженных человеческих костей. В центре ящика стоял пустой глиняный горшок. Другой такой же горшок был найден разбитым у северо-восточного угла ящика. Наконец, перед ящиком, в 0.4 м от его северного угла, обнаружен кувшин из красной глины, аналогичный кувшину из кургана № 1 (табл. XIV, *3*).

Деревянная ограда в кургане № 4 хорошо сохранилась по всей окружности, за исключением того места, где грунтом являлась красная глина. Здесь дерево уцелело лишь в виде слоя коричневого перегноя. Диаметр ограды составлял 6 м; всего сохранилось около 30 столбиков, стоящих частью в канавке, частью в отдельных углублениях. Размеры плах, составлявших ограду и промежутки между ними, такие же, как в предыдущем кургане.

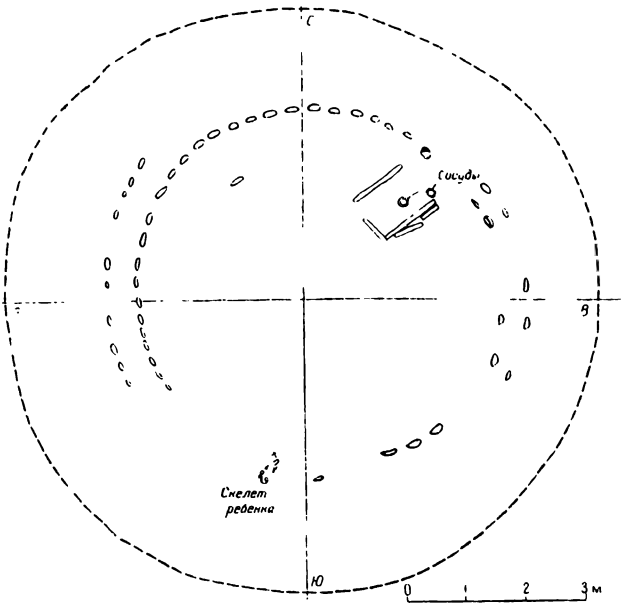


Рис. 42. Боршевский курганный м План кургана № 4.

С восточной и западной стороны ограды, вне ее, в расстоянии 0.5—0.7 м прослеживался второй ряд столбов, сохранившихся очень плохо.

КУЗНЕЦОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Помимо исследования славянских памятников на Дону в районе с. Боршева, в 1928 г. были проведены раскопки городищ на р. Воронеже, несколько выше г. Воронежа. Здесь на протяжении 20 км между Воронежом и с. Чертовицким известно в настоящее время семь городищ, относящихся к концу I тысячелетия н. э., а также несколько одновременных им курганных могильников.

Раскопки 1928 г. были сосредоточены на группе памятников, состоящей из двух городищ и двух курганных могильников, находящихся в 5—10 км выше г. Воронежа, на правом высоком берегу реки. Группу эту составляют городище у б. Кузнецовой дачи (теперь дом отдыха им. М. Горького), городище у Михайловского кордона, находящееся в 2.5—3 км от первого вверх по реке, далее огромный, хорошо известный в Воронеже курганный могильник на Лысой горе — отроге коренного берега, лежащем между первым и вторым городищами, и, наконец, маленький курганный могильник, насчитывающий всего лишь несколько десятков насыпей, расположенный в глубине берега в лесу за Кузнецовским городищем. Более значительные раскопки были предприняты здесь на Кузнецовском городище, которое когда-то интересовало Воронежскую архивную комиссию и было определено как хазарское укрепление.

Кузнецовское городище расположено в 5 км выше г. Воронежа на отроге правого высокого берега реки. Последняя в этом месте подходит вплотную к своему коренному берегу и энергично подмывает его. Противоположный левый берег реки составляет ши-

рокая полоса болотистой поймы, за которой в расстоянии 0.75—1 км виден песчаный сравнительно низкий и пологий левый берег.

Место, на котором находится городище, напоминает по своим топографическим особенностям Большое городище у с. Боршева. Кузнецовское городище занимает высокий и длинный мыс коренного берега, образованный глубоким и широким оврагом, устье которого выходит к реке под острым углом. Один из склонов городища, как это видно на

длинными валами, охватывающими в виде огромной дуги площадку городища почти на три пятых ее окружности.

Первый вал, внутренний, проходил по самому краю площадки. В настоящее время он представляет собой еле заметное всхолмление, возвышающееся не более чем на 50 см над поверхностью городища. Местами, ближе к стрелке, там, где расположены дачи, следов этого вала вовсе не заметно. Повидимому, он и в древности был невысок, за исключе-

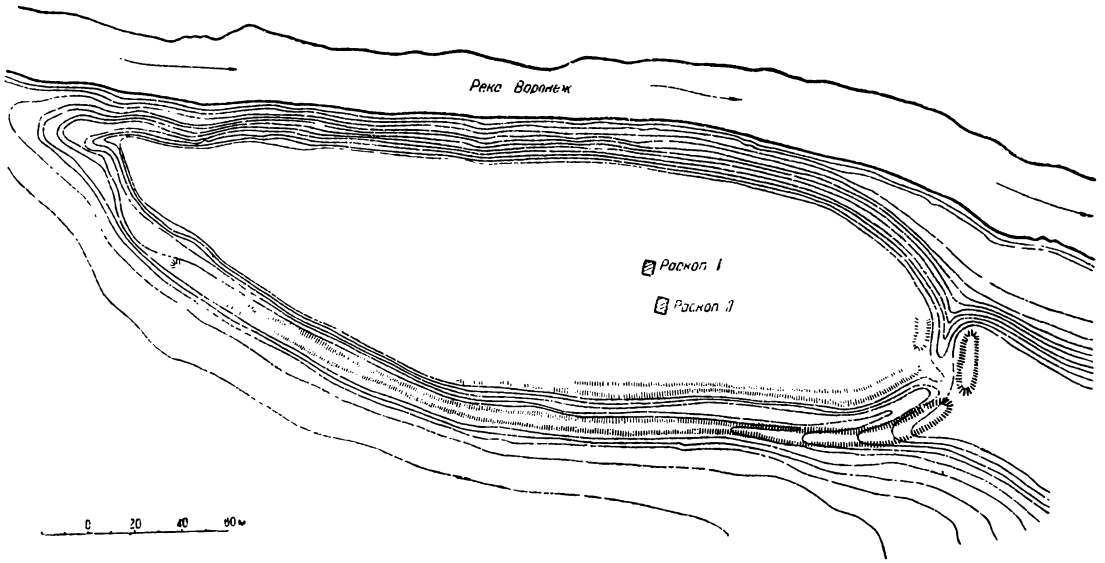


Рис. 43. Кузнецовское городище. Схематический план.

плане (рис. 43), является участком берега р. Воронеж, другой, противоположный, представляет собой склон оврага. Площадка городища, вытянутая с запада на восток, имеет длину 325 м, ее ширина составляет около 80—85 м. Поверхность городища в 1928 г. была занята дачами и фруктовым садом, склоны же заросли лиственным лесом и кустарником.

Обращенный к реке северный склон городища имеет паденье до 45°, местами же там берег разрушается рекой, он представляет собой почти отвесный песчаный обрыв. Противоположный южный склон, образованный оврагом, значительно положе и ниже северного. Если над уровнем реки городище возвышается на 30 м, то в сторону оврага высота его составляет всего лишь 10—15 м. Поэтому искусственные укрепления в виде валов и рвов были сосредоточены не только у основания мыса, там, где он примыкает к массиву коренного берега, но по всему южному склону. С этой стороны и со стороны коренного берега городище было укреплено двумя

нием небольшого отрезка в основании мыса. Здесь вал был значительно массивнее. Его остатки имеют сейчас высоту до 1 м, при ширине в основании 10 м. Второй, наружный вал, расположенный параллельно первому, проходил на половине высоты южного склона. Он представлял собой, повидимому, довольно солидное сооружение. В настоящее время его остатки достигают 1.5 м высоты и 8—10 м ширины в основании. Со стороны коренного берега, кроме остатков вала, снаружи их, имеются еще следы заплывших рвов. Здесь в валах были расположены ворота шириною 4—5 м.

Исследование городища было затруднено наличием построек и плодового сада. Поэтому при выборе места для раскопа пришлось остановиться на наиболее свободных от плодовых деревьев участках, которые оказались в центральной части площадки городища, ближе к ее восточному концу. Здесь были заложены рядом один с другим два раскопа, первый размером 5×13 м, второй — 7×10 м. И в том и в другом раскопе были открыты остат-

ки целых жилых комплексов, состоящих каждый из трех полуземляных жилищ.

Культурный слой городища, сильно гумусированный и неоднократно перекопанный при планировке и эксплоатации плодового сада, в пределах раскопов вне жилищ, имел мощность от 0.35 до 0.40 м. Он подстилался желтой по цвету глинистой супесью, резко отличающейся от культурного слоя. В слое встречались прослойки угля и золы, обломки глиняной посуды и кости животных. Такой же характер имело заполнение ям полуземляных жилищ, углубленных в материковый песок.

был открыт комплекс из трех, соединенных между собой, полуподземных помещений, из которых большее не служило жилищем, а являлось, повидимому, кузницей — местом, где происходила обработка железа. В нем были найдены кучи железного шлака. Две другие ямы являются остатками обычных жилищ, аналогичных открытым в раскопе I (рис. 45—46).

Остатки помещения, где проводилась обработка железа, имели в плане вид прямоугольной ямы, вытянутой с юга на север. Ширина ее около 3.5 м, длина — 6.5 м, глубина 0.5—

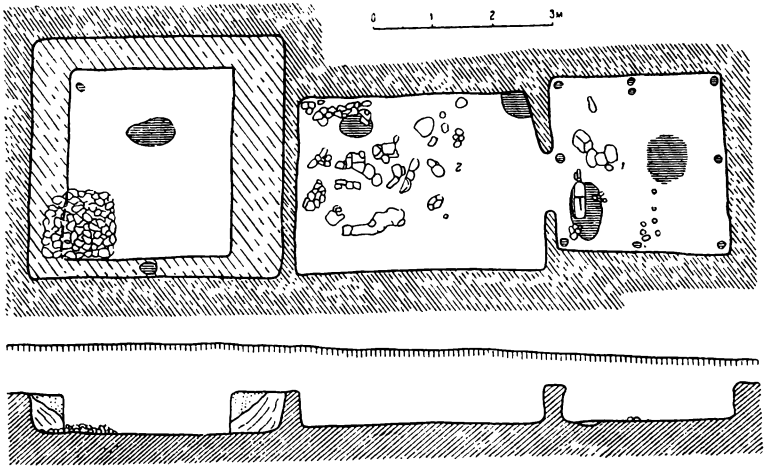


Рис. 44. Кузнецовское городище. План I комплекса землянок (*1—3*).

В раскопе I, на глубине 0.35—0.40 м от поверхности, после снятия культурного слоя, на фоне желтого материкового песка ясно вырисовались три темных квадратных пятна — ямы жилищ, заполненные культурным слоем. При расчистке заполнявшей ямы земли были открыты три квадратных помещения с отвесными стенками, расположенные одно за другим в одну линию в направлении с юга на север (рис. 44). Две из этих ям оказались соединенными между собой проходом. Первая и третья ямы представляли собой в плане более или менее правильные квадраты, размером около 3 м в поперечнике. В дальнейшем было выяснено, что яма третьего жилища расположена внутри более древней камеры, имевшей 4.5 м в поперечнике. Яма среднего жилища имела прямоугольные очертания, ее размеры 3 × 4.15 м. Различной оказалась глубина ям в грунте: первая имела глубину 0.40—0.45 м, вторая — 0.75—0.80 м, третья — 1.20 м. Все они являлись некогда жилыми помещениями.

Остатки сооружений несколько иного характера были обнаружены в раскопе II, отстоящем от первого на расстоянии 10 м. Там

0.85 м. С восточной стороны по углам ее имелись проходы в примыкающие к ней жилые помещения. Первое из них, бо́льшее, имело вид квадрата, размером 3.7—3.8 м в поперечнике; пол его расположен на одном уровне с полом предыдущего помещения, т. е. его глубина в грунте составляет в среднем 0.6 м. Второе, меньшее, помещение имело форму прямоугольника, размером 2.5 × 3.5 м. Яма его была углублена в материк на 0.3 м, глубже, чем главное помещение. В промежутке между остатками жилищ была обнаружена небольшая яма овальных очертаний, размером 0.86 × 1.05 м и глубиной в материке 0.4 м. Походя внешне на яму для хранения, она имела, однако, иное назначение, являясь ямой для кухонных отбросов, главным образом костей животных, которые лежали в ней плотным слоем. Кроме костей здесь были встречены обломки глиняной посуды.

Песчаная порода, подстилающая культурный слой, являлась грунтом, далеко не способствующим хорошей сохранности остатков построек. Благодаря разрушительному действию корней деревьев плодового сада и

бывшего здесь раньше леса, контуры ям не всегда достаточно определены. Их отвесные стенки в ряде мест еще в древности подверглись оползанию. Если сравнить сохранность остатков жилищ боршевских городищ и городища у Кузнецовой дачи, то разница получается огромная.

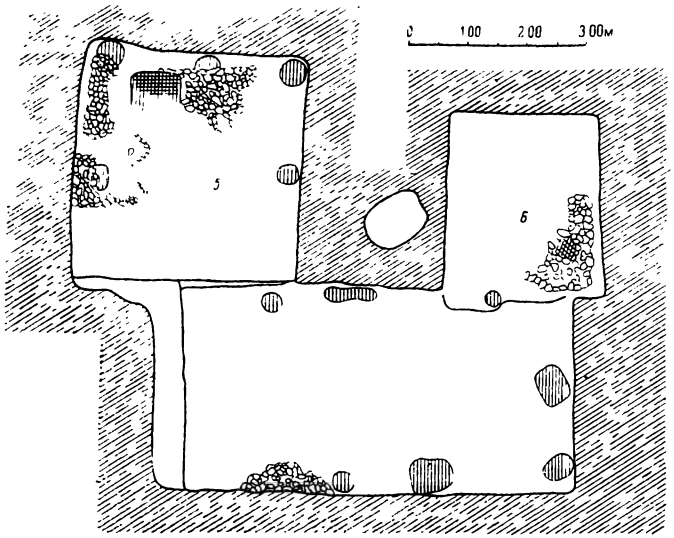


Рис. 45. Кузнецовское городище. План II комплекса землянок (*4—6*).

В жилище *1* (раскоп I) были обнаружены в полу по четырем углам и у всех четырех стен небольшие ямы от вертикально стоявших столбов. Они, несомненно, служили, как и у большинства жилищ боршевских городищ, для укрепления деревянных конструкций.

Повидимому, ту же конструкцию (т. е. стены, обложенные деревянными досками, укрепленными с помощью столбов, подпирающих их изнутри) имели две постройки, открытые во II раскопе: главная большая постройка (*4*) и бо́льшее из примыкающих к ней жилищ (*5*). В первой по трем стенам были открыты семь ям от столбов разной формы и глубины. У четвертой стороны, северной, ям от столбов не оказалось. Но можно полагать, что здесь и не было сплошной деревянной стены. К яме здесь примыкает широкая ступенька, некогда обложенная деревом, облегчающая, повидимому, спуск в яму. Здесь был широкий вход, ворота, ведущие в помещение кузницы.

В землянке *5* углубления от столбов были обнаружены по двум углам и у трех стен. С той стороны, которая примыкала к главному помещению (*4*), ям от столбов не оказалось. Несомненно, что с этой стороны находился вход. Что касается остальных трех жилищ, то при их исследовании ям от столбов обнаружено не было, за исключением отдельных углублений неопределенного характера.

Во всех землянках, за исключением кузнечного помещения (*4*), были открыты остатки очагов более или менее одинаковой конструкции. В жилищах *1, 2, 5* и *6* в углах в полу были обнаружены небольшие углубления овальной или четырехугольной формы, размером в среднем 50 × 75 см и глубиной 10—15 см, заполненные углем и золой. Земля вокруг них была обожжена. Эти ямы представляли собой основания печей-каменок, сложенных из валунов на глине. Все печи совершенно разрушены. Их остатки имели вид беспорядочных скоплений камней и кусков обожженной глины, расположенных вокруг очажных ям.

В средней части жилища *1*, на полу, было обнаружено круглое пятно сильно обожженной земли (диаметр 95 см), значение которого непонятно. Ясно лишь то, что здесь разводился очень сильный огонь, так как земля обожжена здесь сильнее, чем в основном очаге этой землянки.

Печь землянки *3*, сооруженной на месте более старого жилища, была составлена из камней, взятых из очага последнего.

II

В культурном слое, а особенно в заполнении землянок и на дне их было сделано при раскопках значительное количество находок. Если принять во внимание небольшую площадь, которая была исследована на Кузнецовском городище, то последнее по находкам богаче обоих боршевских городищ. Почвенные условия городища, резко отличающиеся от того, что имело место на боршевских городищах, оказались, однако, вполне благоприятными для сохранения органических остатков — костей животных и изделий из кости, которые здесь были найдены в состоянии лишь немного худшем, чем на боршевских городищах.

Кости животных и обломки глиняной посуды и здесь составили подавляющее количество полученного при раскопках материала.

Керамический материал Кузнецовского городища в массе трудно отличим от посуды группы А боршевских городищ. Характерным примером такой посуды может служить гор-

шок из землянки *1*, высокий, толстостенный, с короткой шейкой. Его высота — 20 см, диаметр горла 17 см. Образу венчика придан вид волнистой линии (рис. 47). Такой же горшок, почти целый, был обнаружен в землянке *1*. Его высота точно так же несколько превышает диаметр горла, что особенно характерно для сосудов данного типа, принадлежащих к группе А.

этих кувшинов, повидимому, не превышал 10—12 см; ручка в них была расположена не у самого венчика, а несколько ниже. Такого рода кувшин, целый, лишь с отбитой горловиной, был найден в кургане № 2 из могильника у Кузнецовского городища. Его высота — 20 см, диаметр дна — 9 см, максимальный диаметр 14 см, толщина стенок 0.6—0.7 см.

Рис. 46. Кузнецовское городище. Вид землянки *5* (II комплекс).

В небольшом числе были встречены на Кузнецовском городище другие типы посуды группы А. Глиняные тарелки здесь найдены в числе всего лишь 10 фрагментов от 8 разных сосудов. Форма их несколько отличается от боршевских благодаря более низким и разлогим бортам. Мисы-сырницы представлены четырьмя фрагментами от трех сосудов.

Новым, не известным на боршевских городищах, видом глиняной посуды, относящимся к группе А, являются грубые массивные кувшины, представленные на Кузнецовском городище фрагментами четырех сосудов. Их высота и форма нижних частей остаются неизвестными. Один из фрагментов, найденный в землянке *6*, принадлежал кувшину диаметром до 15—17 см с суженной до 8 см горловиной и, повидимому, одной вертикальной ручкой, расположенной под самым венчиком (табл. XV, *1*). Другие обломки, найденные в культурном слое, принадлежали значительно меньшим сосудам. Максимальный диаметр

В небольшом числе встречена на городище керамика группы Б — такие же, как на боршевских городищах, широкие горшки средних размеров. На рис. 47 изображен один из таких сосудов из землянки *4*. Его высота 21 см, диаметр горла 23 см. Горшок был разбит еще в древности, но тогда же был скреплен, о чем говорят парные отверстия, расположенные на его стенках вдоль старых трещин.

В единичных экземплярах были встречены на Кузнецовском городище фрагменты привозной посуды (группа В) и грубой посуды, изготовленной на гончарном круге (группа Г).

Среди керамики, приближающейся к группе Г, имеется один почти целый сосуд, найденный в землянке *3*, на котором следует остановиться. Сосуд изготовлен на гончарном круге, из хорошо промешанной, но грубой глины с примесью песка. Поверхность стенок неровная, обжиг относительно незначительный, наружная поверхность его серая, а излом — черный. Высота сосуда около 17 см,

диаметр горла 12.5 см, толщина стенок 8 см (табл. XV, *2*). Орнамент состоит из пяти желобчатых линий, опоясывающих сосуд на разной высоте, и трех рядов отпечатков гребенчатого штампа, расположенных между линиями на шейке и плечиках сосуда. По орнаментации сосуд близко напоминает болгарскую керамику X—XI вв., однако его фактура совершенно иная, чем у болгарской посуды, всегда изготовлявшейся из хорошего глиняного теста и обжигавшейся «до звона». Некоторые

Рис. 47. Кузнецовское городище. Глиняные сосуды из землянки *4* (II комплекс).

аналогии этому сосуду имеются среди материалов хазарских городищ Нижнего Дона, исследованных за последние годы.

К керамическому материалу нам еще придется вернуться ниже в связи с общей оценкой материала, добытого раскопками на Кузнецовском городище. Сейчас же отметим еще два вида керамики: во-первых, глиняные «противни», аналогичные боршевским, обнаруженные в виде мелких обломков почти во всех землянках Кузнецовского городища, и, во-вторых, миниатюрные сосудики, найденные в числе двух в землянке *4*,— целый, высотой 6 см, диаметром 4 см, с ямочным орнаментом по плечикам (табл. XV, *3*) и фрагментированный, диаметром 3.25 см. По фактуре оба они целиком примыкают к керамике группы А.

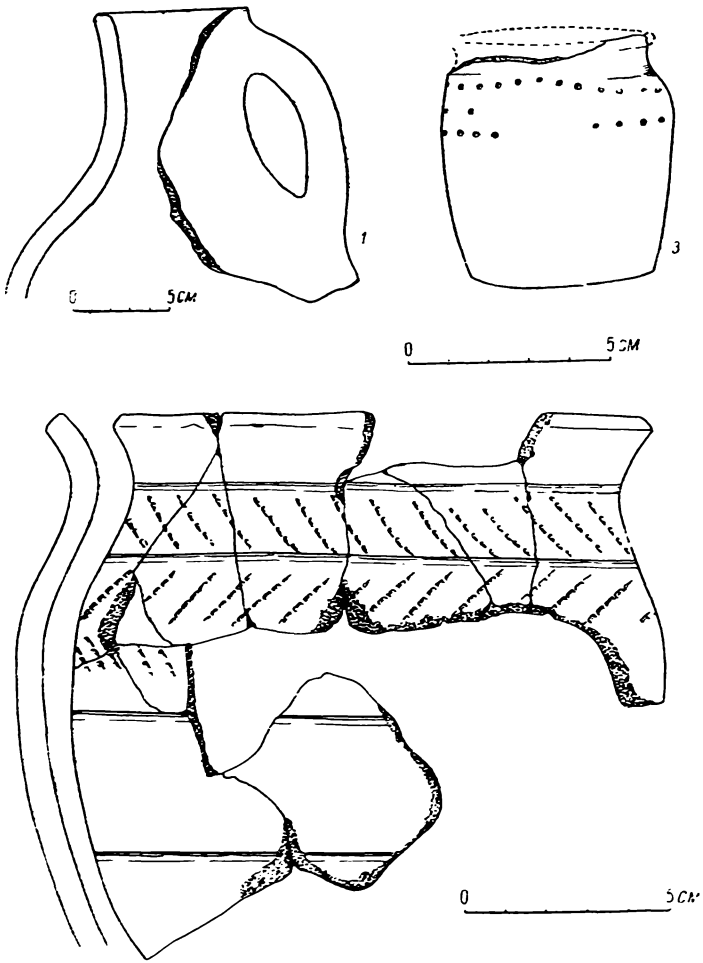
Остальной вещественный материал, обнаруженный на Кузнецовском городище, также очень близок к материалам, происходящим из обоих боршевских городищ. Он состоит из глиняных прясел для веретен, костяных изделий, точильных камней, нескольких украшений. Особо приходится отметить найденный здесь массивный железный рыболовный крючок. Дальше нам придется говорить еще о находках большого числа железных шлаков в землянке *4* и об исследованных в 1933—1934 гг. сотрудниками Воронежского музея «железоплавильнях». Здесь, на Кузнецовском городище, мы сталкиваемся со следами развитого железообрабатывающего производства, что не было констатировано в отношении других исследованных памятников.

Глиняные прясла от веретен, найденные на Кузнецовском городище в числе 14, были встречены во всех землянках, за исключением помещения *3*. По составу они гораздо разнообразнее боршевских и большинство из них (11 экз.) приготовлено не из обломков глиняной посуды, а вылеплено из глины, по характеру близкой глине керамики группы А. Три прясла изготовлены из обломков керамики: одно — из местной, второе — из привозной, а третье — из черепка эпохи бронзы (табл. XVI, *11*, *13*, *15*). Их диаметр 3—4.5 см, диаметр отверстия 6—8 см, что отвечает размерам аналогичных прясел Боршевского городища. Такие же размеры имеют и два плоских глиняных прясла (табл. XVI, *10*, *12*), все же остальные, округлые, округло-бипирамидальные или бипирамидальные, отличаются чрезвычайно узким отверстием, диаметр которого 3—4 мм. Размеры этих прясел в поперечнике от 2 до 4 см (табл. XVI, *1—9*). Одно из них, в форме маленького шарика, имеет диаметр всего лишь 1.8 см, соответствуя аналогичным предметам Боршевского городища (табл. XVI, *2*). Незначительный диаметр отверстий этих предметов ставит под сомнение правильность толкования их как прясел для веретен. Частью грузила, без сомнения, является глиняная поделка, обнаруженная в землянке *3*. Грузило имело овально-цилиндрическую форму, его размеры 6×3.5 см. Диаметр отверстия, идущего продольно, 0.9 см.

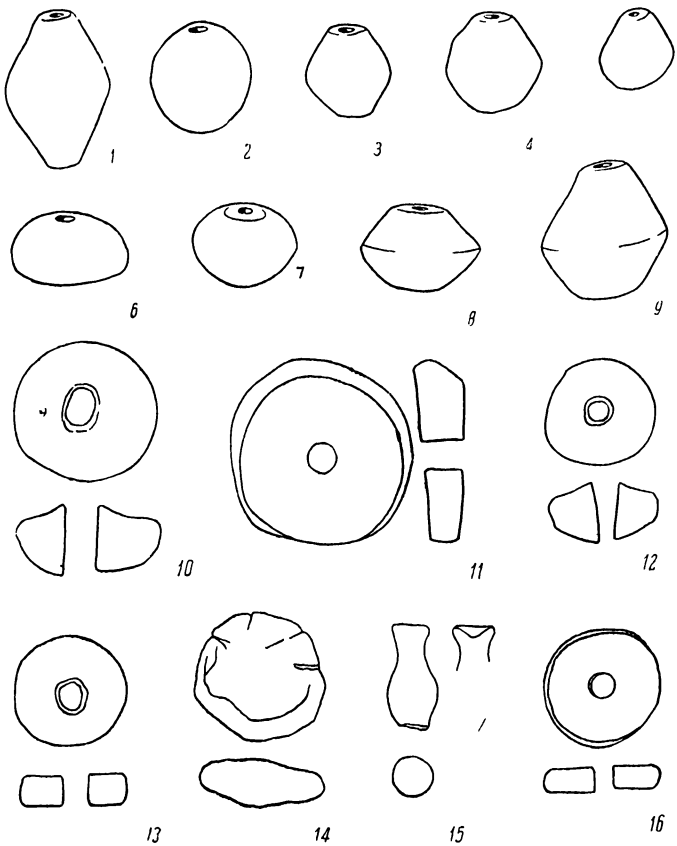
Любопытной находкой является незаконченное глиняное прясло, имеющее вид плоского глиняного кружочка диаметром 3.5 см без отверстия. Повидимому, оно случайно попало в огонь и подверглось некоторому обжигу, правда очень небольшому. Поделка была найдена в верхних горизонтах культурного слоя раскопа I (табл. XVI, *14*).

Чтобы не возвращаться к изделиям из глины, укажем еще на одну находку, сделанную в культурном слое раскопа I, а именно, на обломок продолговатой глиняной поделки, назначение которой остается неясным. Она изображена на табл. XVI, *15*.

Костяные изделия Кузнецовского городища значительно беднее боршевских. В обеих раскопах найдено всего лишь 10 предметов из кости и рога и несколько отрезков рога или костей со следами работы топором или ножом. Большинство изделий оказались предметами украшения — это два просверленных медвежьих клыка, найденные в землянках *2* и *4*, четыре астрагала косули с отверстиями для привешивания. Все они были найдены в культурном слое в раскопе I. Четыре других костяных предмета — это обычное острие, найденное в землянке *1*, рукоятка ножа (землянка *2*, табл. XVII, *4*), ребро быка с заостренным краем (землянка *2*) и неопределенная поделка из рога (землянка *6*), представляющая собой, повидимому, заготовку рукоятки ножа или другого орудия. Наиболее интересным среди этих находок является заостренное



Кузнецовское городище Керамика



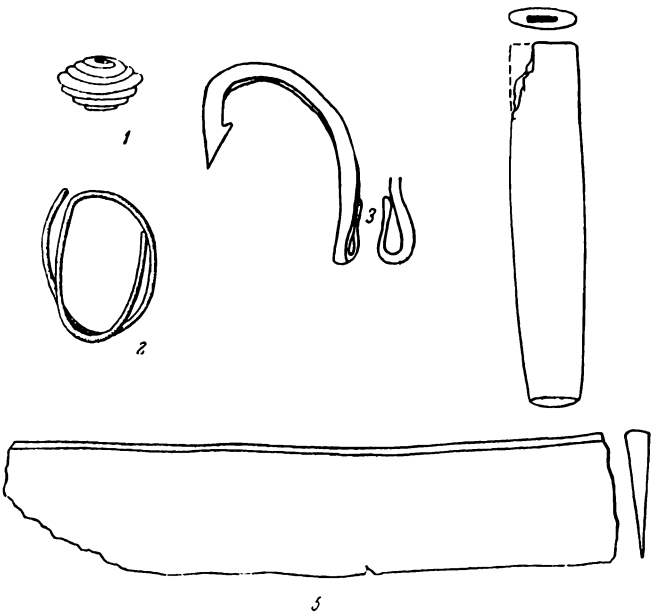
Кузнецовское городище. Прясла для веретен

ребро. Повидимому, его следует рассматривать как «тупик» — орудие для обработки кожи, хотя обычно «тупики» изготовлялись не из ребер, а из расколотых вдоль трубчатых костей или из нижних челюстей крупных животных.

Следует еще указать, что около очага землянки *1* был найден крупный клык кабана без следов обработки, но вероятно бывший в употреблении в домашнем хозяйстве.

В дерновом слое и землянках *1* и *2* были найдены обломки трех каменных брусков и двух плит с отшлифованной поверхностью, служивших, повидимому, терками. В землянке *4* встречен большой каменный пест. В землянке *1* был найден также кусок кремня со следами ударов, который следует рассматривать как кресало.

Наконец остановимся на изделиях из металла и других материалов. Первые — это железный рыболовный крючок, длиной 5.5 см, с массивной квадратной в сечении дужкой, найденный в землянке *3* (табл. XVII, *3*), неопределенная железная поделка (землянка *5*)



Кузнецовское городище. Изделия

и бронзовое проволочное височное кольцо, овальной формы, 3—4 см в поперечнике (землянка *4*, табл. XVII, *2*). Единственным изделием из стекла является крупная (2.3 см в поперечнике) прозрачная стеклянная буса голубовато-зеленоватого цвета в форме спирали, найденная в землянке *5* (табл. XVII, *1*).

III

Ниже даны описания открытых землянок и сделанных в них находок.

Землянка *1*. Остатки жилища, открытые в южной части раскопа I, представляли собой несколько неправильную квадратную яму с прямыми отвесными стенками и более или менее горизонтальным полом, ориентированную почти точно по странам света. Длина восточной стенки ямы составляла 2.7 м, южной — 3.06 м, западной 2.72 м и северной, прорезанной проходом в землянку *2*,— 3.06 м. Глубина ямы в материке равнялась 0.4—0.45 м. В полу землянки, у стен и по углам, открыто девять округлых ям от столбов, диаметром 20—25 см и глубиной 20—25 см. Ямы эти в виде темных пятен ясно выделялись на фоне желтого материкового песка. Около восточной стены находились две ямы, остальные семь располагались в углах и у трех других стен. Проход в землянку *2*, шириной 1.18 м, располагался в северной стене ближе к северо-западному углу. От последнего он отстоял на 0.6 м; от северо-восточного угла — на 1.28 м.

В центре землянки, несколько ближе к южной стенке, в 0.45 м от нее, было ясно видно округлое пятно сильно обожженного песка, диаметром около 1 м. В северо-западном углу, около прохода в землянку *2*, находилось незначительное углубление овальной формы, длиной 1.05 м, шириной 0.65 м и глубиной до 0.05 м, вытянутое с запада на восток, параллельно северной стороне землянки. Внутри этого углубления земля была также сильно обожжена. Повидимому, мы имеем здесь дело с двумя разновременными очагами. Который из них является древнейшим — сказать трудно, так как камни, составлявшие стенки очага, были разбросаны в беспорядке по всей северной половине ямы. Очаг был сложен из валунов,

чередко достигающих 30—40 поперечнике.

На дне землянки были сделаны следующие находки. Около прохода в землянку *2* стоял целый глиняный сосуд, грубой ручной работы, описанный выше на стр. 95. В северо-восточном углу и около круглого очажного пятна встречены груды обломков глиняных сосудов, восстановить которые не представилось возможным.

В разных частях землянки найдены обломок амфоры, фрагменты мисы-сырницы, костяное острие обычного типа и обломок небольшого точильного камня из черного сланца.

Кроме керамики в северной части землянки найдены большой клык кабана со следами употребления и пряслице из черепка глиняной посуды.

Землянка *2*. Остатки землянки *2* открыты в 0.2—0.3 м севернее ямы предыдущей землянки. Они имели вид прямоугольной ямы, ориентированной по странам света и вытянутой с севера на юг. Размеры северной стенки ямы составляли 3.05 м, восточной — 3.7 м, южной, неправильной и прорезанной в средней части проходом в землянку *1*,— 3 м и западной — 4.15 м. Глубина ямы достигала 0.75—0.80 м; ее пол, благодаря подъему местности, находился на одном уровне с полом землянки *1*. По всем углам, а также у северной стены у прохода в землянку *1*, в полу землянки встречены округлые ямы от столбов, диаметром 30—40 см и глубиной 20—25 см. У западной и восточной стен ямы имели удлиненные очертания; их длина достигала 1 м, ширина 0.15—0.20 м, глубина 0.20—0.25 м. Вдоль восточной и западной стен прослеживались следы сгоревшего дерева.

Вся северо-восточная половина землянки была занята камнями распавшегося очага, среди которых встречались куски обожженной глины. Под камнями в северо-восточном углу помещения в полу открыто овальное очажное углубление размером 30 × 50 см, глубиной около 5 см. В его пределах и по краям земля была сильно обожжена.

Среди камней около очага встречено много обломков глиняной посуды, из которых удалось собрать сосуд, описанный на стр. 95. Найдены обломки кувшина, тарелок и «противней». Из других находок здесь представлены костяная рукоятка ножа, «тупик» из ребра быка, волчий клык со сверлиной и два глиняных пряслица.

Землянка *3*. Наиболее сложными в раскопе I оказались остатки землянки *3*, представляющие собой остатки двух разновременных, расположенных одна на месте другой землянок. Первоначально здесь была выкопана яма размером 4.5 × 4.6 м, расположенная строго параллельно северной стене землянки *2* и отделенная от последней земляной стенкой шириной 0.20—0.25 м. Глубина ямы землянки *3* в грунте составила 1.2—1.5 м. Ее пол находился несколько ниже пола землянки *2*. Эта яма служила основанием жилища, на что указывают остатки каменного очага в ее северо-восточном углу. Под восточной стенкой ямы в полу открыто овальное углубление от столба, размером 25 × 35 см и глубиной до 20 см.

Более поздняя постройка, занимавшая центральную часть этой же ямы, имела меньшие размеры, а именно 2.75 × 3.3 м. Ее пол лежал на уровне пола предыдущей землянки. Расстояние между деревянными стенами новой постройки и стенками первоначальной ямы было засыпано песком. Для очага нового жилища были частично использованы камни разрушенного очага предыдущего жилища. Очаг и здесь располагался в северо-восточном углу, он имел вид кучи обожженного камня.

В северо-восточном углу более новой постройки, в полу, открыта округлая яма от столба, диаметром около 20 см и глубиной до 15 см. В других углах и у стен ям от столбов не встречено.

В центре землянки, в полу, оказалось неправильное овальное углубление, заполненное черным слоем, вытянутое с юга на север, длиной 1 м, шириной 0.6 м и глубиной 0.22 м в северной части и 0.44 м в южной. Что представляло собой это углубление и к которой из двух построек, бывших на этом месте, оно относится — осталось неизвестным.

На дне землянки *3* не было сделано никаких находок за исключением отдельных обломков глиняной посуды. В заполнении ямы найдены железный рыболовный крючок, глиняное грузило и части двух горшков, изготовленных на гончарном круге, один из которых, представленный значительным числом обломков, описан на стр. 95.

Землянка *4*. Остатки большого помещения, служившего для обработки железа, открытые в раскопе II, имели вид более или менее правильной прямоугольной ямы, вытянутой с севера на юг, с отвесными стенками и ровным полом, несколько покатым по направлению к югу. Как и все предыдущие, яма помещения *4* была ориентирована почти точно по странам света. Длина северной стены составляла 3.5 м, западной — 6.48 м, южной — 3.15 м; северная сторона, к которой примыкали землянки *5* и *6*, имела длину 6.67 м. Глубина ямы в материке, вследствие неровности местности, варьировала от 0.50 до 0.85 м.

Северная стенка ямы на всем протяжении граничила с выемкой в грунте, имеющей вид ступени шириной до 60 см. Высота ступени над уровнем пола составляла 52 см; в грунт она углублена на 25—30 см. В полу землянки

открыто шесть углублений от столбов, расположенных без особой правильности. Вдоль западной стены находились три ямы: одна в юго-западном углу, овальная, размером 50 × × 60 см и глубиной 30 см, вторая в 2 м от юго-западного угла, округло-прямоугольная, диаметром 70 см, глубиной 35 см, и третья в 3.7 м от того же угла, круглая, диаметром 35 см, глубиной 25 см. Вдоль восточной стороны землянки находились две ямы, круглая, в 1.3 м от северо-восточного угла, диаметром 35 см, глубиной 25 см и удлиненная в 2.5 м от того же угла, размером 30 × 85 см и глубиной 30 см. Последняя, шестая, яма находилась под южной стенкой, в 1.5 м от юго-западного угла; ее форма в плане прямоугольная, размеры 55 × 65 см, глубина 20 см.

Северо-западный угол постройки был занят скоплением железных шлаков и кусков руды, среди которых встречались угли, кости животных и обломки глиняных сосудов. Здесь же, в пределах скопления, у западной стены ямы встречена куча пережженных камней, представляющая собой, повидимому, остатки разрушенного очага, место которого осталось неизвестным.

На полу землянки в разных местах встречены три прясла от веретен, бронзовое височное колечко, описанное на стр. 99, отрезок рога северного оленя и пест из круглого валуна. В центре землянки лежал в обломках глиняный сосуд, разбитый еще в древности, но тогда же восстановленный, о чем говорят многочисленные парные отверстия у старых трещин (стр. 95). В пределах скопления шлаков и руды найдены два миниатюрных сосудика; один из них имеет ямочный орнамент по плечикам (стр. 96). Встречены также обломки тарелок, мис-сырниц и амфоры из красной глины.

Особо следует отметить несколько фрагментов глиняных сосудов, по общему характеру не отличающихся от другой лепной керамики, со сквозными отверстиями у венчика.

Керамика этого типа в значительном числе была найдена на Большом Боршевском городище (стр. 45).

Землянка *5*. К восточной стене землянки *4* примыкали два небольшие, квадратные помещения *5* и *6*, служившие несомненно в качестве жилищ. Первое из них, отделенное от северо-восточной части предыдущей землянки стенкой шириною 10—20 см, располагалось таким образом, что его западная сторона подходила к восточной стене землянки *4* на протяжении 2.05 м. Как и предыдущие, землянка имела вид ямы с отвесными стенками и ровным полом, лежащим на одном уровне с полом предыдущего помещения. Длина северной стенки землянки составляла 3.82 м, восточной — 3.75 м, южной — 3.70 м, общая длина западной стороны — 3.85 м. Глубина ямы в грунте — 0.6 м. В полу ямы встречено три углубления от столбов: прямоугольное, у северной стены, размером 45 × 52 см, глубиной 46 см; круглое, в северо-восточном углу, диаметром 45 см, глубиной 32 см, и неправильно-округлое у восточной стены, диаметром 35 см и глубиной 25 см.

Всю северо-восточную половину землянки занимали кучи камней разрушенного очага или печи-каменки. В северо-восточном углу под камнями в полу было открыто прямоугольное очажное углубление, размером приблизительно 50 × 70 см и глубиной до 10 см. Внутри углубления и по краям его земля была сильно обожжена.

В пределах землянки найдены три округло-биконические глиняные прясла, зуб медведя со сверлиной для привешивания, крупная буса из голубовато-зеленоватого стекла, в форме спирали (стр. 99), обломок железного предмета и фрагменты глиняной посуды обычного характера.

Землянка *6*. Второе жилое помещение, открытое в раскопе II, непосредственно примыкало к восточной стороне землянки *4*, ближе к ее юго-восточному углу. Его остатки имели вид несколько неправильной прямоугольной ямы, ориентированной почти точно по странам света. Длина северной стены составляла 2.95 м, западной — 2.72 м, южной — 3.03 м и восточной — 2.48 м. Глубина в песчано-глинистом материке была равна 0.50—0.55 м, но вследствие падения древней поверхности уровень пола лежал на 0.30 м ниже, чем в землянке *4*. Друг от друга землянки отделялись неровной ступенью.

Остатки печи-каменки, сложенной из плиток песчаника и известняка, обнаружены в юго-западном углу помещения. В полу тут имелось овальное углубление, размером 35 × 50 см и глубиной до 5 см, наполненное золой и углем. Вокруг него компактной массой лежали камни и куски пережженной глины, частью сохранившие свое первоначальное положение.

На дне землянки найдены три округло-биконические глиняные прясла, какая-то незаконченная костяная поделка, напоминающая рукоятку, фаланга лошади со срезанным основанием, кусок рога и обломки обычной керамики, среди которой обращает на себя внимание часть горловины большого кувшина ручной работы.

Яма. Около восточной стены помещения *4*, между землянками *5* и *6*, была обнаружена овальная яма, с плоским дном, размером 0.85 × 1.05 м и глубиной в материке 0.4 м, наполненная черной гумусной землей. В яме плотным слоем лежали кости животных, главным образом обломки ребер крупного рогатого скота, а также фрагменты керамики обычного характера.

РАСКОПКИ ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ В 1933—1934 гг. НА КУЗНЕЦОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

I

В 1932 г. на территории Кузнецовского городища было начато сооружение корпусов дома отдыха, законченное в 1934 г. Корпуса были воздвигнуты вдоль северного склона городища, обращенного к р. Воронежу, на площади около 1500 кв. м рядом с местом раскопок 1932 г.

В связи с этим сотрудниками Воронежского областного музея Н. В. Валукинским и И. Д. Смирновым были проведены работы по исследованию землянок, обнаруженных в процессе строительства. Ими были за эти годы раскопаны остатки двенадцати жилищ и других сооружений. Кроме того, были обследованы остатки восемнадцати других древних построек, целиком или частично разрушенных при строительстве.

Остатки сооружений, исследованные путем раскопок, принадлежат постройкам трех категорий. Большинство из них является остатками полуземляных жилищ, аналогичных исследованным в 1928 г. Три другие сооружения, расположенные рядом, представляли собой небольшие углубленные в землю постройки, служившие хранилищами для зерна и, вероятно, других запасов. Последние три постройки служили для обработки железа.

Остатки землянок *А* и *Б* были исследованы в 1933 г. уже после того, как их прорезали траншеи для фундаментов зданий.[1] В землянке *А*, сохранившаяся стена которой имела длину 3.3 м, был обнаружен очаг из плит песчаника и рядом с ним глиняный сосуд грубой ручной работы высотой 12.5 см и диаметром горла 10 см. Землянка *Б* имела в плане размеры 3 × 3.2 м. В заполнении, помимо костей и обломков керамики, были найдены: бронзовая спиралька и бубенчик, близкие вещам из тамбовских могильников IX—X вв., грузило из глины и обломок бруска.

Значительно лучше сохранились остатки других жилых сооружений. Таковыми являются, прежде всего, землянки *В*, *Г* и *Д*, исследованные в 1934 г.

Остатки землянки *В* имели вид прямоугольной ямы, глубиной в грунте 0.70—0.85 м, со сторонами размером: северная 3.25 м, южная 3.15 м, восточная 2.9 м и западная 3 м. По всем углам и у трех стен в полу ямы обнаружены следы углублений от вертикальных столбов. В южном углу землянки находилась груда камней от очага. С востока к этой землянке примыкало помещение *Д*, отделенное от нее стенкой шириною 40—50 см. Между землянками как будто бы имелся проход. На полу землянки *В* были найдены железный наконечник копья с согнутым острием (табл. XVIII, *1*), бронзовая пластинка, небольшая железная скобка, обломки керамики и кости животных.

Землянки *Г* и *Д* удивляют своей формой. Одна из них имела в плане вид неправильного прямоугольника, другая приближалась к ромбу. Совершенно очевидно, что жилища не могли иметь подобных очертаний и эту их странную форму следует объяснить тем обстоятельством, что здесь, у склона городища произошло некоторое сползание верхних слоев грунта.

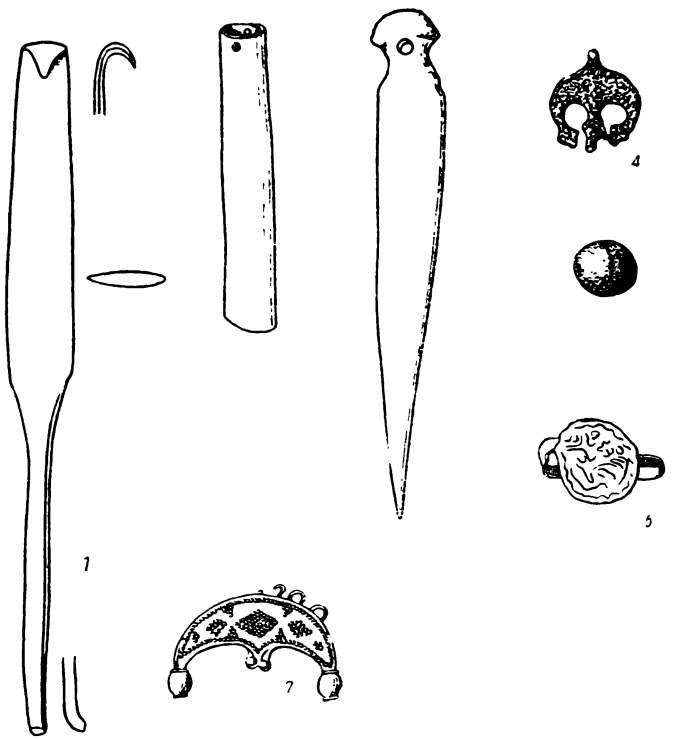
Ромбическая в плане землянка *Д*, соединенная переходом с жилищем В, была углублена в грунт на 0.95—1.05 м. Длина ее северной стены 4.10 м, южной — 3.89 м, восточной — 3.70 м, западной — 4 м. По всем четырем углам выявлены следы ям от столбов, отсутствующие у стен. Остатки разрушенного очага из камней находились в северо-восточном углу. В очаге были найдены обломки большого круглого жернова и два любопытных глиняных сосуда в виде низких мисок, вылепленных от руки и неправильных по форме. Диаметр сосудов 12—13 см, высота 4—5 см.

На полу землянки у северной стены обнаружен бронзовый, впоследствии распавшийся предмет, по словам исследователей, имевший вид игольника. Он состоял из тонких деревянных пластинок, обложенных сверху листами бронзы.

Наиболее интересные находки дала землянка *Г* Ее неправильная яма была углублена в грунт на 1—1.05 м, длина северной стены составляла 4.1 м, южной — 4.4 м, восточной — 3.3 м и западной — 4 м. По трем углам и у двух стен были обнаружены следы столбов. Куча камней от очага находилась в юго-восточном углу помещения. Около восточной стены на дне землянки лежали остатки обугленного бревна. Сгоревшее дерево в виде скоплений угля было найдено и в других местах в нижних слоях засыпи землянки. Повидимому, постройка погибла от пожара. В центре жилища на площади 1 кв. м лежали обгорелые зерна пшеницы. Здесь же были обнаружены обгорелое бобовое зерно и две обугленные скорлупы лесных орехов. Среди зерен были найдены золотой перстень с массивным щитком, имеющим вид круглого медальона с грубой орнаментацией, в которой

[1] В отчете Н. В. Валукинского и И. Д. Смирнова, где описываются остатки всех тридцати сооружений, землянка *А* обозначена № 3, *Б* — № 9, *В* — № 23, *Г* — № 24, *Д* — № 25.

ТАБЛИЦА XVIII



Кузнецовское городище. Изделия из металла и кости.

нельзя, однако, уловить никакого правильного узора (табл. XVIII, *6*), и костяное острие обычного характера (табл. XVIII, *3*). Здесь же находилась удлиненная бронзовая пластинка, сложенная втрое. Среди крупных костей животных, лежащих в разных местах на полу землянки, обращает на себя внимание череп быка, находившийся на обломках глиняного сосуда в форме противня, диаметром около 1 м и высотой 0.20—0.25 м. На обломках противня были обнаружены обгорелые зерна пшеницы. Наконец, следует еще отметить глиняный сосуд в форме обычного горшка, найденный около южной стены землянки.

Западнее этих землянок были обнаружены остатки еще четырех сооружений, одного обычного по размерам, вероятно жилого (*E*), и трех хозяйственных — *I*, *II*, *III*.[1] Особенно интересными оказались остатки одного из последних, обозначенных цифрой *I*. Они имели вид прямоугольной ямы, размером 1.25 × 1.50 м, углубленной в грунт на 0.35—0.60 м. По углам ямы оказались следы углублений от столбов. Пол ямы был выстлан берестой, остатки которой обнаружены под скоплением обугленных зерен пшеницы, собранных здесь в количестве до 16 кг. Здесь же лежали обломки нескольких обычных глиняных горшков больших размеров (рис. 48).

Несколько хуже сохранилось второе такое же зернохранилище (*II*). Оно также представляло собой углубленную в землю постройку, размером 1.35 × 1.40 м и глубиной 1.05 м. С одной стороны яма имела прямоугольное расширение размером 0.6 × 0.7 м, представляющее собой, повидимому, остатки входа в помещение. В одном из углов на полу встречены следы углубления от столба. На полу помещения было обнаружено до 20 кг обугленных зерен пшеницы, железное острие, глиняное прясло и обломки разбитой глиняной посуды.

Не вполне ясным является назначение третьей маленькой постройки. Ее остатки имели вид ямы размером 1.07 × 2.03 м и

[1] В отчете о раскопках сооружение *I* описано под № 26, *II* — под № 22.

глубиной 1 м. На дне ямы оказались остатки большого очага из плит известняка, сложенных на глине, а над ними обломки большого глиняного противня из грубой полдревалой глины с днищем толщиной до 4 см и стенками высотой 14 см и толщиной 1.5—3 см. Сосуд имел округлые очертания; его диаметр составлял приблизительно 0.5 м. Воз-

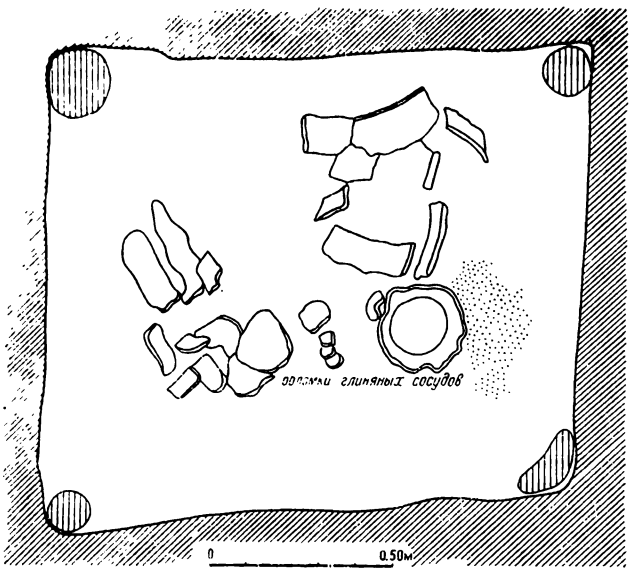


Рис. 48. Кузнецовское городище. План постройки *1*.

можно, что это помещение служило для выпечки хлеба. Помимо обломков противня здесь были найдены сглаженный рог оленя со спиленным основанием и срезанными отростками, кабаний клык и маленькая бронзовая лунница (табл. XVIII, *4*).

Последние три сооружения служили для обработки железа. По своей конструкции они мало отличались от обычных жилищ и, возможно, даже совмещали функцию жилища и мастерской. Что их сразу отличало от остатков обычных жилых сооружений — это огромное количество железного шлака как на дне землянок, так и вокруг них.

Остатки сооружения, названные мастерская *1*, имели вид прямоугольной ямы правильных очертаний, размером 2.8 × 3.2 м и глубиной 0.5 м. По углам и у стен обнаружены обычные углубления. В засыпи, помимо шлаков, было встречено большое число крупных расколотых камней и куски железной руды. Последние были обнаружены и на дне ямы среди камней совершенно разрушенного очага. Шлака на дне землянки собрано до 80 кг; во многих кусках шлака вкраплен древесный уголь.

Находками, указывающими, что помещение одновременно служило и жилищем, являются многочисленные обломки обычной глиняной посуды, три костяных острия и железный нож.

Мастерская *2* была расположена рядом с остатками жилища *Б* и отделена от последнего земляной стенкой шириной 0.45—0.50 м. В заполнении ямы здесь встречены зола, уголь и железные шлаки. Северная часть землянки была нарушена, однако ее размеры удалось полностью восстановить; они составляли 3.5 × 3.7 м. По западной стене землянки сохранились следы деревянной облицовки в виде обгорелых бревен, лежащих друг на друге в горизонтальном положении. Их придерживали два вертикальных столба. Вокруг остатков сооружения, несомненно погибшего от пожара, земля была сильно обожжена.

Значительная часть пола землянки была покрыта камнями разрушенного очага, имевшего, судя по количеству камня, очень большие размеры. Под очагом, где грунт был сильно обожжен, обнаружено земляное возвышение в поперечнике около метра и высотой от 5 до 15 см с небольшим углублением в центральной части. В углублении было найдено несколько кусков глиняных «приемников» для кричного железа. Они встречались и в других местах землянки среди камней очага вместе со шлаками и кусками железной руды. Обращают на себя внимание многочисленные плиты известняка относительно правильной формы, лежавшие вокруг земляного возвышения. Авторы раскопок полагают, что из этих плит на глине складывалась печь для плавки железа из руды, разрушаемая после каждой плавки для извлечения железа, скопившегося на дне печи в «металлоприемнике».

Мастерская *3*, как и мастерская *1*, являлась одновременно и жилищем (рис. 49). Ее остатки имели вид правильной прямоугольной ямы со сторонами размером: северная 4.05 м, южная 3.80 м, восточная 3.78 м и западная 3.90 м, глубиной 0.80 м. По трем углам и у всех четырех стен открыты следы ямок от столбов, придерживающих деревянную облицовку помещения, обугленные остатки которой обнаружены в северо-западном углу сооружения. Остатки разрушенного очага были расположены в северо-восточном углу. По мнению лиц, производивших раскопки, очаг этой постройки близко напоминал очаг мастерской *2*. В очаге найдены обломки глиняной посуды обычного характера, кости и маленький железный ножик.

Ценная находка была сделана в северо-западном углу землянки около углубления от

оголовья. Там была найдена серебряная лунница с шариками на концах, орнаментированная геометрическим узором, выполненным чернью (табл. XVIII, 7).

Таким образом, исследования 1933—1934 гг. вскрыли весьма интересную часть городища, в которой были сосредоточены не только жилища, но и другие хозяйственные и производственные постройки.

Остатки большого помещения для обработки железа, в котором, быть может, производилась и выплавка его, были встречены и во время раскопок 1928 г., однако судить о производственом процессе на этом основании не представлялось возможным. Здесь же в сооружениях, исследованных в 1933—1934 гг., погибших некогда от пожара вместе с соседними помещениями для хранения зерна, процесс выплавки железа восстанавливается относительно хорошо.

Выходы железных руд в окрестностях городища имеются в ряде мест.[1] Рядом с городищем, около Лысой горы, имеются залежи бурых железняков четвертичного возраста. Однако, по произведенным исследованиям, этот железняк содержит малый процент железа и вряд ли мог служить материалом для выплавки железа. Несколько дальше от городища, вниз по реке, в районе г. Воронежа, около б. Алексеевского монастыря и вверх по реке, около Михайловского кордона, имеются выходы также четвертичных по возрасту, но сравнительно богатых железом руд. Вероятно, они и служили сырьем для выплавки железа на городище, что подтверждается анализом руды, найденной в описанных нами землянках. Процесс получения железа в эту эпоху, повидимому, ничем не отличался от широко распространенных вплоть до XVI—XVII вв. кустарных приемов выплавки кричного железа из болотных руд.

Воронежским областным музеем был произведен химический и металлографический анализ кусков железа, полученных при раскопке.[2] Данные анализа не только характеризуют качество железа, но дают возможность выяснить еще некоторые интересные детали производственного процесса. Состав железа, полученного в результате дальнейшего прокаливания и проковывания, т. е. уже готового для выделки изделий, оказался следующим (в %):

Железа	83.11
Кремния	15.50
Марганца	0.24
Фосфора	1.05
Серы	0.10

Анализ говорит, что железо плавилось на древесном угле. Интересен большой процент фосфора, облегчающего плавку железа, который в данном случае не мог явиться естественной примесью, а был привнесен в печь извне, как полагают авторы раскопок, в виде раздробленных костей животных.

Металлографический анализ железного острия, найденного на городище, показал, что

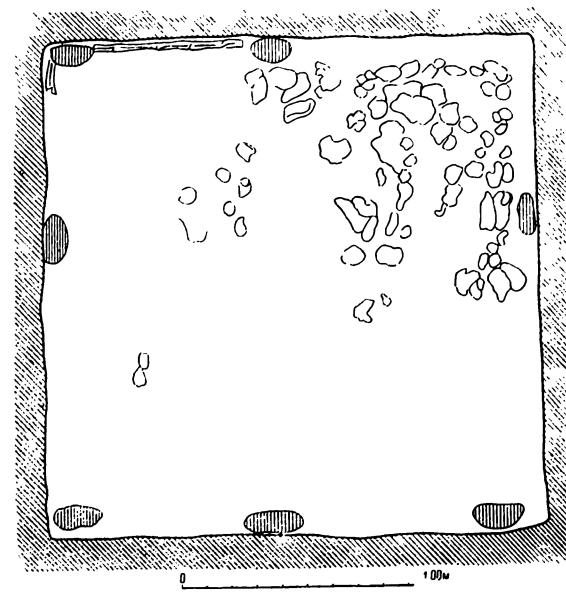


Рис. 49. Кузнецовское городище. План мастерской

оно изготовлено путем ковки из очень мягкого, сильно загрязненного неметаллическими включениями (кремний) железа, причем любопытно, что структура металла у поверхности и внутри изделия оказалась несколько различной. У поверхности обнаружена некоторая обуглероженность железа, говорящая о том, что изготовленный путем ковки из мягкого железа предмет впоследствии примитивным способом закаливался, в результате чего верхний слой металла становился более твердым.

Шлаки, найденные при раскопках, являются теми отходами, которые получались в огромном количестве при описанном выше способе выплавки железа. Встреченные в мастерских десятки килограммов шлаков не определяют, однако, действительных масштабов производства железа. Как установлено, шлак сбрасывался под гору, на берег р. Во-

[1] Приведенные ниже данные получены от Воронежского областного музея.

[2] Анализ произведен в лаборатории Юго-восточных ж. д.

ронежа, где при исследовании были обнаружены по склону и на берегу огромные скопления шлаков. Они говорят о том, что в данном месте выплавка железа производилась систематически, вероятно в течение долгого времени.

Сооружения для хранения хлебных запасов, обнаруженные в 1933—1934 гг., также весьма интересны, особенно если принять во внимание большое количество сохранившихся в них в обгорелом виде зерен. По исследованию покойного К. А. Флаксбергера найденные в обоих хранилищах и в землянке *№ 24* зерна принадлежат мягкой пшенице (*Triticum vulgare* Vill.), исключительно пестрой по размеру зерен и сильно загрязненной семенами различных сорняков.

Из находок, сделанных на городище в 1933—1934 гг., обращают на себя внимание украшения: золотой перстень, серебряная, покрытая зернью подвеска в виде лунницы и маленькая бронзовая лунница.

Другие находки, сделанные во время раскопок: глиняные прясла, костяные острия, железные предметы, точильные камни, не представляют собой ничего нового по сравнению с материалом, полученным во время раскопок 1928 г. По словам рабочих, рывших котлованы для фундаментов дома отдыха, ими еще до начала работ Воронежского областного музея были найдены два железных серпа, металлический браслет, много осколков керамики, камни от очагов, кости и пр. Эти находки были утеряны, и о них нельзя сказать ничего определенного. В 1932 г. на городище, рядом с местом постройки корпусов дома отдыха, к востоку от него, были найдены шесть любопытных изделий из глины в виде прямоугольных в основании и закругленных в верхней части усеченных пирамидок со сквозным поперечным отверстием на половине высоты. Высота пирамидок в среднем 10 см, поперечник основания 9 см, диаметр отверстия 1.5 см. Их интересной деталью являются неглубокие бороздки, идущие у четырех пирамидок вдоль всех четырех граней, у остальных — вдоль двух граней, что ясно видно на рис. 50. Назначение этих глиняных предметов не ясно. Пористая глина, из которой они изготовлены, исключает возможность рассматривать их в качестве грузил для сетей. Более всего они напоминают глиняные или деревянные парные подставки, известные и из этнографии, отверстия в которых служат упором для концов веретена при разматывании нити.

Рис. 50. Кузнецовское городище. Глиняные пирамидальные блоки с отверстиями.

ГОРОДИЩЕ У МИХАЙЛОВСКОГО КОРДОНА

Вверх по р. Воронежу, в 2.5—3 км от Кузнецовского городища, на том же правом высоком берегу реки, расположено другое городище, отличающееся своими огромными размерами. Вдоль берега оно тянется на 700 м, в глубину берега почти на километр. Площадь городища составляет 750—800 тыс. кв. м.

Оно занимает неправильный по форме, прямоугольно-трапециевидный участок коренного берега, ограниченный с востока обрывом к реке, с юга широким и глубоким старым оврагом, отделяющим городище от Лысой горы, на которой расположен курганный могильник. С северной стороны городище ограничено еще более глубоким и крутым оврагом; наконец с запада, там, где площадь городища примыкает к массиву коренного берега, располагаются искусственные укрепления: валы и рвы (рис. 51). В устье оврага, отделяющего городище от Лысой горы, находится лесная сторожка, известная под наименованием Михайловского 2-го кордона. От сторожки через городище по небольшому оврагу проходит проезжая дорога, соединяющая Михайловский кордон с селениями, лежащими в глубине берега.

Рис. 51. Городище у Михайловского кордона. Схематический план. Съемк С. Н. Замятнина.

Искусственными фортификационными сооружениями городища, как это видно на плане, являются два вала и два рва, причем первые ров и вал ограничивают площадь городища с запада, вторые же располагаются внутри городища, рассекая его площадь на две более или менее равные части. Гораздо лучше сохранились наружные вал и ров. Они тянутся дугообразно на протяжении 750 м, упираясь концами в склоны оврагов, которыми заканчивается площадь городища с северной и южной сторон. Высота вала достигает 1—1.5 м при ширине основания в 6—7 м. Ров, расположенный снаружи вала, почти совершенно заплыл; его глубина равна в среднем 0.5 м при ширине 5—6 м. В укреплении ясно видны следы трех ворот шириной в 4—5 м.

Внутренние вал и ров сильно оплыли и местами еле заметны. Они прослеживаются в форме неправильного полукруга от вершины небольшого овражка, занимающего юго-восточный угол городища, к противоположному северному склону. Длина линии укрепления составляет около 450 м. Вероятно, в валу также было несколько ворот, но удалось обнаружить следы одних в южной части вала.

Можно полагать, что плохая сохранность внутренних вала и рва не является случайной. Повидимому, линии укрепления не приходится считать существовавшими одновременно. Внутренние вал и ров следует рассматривать как более древнее укрепление, потерявшее свое значение после того, как поселение разрослось за черту этих укреплений. Здесь, следовательно, наблюдается то же явление, какое было констатировано на северном и южном боршевских городищах. Приходится думать, что и там первоначально поселки могли находиться в пределах укреплений, расположенных на отрогах коренного берега, позднее же заселенными оказались и большие пространства вокруг. Однако уже первоначальная величина поселка у Михайловского кордона, огромные размеры самого городища и иной характер его укреплений (несвязанность поселения с береговым мысом — отсюда чрезвычайная длина вала) заставляют видеть в этом памятнике явление, не вполне тождественное с ранее описанными городищами.

По всей площади городища, в обеих его частях, заметны прекрасно сохранившиеся следы жилищ в виде глубоких более или менее квадратных западин. Глубина западин достигает 1 м; размеры в плане приблизительно 4 × 4 м. В расположении остатков жилищ можно заметить известную систему. Иногда они идут рядами, образуя как бы улицы, перемежающиеся свободными пространствами; местами западины располагаются в виде компактных групп. К сожалению, густая лесная поросль, покрывающая все городище, не дала возможности фиксировать расположение остатков жилищ на плане.

Следует еще добавить, что за редкими исключениями все остатки жилищ ориентированы одинаково, а именно почти точно по странам света. Вспомним, что на северном Боршевском городище жилища также были ориентированы по странам света. То же самое наблюдалось на Малом Боршевском и Кузнецовском городищах.

Для исследования были выбраны остатки двух жилищ, расположенные в южной части городища, на просеке, проходящей вдоль городища перпендикулярно к обрыву берега. Одно от другого эти жилища отстояли на 20 м.

В пределах обоих раскопов культурные наслоения вне жилищ оказались вполне аналогичными. Под дерновым слоем, не отличаясь от него по окраске, лежит однородный по строению черный почвенный слой мощностью около 0.5 м. Слой пронизан бесчисленным множеством корней деревьев и кустарников, покрывающих городище. Несмотря на свою интенсивную черную окраску, слой в обоих раскопках почти не содержал находок за исключением нескольких десятков мелких обломков грубой глиняной посуды и костей животных. Подстилающим почвенный (и, что то же, культурный) слой горизонтом является желтая супесь, как это имеет место и на Кузнецовском городище. На ее фоне ямы полуземлянок были ясно видны в виде прямоугольных пятен черного цвета.

Землянка *1* в плане имела вид правильного квадрата со сторонами в 4.05—4.30 м, ориентированными почти точно по странам света. Отклонение в направлении стен ямы от меридиана составляло не более 10°. Глубина ямы в грунте в западной части равнялась 1.43 м, в восточной — 1.12 м. Эта разница объясняется расположением остатков жилища на пологом склоне. Дно ямы совершенно горизонтально, стенки почти вертикальны (рис. 52). В засыпи ямы в верхних горизонтах было найдено несколько черепков и костей животных; глубже в засыпи находок сделано не было. Никаких находок не было сделано и на дне землянки.

Для выяснения характера жилой постройки эта землянка не дала определенных указаний. В ее полу не было встречено ям от столбов; равным образом не было найдено и остатков дерева. Единственно, что можно отметить здесь,— это проход в соседнюю землянку, расположенный в юго-западном углу помещения (в его западной стене) и несколько углубленный в материк, а также очаг, или вернее остатки печи-каменки, расположенные в северо-восточном углу. Печь была сложена из мелких камней (10 см в поперечнике) в форме прямоугольника размером 1.4 × 1 м. Устье ее обращено к южной стене. Размеры квадратного пода печи 0.7 × × 0.7 м. По форме она напоминала печь из землянки *1* северного Боршевского городища. Среди камней встречены угли, зола и куски обожженной глины. Здесь же найдено несколько костей мелкого рогатого скота. В центре землянки на полу лежал небольшой валун.

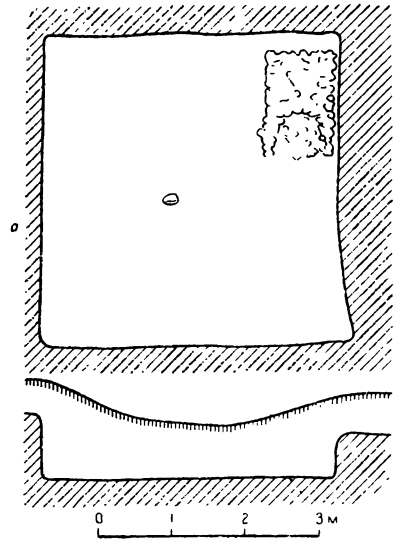


Рис. 52. Городище у Михайловского кордона. План землянки *1*.

Остатки землянки *2* оказались еще более бедными по находкам и маловыразительными по своим деталям. Выкопанная в грунте на глубину 1.20—1.25 м прямоугольная яма имела несколько неправильные углы; длина ее северной стенки составляла 4.3 м, восточной — 4.5 м, южной — 4.6 м и, наконец, западной — 4.45 м. Характер заполнения не отличался от заполнения предыдущей землянки. В верхних его горизонтах также были сделаны находки нескольких обломков керамики и костей животных. Очаг был расположен в северо-западном углу помещения. Он не являлся печью, как в предыдущей землянке, а представлял собой простейший очаг,

остатки которого имели вид скопления угля, золы и мелких камней. Земля под скоплением и вокруг него была обожжена до красного цвета. Следов какого-либо прохода в соседние помещения в жилище 2 обнаружено не было (рис. 53).

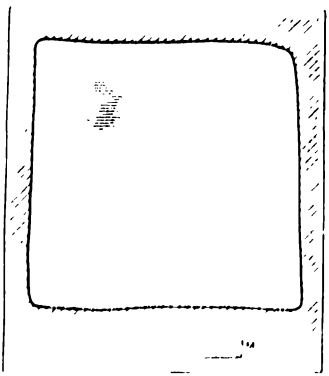


Рис. 53. Городище у Михайловского кордона. План землянки 2.

Для такого огромного памятника, каким является городище у Михайловского кордона, насчитывающее в своих пределах многие сотни, а возможно и тысячи остатков жилищ и других построек, исследование двух жилищ является совершенно недостаточным. Полученные данные ни в какой мере нельзя распространять на другие не исследованные жилища городища. Помимо того, на основании раскопок 1928 г., почти не давших вещественного материала, вообще трудно говорить о бытовых особенностях населения древнего поселка, имевшего по своим размерам характер почти городского поселения. Для каких-либо выводов в этом направлении необходимы более значительные раскопки жилищ и других сооружений городища.

Рекогносцировочные исследования 1928 г. дают все же возможность утверждать, что городище у Михайловского кордона, несомненно, принадлежит той же эпохе, что и другие исследованные в 1928—1929 гг. памятники. Оно примыкает к этим памятникам по всему облику своих культурных остатков. На некоторые из общих им черт мы уже обращали внимание выше: сами жилища по своему характеру, размеру и расположению целиком отвечают тому, что имело место на других городищах. К тем же выводам мы приходим на основании изучения того немногочисленного вещественного материала, который был обнаружен в культурном слое и в заполнении ям землянок.

При раскопках было найдено до 50 обломков глиняной посуды, несколько десятков костей животных, куски обожженной глины из очагов, два куска железного шлака и обломок продолговатого камня со следами заплифовки. Наибольший интерес среди этого материала представляет керамика, целиком повторяющая материал других воронежских городищ.

Подавляющее большинство (43 экз.) обломков керамики принадлежало средним и крупным по размеру горшкам группы А, среди которых имелся один крупный горшок, орнаментированный по плечику отпечатками зубчатого чекана, образующими узор в виде городка. Венчики многих горшков были орнаментированы обычными для керамики группы А приемами. Один обломок принадлежал сосуду с орнаментом в виде ряда неглубоких ямочных вдавлений, проходящих по шейке сосуда.

Керамика группы Б, по не особенно характерная, худшей выделки, чем боршевская, представлена пятью обломками, принадлежащими нескольким различным сосудам средней величины. Привозная керамика встречена в числе двух обломков, один из которых представляет собой больной фрагмент стенки красного глиняного кувшина, подобного кувшинам, происходящим из боршевских курганов; второй обломок является частью ручки возможно такого же кувшина. Наконец, имеется один обломок горшка, изготовленного на гончарном круге и покрытого линейной и волнистой орнаментацией. Он также близко напоминает аналогичную посуду Боршевского городища.

Костные остатки, найденные на городище, вследствие их малочисленности, не приходится рассматривать как полноценный научный материал. Результаты их изучения показали, что состав костных остатков городища у Михайловского кордона в основном не отличается от соответствующих материалов воронежских городищ.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ ОКОЛО КУЗНЕЦОВСКОГО ГОРОДИЩА

I

Выше по р. Воронежу, на соседнем с Кузнецовским городищем отроге высокого правого берега реки, расположен большой курганный могильник, состоящий свыше чем из 200 насыпей. Участок берега, на котором он находится, известен в г. Воронеже под именем Лысой горы. Курганные насыпи однообразной полушарообразной формы, высотой от 0.5 до 2 м, при диаметре от 6 до 10 м окружены по основанию чуть заметными канавками. Курганы расположены очень тесно, многие насыпи соприкасаются друг с другом основаниями. В настоящее время могильник покрыт густым мелколесьем, не дающим возможности точного подсчета курганов и съемки плана могильника. Курганы расположены вдоль берегового обрыва на протяжении до 250 м, не удаляясь от берега более чем на 60—70 м. Следует упомянуть, что значительная часть Лысой горы энергично подмывается р. Воронежем, и несомненно, что многие курганные насыпи уже подверглись разрушению.

Курганный могильник на Лысой горе известен давно и в течение многих десятков лет являлся местом пробы сил воронежских археологов и любителей старины. Многие насыпи поэтому носят на себе следы старых ям, обычно небольших, не превышающих 1—1.5 м в поперечнике. В Воронежском областном музее имеется несколько целых и фрагментированных грубых глиняных сосудов, происходящих из курганов Лысой горы. Большинство же добытого материала, повидимому, оставалось на руках у лиц, производивших раскопки. Не имеется также от этих старых раскопок никаких документальных материалов.

В 1906 г. раскопки курганов на Лысой горе производились членами Воронежской архивной комиссии. Ими было вскрыто восемь курганных насыпей, расположенных, повидимому, в западной части могильника, ближе к краю обрыва коренного берега. Результаты раскопок кратко описаны одним из участников — А. И. Мартиновичем, сообщающим следующее: «В 7 курганах, по снятии верхнего слоя в ¾ и 1½ арш. толщиной, обнаруживалась в западной половине кургана[1] зольная площадка, занимавшая от 1½ до 2 кв. аршин, толщина ее в центре доходила до 2 четвертей, а к краям уменьшалась. На поверхности зольной площадки попадалось значительное количество мелкого и крупного угля, черепки глиняной посуды и необожженные кости крупного рогатого скота; в глубже лежащих слоях золы попадались мелкие осколки жженых, повидимому человеческих, костей... В северо-восточной поле кургана отдельно от зольной площадки, обыкновенно выше грунта, мы находили один горшок с жженными человеческими костями. Горшки обыкновенно черного или темносерого цвета, грубой, повидимому, ручной работы, не вполне правильной формы, высотой от 4 до 7 вершков; венчики короткие, по краю иногда имелся орнамент в виде линейных вырезок... В одном из курганов (8-м) в северо-восточной поле выше дна зольной площадки и вне ее найдено 5 горшков. Из них 4 темной глины (почти черного цвета) стояли рядом друг около друга в одну линию... В двух горшках содержалась зола и жженые человеческие кости, а в двух меньших (один около четверти высотой, а другой — около 3 вершков) кроме земли ничего не найдено. Выше этих горшков в том же кургане косо стоял 5-й узкий горшок серовато-желтой глины, с отбитым ушком, хорошо обожженный, формою напоминающий теперешние молочные горшки. Горшок этот, очевидно, был поставлен позже остальных четырех, так как дно его приходилось между закраинами двух ниже стоявших горшков... В этом горшке содержалась зола и осколки сожженных человеческих костей».[2]

Приведенное описание достаточно полно характеризует структуру и содержание курганов Лысой горы, а также найденную в них глиняную посуду. Не вполне ясным остается лишь вопрос о «зольной площадке», которую А. И. Мартинович склонен рассматривать как остатки кострища, на котором производилось сожжение умершего, после чего часть сожженных костей собиралась в сосуд, который ставился в восточной части кургана. Если такая реконструкция погребального обряда правильна, то лысогорские курганы, за исключением 8-го, не являлись коллективными погребальными сооружениями. Восьмой же курган, где в восточной поле обнаружено пять сосудов, поставленных не в одно время, должен был содержать одно основное сожжение, совершенное на месте, и несколько других, произведенных на стороне. Следовательно, исходя из данных А. И. Мартиновича, лысогорские курганы по обряду погребения значительно отличались от боршевских. Что касается керамического материала, получен-

[1] На уровне горизонта (*Ав.*).

[2] А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. IV, Воронеж. 1908, стр. 64—65.

ного раскопками, то он вполне соответствует керамике городищ IX—X вв., в частности и Кузнецовского городища. Высокий сосуд в виде «теперешнего молочного горшка» также знаком нам по материалам Кузнецовского городища.

В последние годы небольшие раскопки на Лысой горе велись сотрудником Воронежского музея Д. Д. Леоновым. Им также были обнаружены в курганах остатки сожжений и грубая глиняная посуда.

Рядом с Кузнецовским городищем, к северо-западу от него в 250 м, в глубине берега расположена вторая курганная группа, состоящая из 25 насыпей, идущих двумя неправильными рядами. В отличие от скученных лысогорских курганов эти насыпи отстоят сравнительно далеко одна от другой, образуя интервалы в 10—15 и более метров. По форме же и размерам названные курганы вполне соответствуют лысогорским. Вокруг насыпей заметны следы заплывших ровиков. Место могильника в настоящее время заросло многолетним дубовым лесом.

В 1928 г. были произведены раскопки одного кургана на Лысой горе и двух курганов второго, меньшего, могильника. Раскопки имели целью дополнить старые материалы, полученные в результате раскопок, как правило не целых насыпей, а лишь их центральных частей, и выяснить отношение этих могильников к соседним городищам — Кузнецовскому и городищу у Михайловского кордона.

На Лысой горе для раскопок был выбран небольшой курган в южной части могильника, на самом краю обрыва, у начала спуска в овраг, отделяющий Лысую гору от Кузнецовского городища. Высота кургана оказалась равной 1.03 м, диаметр 6.5 и 7 м. Насыпь была сложена из несколько гумусированной желтоватой супеси, представляющей собой тот же материал, что и горизонт подпочвы. Очевидно земля для сооружения насыпи бралась на месте, хотя вокруг кургана следов рва обнаружено не было. Местами в насыпи попадались обломки грубой глиняной посуды.

В расстоянии 1.2 м от центра кургана по направлению к востоку на горизонте обнаружены остатки прямоугольного погребального ящика, вытянутого с запада на восток, аналогичного таким же сооружениям в курганах у с. Боршева. Ящик был сложен из дубовых плашек шириной 12 см, при толщине 4 см, поставленных на ребро. Продольные плашки имели длину 1.1 м, одна поперечная — 0.3 м. С восточной стороны, где ящик примыкал к краю кургана, стенка отсутствовала. Ширина ящика здесь составляла 0.38 м. Внутри него обнаружено много мелких обожженных человеческих костей (рис. 54).

Особенностью лысогорского кургана, отличающей его от боршевских, явилось то, что деревянный ящик оказался обугленным, а под центром насыпи на горизонте лежал мощный (до 25 см) зольный слой с вкраплениями угля. Однако кальцинированных костей в слое золы не было, и утверждать, что сожжение было произведено на месте, на основании данных раскопок этого кургана не представляется возможным. Слой золы и обугливание погребального ящика могли явиться результатом разведения большого огня на месте кургана с иными ритуальными целями. Как известно, такого рода обычай был неоднократно констатирован в русских курганах XI—XII вв. Он рассматривается, обычно, как пережиток обряда сожжения умершего на месте его погребения.

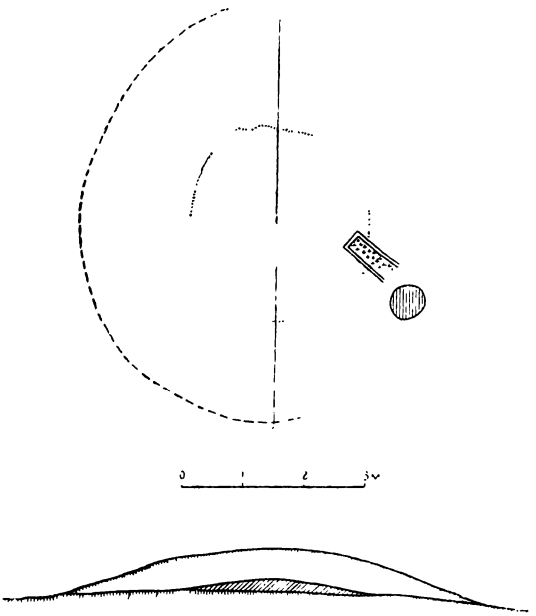


Рис. 54. Курганный могильник на Лысой горе. План кургана *I*.

Другой особенностью, также отличающей лысогорский курган от боршевских, явилась яма, диаметром 50—65 см, глубиной 45 см, с плоским дном и несколько расширяющимися книзу стенками, расположенная в восточной части кургана перед ящиком, непосредственно рядом с ним. В яме, заполненной землей с заметным содержанием органических веществ, обнаружено несколько костей крупного рогатого скота.

Оба кургана, раскопанные во второй, меньшей, группе, оказались очень бедными по со-

держанию. Они были расположены в западной части могильника и отличались небольшими размерами. Высота первого 1 м, при диаметре 9 м. Размеры второго: высота 0.70 м, диаметр 8—8.5 м. Насыпи обоих курганов были сложены из темной гумусной почвы, причем проследить границу между насыпью и поверхностью погребенной почвы не представлялось возможным. Она была ясна лишь в тех местах, где на поверхности погребенной почвы, под насыпью, были обнаружены груды пережженных человеческих костей. Подпочвенный горизонт, лежащий на глубине 20 см ниже поверхности погребенной почвы, состоял из желтоватой супеси. В насыпи обоих курганов были встречены обломки грубой глиняной посуды.

Под восточной частью насыпи в обоих курганах, на уровне погребенной почвы, обнаружены небольшие (диаметр 50 см) кучи пережженных человеческих костей, перемешанных с углем и золой. При костях встречены мелкие обломки глиняных сосудов. Во втором кургане в восточной части, рядом с кучей кальцинированных костей, обнаружена в материке круглая яма, углубленная в подпочву на 0.50 м, диаметром в верхней части около 1 м. Дно у ямы плоское, стенки несколько расширяются книзу. В засыпи ямы найдено несколько обломков от грубого глиняного сосуда, который удалось впоследствии восстановить почти полностью. Он оказался не горшком, а небольшим кувшином, вылепленным от руки. К сожалению, у него недостает горловины, и не ясно поэтому, была ли у кувшина ручка. Размеры сосуда: высота (приблизительно) 20 см; наибольший диаметр 14 см, диаметр дна 9 см, толщина стенок 0.6—0.7 см. Повидимому, это такой же кувшин, как и найденный А. И. Мартиновичем в кургане № 8 на Лысой горе, а также как обнаруженные в обломках грубые, изготовленные от руки, кувшины Кузнецовского городища.

Исследования курганов обоих могильников нельзя считать завершенными, потому что обряд погребения на основании имеющихся материалов не выявляется вполне четко. Ясно лишь то, что по своему характеру эти курганы очень близки боршевским. Деревянный ящик или скопление жженых человеческих костей и сосудов в восточной части насыпи полностью повторяет то, что имело место в боршевских курганах. Следует думать, что деревянные ящики были во всех курганах, но так как условия для сохранности дерева здесь явно неблагоприятны, то ящики могли сохраниться лишь в тех случаях, если они (может быть случайно) подверглись действию огня, что и было в кургане на Лысой горе, исследованном в 1928 г. Новыми по сравнению с боршевскими курганами являются ямы, выкопанные в грунте и напоминающие по своим очертаниям ямы для хранения, известные на городищах. Роль этих ям в погребальном обряде остается пока неясной. Точно так же не является решенным вопрос о наличии (что можно допустить для некоторых курганов) сожжений на месте, как это утверждает А. И. Мартинович, но что не подтверждается материалами 1928 г. Наконец, следует еще добавить, что деревянные ограды из вертикально поставленных бревен, аналогичные боршевским, могли иметь место и здесь, но слой гумусной почвы, в которую могли быть вкопаны и, вероятно, были вкопаны эти столбы, не сохранил никаких следов дерева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. И. Громова

(Зоологический институт Академии Наук СССР)

ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ГОРОДИЩ ВБЛИЗИ г. ВОРОНЕЖА

Настоящая статья является кратким изложением результатов изучения костных остатков млекопитающих, происходящих из трех городищ IX—X вв. н. э., раскопанных экспедицией ГАИМК в 1928 и 1929 гг.

Результаты нашего исследования костных остатков, добытых раскопками на городищах Большом Боршевском (Боршево I) и Малом Боршевском (Боршево II) и городищ у б. Кузнецовой дачи, сведены в одну общую (приводимую ниже) таблицу. Последняя дает представление о числовом соотношении костей и вероятном количестве особей определенных нами видов животных.

Должно заметить, что вычисленное нами процентное соотношение для остатков различных животных только приблизительно. Оно страдает недочетами, лежащими в самой сути дела. Для тех животных, остатков которых имеется много (в очень грубом приближении больше 100—150), цифра, выражающая число особей, явно меньше действительной, для тех же, остатков которых очень мало (в таком же приближении меньше 30—50), эта цифра более соответствует действительному числу особей. Поэтому, если основываться на подсчете костей, цифры следует повысить в пользу животных с малым числом остатков, если же исходить из цифр, полученных на основании высчитанного минимального числа особей, то повысить следует цифры для форм, представленных большим количеством остатков. Истинное процентное соотношение числа представленных здесь животных будет составлять нечто среднее между теми и другими полученными рядами.

В приведенной таблице вычислены также относительные количества остатков взрослых и молодых животных каждого вида.[1] Несовершенство этих вычислений, отмеченное выше, проявляется и здесь. Почти во всех случаях цифры, полученные для числа костей и для числа особей, сильно отличаются друг от друга. Доверять им можно лишь в грубом приближении. Все же они говорят нам о том, что дикие животные потреблялись преимущественно во взрослом состоянии. Из домашних же поросята поедались в не меньшем количестве, чем взрослые свиньи; тогда как лошади, коровы и мелкий рогатый скот представлены в находках преимущественно взрослыми особями. Однако можно заметить, что в б. Кузнецовой даче, по сравнению с Боршевым I, мы имеем некоторое увеличение числа остатков жеребят и ягнят за счет взрослых животных.

В материале, переданном нам для определения (как это, впрочем, замечается почти во всех аналогичных случаях), имеется лишь незначительное количество позвонков и ребер животных, тогда как их, естественно, должно бы быть больше, чем каких бы то ни было других костей. Этот факт имеет настолько общее значение, что его приходится объяснять или худшей сохранностью таких частей скелета или пренебрежением по отношению к ним со стороны коллектора.

Общим является далее относительно большое количество челюстей (верхних и нижних) и зубов, как наиболее прочных частей скелета: по ним нередко приходится вести подсчет особей, особенно молодых, кости скелета которых рыхлы и легко разрушаются. Отклонение от указанного общего правила в описываемой коллекции представляет лошадь из Боршевского городища I, среди остатков которой как зубы, так и челюсти, почти полностью отсутствуют,— факт, требующий объяснения. Уже в городище у б. Кузнецовой дачи лошадиных зубов имеется значительное количество. Мозговой и лицевой отделы черепа (кроме затылочной кости и зубного отдела), как обычно, и здесь у всех животных сохранились плохо. Остальные части скелета представлены в более или менее естественной пропорции, причем у копытных сохранилось бо́льшее количество первых фаланг пальцев, чем вторых, а вторых — бо́льшее, чем третьих. Это явление также обычное и, повидимому, связано с тем, что третьи фаланги бо́льшей частью, а вторые нередко, остаются со шкурой при ее снимании. Расчленение туши бобра производилось, как видно, особым образом, о чем говорится подробно при описании остатков этого животного.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении сводной таблицы, это б о л ь ш о е к о л и ч е с т в о о с т а т к о в д и к и х ж и в о т н ы х, которое в Боршеве I составляет приблизительно $^2/_3$ всего количества остатков, в городище у б. Кузнецовой дачи — около половины последних. Такое явление встречается, вообще говоря, лишь на тех культурных стадиях, когда домашние животные еще не успели вытеснить

[1] Подсчет не проведен для бобра; у этого животного, повидимому, очень поздно прирастают эпифизы трубчатых костей, что составляет один из основных признаков, которыми приходится руководствоваться при определении возраста животного. Таким образом у зверя, имеющего уже совершенно сформировавшийся череп, сильно стертые зубы, плотные, массивные кости с хорошо развитыми мускульными буграми, шероховатостями и пр., эпифизы трубчатых костей еще свободны. Вследствие этого разделение остатков молодых и взрослых особей бобра очень затруднительно.

из пищевого режима человека диких животных. Во всех других случаях, в более поздних культурах, домашние животные обычно значительно превалируют над дикими. Очевидно, жители воронежских городищ были прежде всего охотниками. Природа этих мест способствовала развитию охотничьего промысла, дававшего возможность существования с наименьшей затратой труда. «Воронежская природа издавна носила характер счастливого сочетания двух наиболее могучих у нас и прекрасных природных стихий: леса и степи; первые преобладали на севере губернии, вторые властно и привольно раскидывались на ее благодатном юге».[1] Митрополит Пимен, проезжавший еще в 1389 г. по Дону в Царьград, писал про эти места: «пустыня велия и зверей множество: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы — орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая...» Такое же обилие дичи описывают и другие путешественники, и, разумеется, не меньше, а еще больше было их в эпоху изучаемых городищ.

Среди объектов охоты мы видим смешение животных лесных (лось, бобр, медведь, лесная куница) со степными (сайга, сурок, может быть тарпан); оленя и косулю следует отнести к лесо-степным животным, которые могут приспособляться к обоим указанным ландшафтам. Однако значительно преобладают лесные формы, что указывает на расположение городищ в местности, более богатой лесами, чем степными участками.

Отметим один факт. Среди остатков, насчитывающих свыше 3½ тысяч костей, нет ни одной кости, принадлежащей туру (*Bos primigenius Boj.*). Мне уже в других работах приходилось указывать на загадочный факт отсутствия остатков этого животного в культурных памятниках русской равнины, начиная с неолита включительно,[2] в то время как везде разбросаны поселения, реки и пр. с названиями, происходящими от слова «тур»; из «Поучения Владимира Мономаха» и из русских былин мы знаем о существовании тура, по крайней мере в лесо-степной полосе, на заре русской истории. Тем не менее, отсутствие его костей в воронежских городищах, при широко практикуемой охоте на самых разнообразных зверей, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что его в это время поблизости этих городищ не было.

Существенным является далее различие в составе фауны, какое замечается между Боршевом I и городищем у б. Кузнецовой дачи.[3] Во втором из этих памятников преобладание диких животных над домашними исчезает, количество их сравнивается или вторые даже начинают превалировать, из объектов охоты, вместо лося и бобра, на первое место выступает косуля, увеличивается количество лошадей за счет количества домашних свиней, домашний бык мельчает; лошадей и мелкий рогатый скот здесь в большом количестве употребляют в пищу в более молодом возрасте, чем в Боршевском городище. При близости этих городищ друг к другу и при сходном культурном облике их, нам думается, объяснение этому различию можно дать следующее: истребление доступной дичи и, в первую очередь, лося и бобра, заставило усиленно заняться скотоводством, а общее ухудшение жизненных условий ухудшило и породу крупного рогатого скота. Быть может, тому и другому способствовало также ухудшение климатических условий, повлекшее за собой иссушение края. Согласно такому толкованию, городище у б. Кузнецовой дачи должно быть по времени более поздним, чем боршевское городища. Впрочем, на этом объяснении мы не настаиваем и высказываем его лишь как предположительное.

Alces alces (L.) (лось)

По числу остатков диких животных лось стоит на втором месте в обоих боршевских городищах, уступая в этом отношении лишь бобру, в б. Кузнецовой даче — косуле. Все крупные кости разбиты, многие обожжены; представлены почти исключительно взрослые животные. В настоящее время лось в окрестностях Воронежа не водится; даже для 1880 г., когда замечалось значительное продвижение лося на юг, южная граница его распространения проходила севернее Тамбова, понижаясь вблизи Днепра до широты около 51°.[4] Что раньше лоси далее заходили на юг, известно, кроме упомянутого выше исторического свидетельства, относящегося к XIV в., из географических названий на территории Воронежской области, происходящих от слова «лось». Настоящие находки показывают, что эти звери населяли в былое время воронежские леса в изобилии. Быть может, леса имели здесь бо́льшее протяжение, чем сейчас, но важную роль играло и то, что звери были еще не истреблены и не стеснены человеком.[5] Уже в городище у б. Кузнецовой дачи, относящемся, повидимому, к несколько более позднему времени, количество лосей убывает, их заменяет косуля; начинается оттеснение лося на север, в сплошные леса. Та же участь, как увидим ниже, постигает и бобра.

Cervus elaphus L. (благородный олень)

Остатков оленя во всех трех городищах немного. В Боршеве I имеется 40 костей, принадлежащих, возможно, всего лишь трем особям, в Боршеве II — 1 кость и в Кузнецовой даче — 3 кости (вероятно 1 особь). Трудно сказать, чем объясняется слабая охота на оленей. Вряд ли их было мало в окрестностях городищ. Напротив, условия существования для них здесь не оставляют желать лучшего. Они живут и размножаются здесь и в настоящее время,[6] а во времена существования интересующих нас городищ олени заходили гораздо далее на юг, по крайней мере до станицы Цымлянской, где мы имеем большое количество их остатков из хазарского городища Саркел.[7] Очевидно, какие-то соображения хозяйственного порядка заставляли жителей предпочитать оленю в одном случае лося, в другом — косулю.

Capreolus pygargus Pall. (косуля)

Косуля встречается во всех городищах, однако в различных количествах: в то время как в городище у б. Кузнецовой дачи она наиболее обильно представлена из числа диких животных (20.4% всех костей и 26.3% всех особей), в Боршеве костей ее относительно мало (5.1% костей и 4.7% особей). Мы уже

---

[1] С. И. Огнев и К. А. Воробьев. Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии. М., 1924, стр. 82.

[2] Исключение — Ладожская неолитическая стоянка.

[3] Соотношение в Боршевском II городище сходно с тем, что имеется в Боршевском I, но при малом абсолютном количестве костей здесь приходится более опираться на данные Боршева I.

[4] F. Köppen. Die Verbreitung des Elentiers im Europäischen Russland. Beitr. z. Kenntn. d. Russisch. Reiches, St. Petersb., 1883. См. также Н. Туркин и К. Сатунин. Звери России, т. I. 1900.

[5] Ярко характеризует малое знакомство лося с человеком и незапуганность его в прежние времена в более северных, муромских лесах описание Царственной книги XVI в., составленное участниками татарского похода при Иване Грозном. О лосе там сказано: «Лоси яко самовзвани на заколение прихождаху» (по Кеппену, примечание 4 на стр. 12). Как было при таких условиях не заниматься охотой на лося!

[6] Ср. С. И. Огнев, ук. соч., стр. 173.

[7] Исследования М. И. Артамонова.

указывали, что очень вероятно, что ко времени существования городища у б. Кузнецовой дачи лоси были настолько истреблены, что пришлось главное внимание обратить на менее выгодную охоту на косулю.

Косули и сейчас живут в Воронежской области. Необходимо сказать несколько слов о месте этих косуль в принятой у нас зоологической системе. Как известно, имеются два вида этого животного: *Capreolus capreolus* L.— европейская косуля и *Capreolus pygargus* Pall.— сибирская. Не выяснено до сих пор точно, где проходит географическая граница между этими видами. Европейская косуля, кроме Западной Европы, населяет прибалтийские государства, западные и юго-западные районы восточно-европейской равнины, Крым и Закавказье; сибирская — кроме лесов северной Азии, Уральские горы и Северный Кавказ. По Л. Брауэру,[1] в самых южных районах восточной Европы границу между обоими видами представляет Днепр, западнее которого обитает европейская форма, восточнее — сибирская. Севернее граница не выяснена ввиду редкости косули в настоящее время в средней России. К. К. Флеров принимает ее у 30—35° в. д. (от Гринвича).[2] Сибирский вид отличается от европейского окраской шерсти, более крупными размерами, рогами несколько иной формы и некоторыми особенностя и в строении черепа.

Настоящий материал из воронежских городищ дает нам право утверждать, что косуля, жившая в их окрестностях, принадлежала не к европейскому, а к сибирскому виду.[3] Об этом говорят, прежде всего, очень крупные размеры ее, почти всегда превосходящие даже размеры *Capreolus pygargus*. Для примера мы приведем измерения некоторых костей (в мм) (табл. 1).[4]

Таблица 1

Размеры костей

	Воронежские городища		*C. capreolus* (соврем.)	*C. pygargus* (соврем.)
	крайние	среднее		
Ширина нижнего конца плечевой кости	(9 экз.) 32—37	33.8	31.31	32, 33.5
То же, берцовой	(12 экз.) 31—33.5	33.4	30. 29.5	29.5, 30
Полная длина пяточной кости	(6 экз.) 73—84	77.1	68.5, 67	67.3, 72.5
То же, астрагала	(22 экз.) 34—39	36.2	31.5, 33.5	31.5, 35

Очевидно, оба вида по размерам отличаются лишь в средних величинах. Весьма вероятно также, что промеренные нами *C. capreolus* из б. Гродненской губ. несколько крупнее западноевропейских и представляют переход к сибирскому типу. Кроме размеров, о принадлежности к виду *pygargus* говорит найденный в Боршеве I верхушечный развилок рога, передний отросток которого отклонен от ствола (или, иначе говоря, от заднего развилка) почти под прямым углом, чего не наблюдается у *C. capreolus*, где указанный угол — острый.

Так или иначе, косуля должна быть отнесена к числу животных, сильно измельчавших уже в самое последнее время, очевидно под влиянием человека.

Sus scrofa ferus (дикий кабан)

Во всех городищах представлен обильно, лишь немногим уступая лосю по количеству остатков. Различение костей дикого кабана от домашней свиньи производится преимущественно на основании разницы в размерах. Для субфоссильных остатков задача эта облегчается тем, что дикий кабан измельчал лишь в самое последнее время, так что остатки его из древних культурных памятников всегда крупнее, чем кости современных его представителей,[5] а потому разница в размерах его костей и костей домашней свиньи еще значительнее, чем в настоящее время. В частности, из воронежских городищ все кости *Sus* легко группируются по величине в две категории, без переходных между ними экземпляров; при этом толковать эти различия как различия по полу невозможно, так как половые отличия в размерах у современного кабана значительно меньше. Ниже я привожу размеры костей и зубов диких и домашних *Sus scrofa* из Боршевского городища и, для сравнения, современных диких европейских кабанов; таблицы эти наглядно иллюстрируют все сказанное выше. Я полагаю, что эти промеры могут оказать помощь в будущей работе, когда исследователь, имея незначительное количество остатков, нередко затрудняется, отнести ли их к дикой или к домашней форме. Для примеров взяты кости исключительно взрослых животных (в мм) (табл. 2—5).

Отметим следующее обстоятельство. Разница в размерах зубов дикой и домашней формы особенно велика для задних коренных зубов (M^3 и M_3). В то время как длина премоляров и двух передних моляров домашней свиньи составляют 75—85% длины соответственных зубов дикого кабана, для третьих моляров то же отношение менее 70%. В ширине указанное отличие для верхних коренных не наблюдается, так как то же соотношение для всех них колеблется от 75 до 80%. Напротив, для нижних премоляры домашней свиньи менее сужены, чем моляры: для первых указанное отношение 65—85%, для вторых 60—75%. Из сказанного можно заключить, что при измельчании, сопутствующем одомашненно кабана, ширина зубов сокращается, вообще говоря, сильнее, чем длина; особенно сильно уменьшаются в размерах задние моляры. Это связано, вероятно, с укорочением лицевого отдела черепа, связанного с одомашнением и локализированного преимущественно на уровне третьих моляров.

Saiga tatarica L. (сайга)

О присутствии сайги свидетельствует обломок рогового стержня из Боршева I. О том, что сайга еще в XVIII в. обитала в степях всей юго-восточной Европы, хорошо известно. А. Брауэр указывает на ее нахождение под Одессой еще в конце XVIII в.[6] Из городища Саркел на нижнем Дону мы имеем целую серию роговых стержней сайги; лесостепи Воронежской области, вероятно, были крайним северным

[1] А. Брауэр. К какому виду принадлежат косули южной России и Крыма. Зап. Симфер. общ. естествоисп. и любит. природы, т. V, 1916.

[2] К. Флеров. О диагностических признаках рода *Capreolus*, ДАН, 1928, стр. 179.

[3] С. Огнев в своей работе о фауне Воронежской губ. относит местную косулю к виду *C. capreolus*, однако, он, повидимому, не наблюдал ее здесь лично, а передает лишь показания очевидцев.

[4] К сожалению, я не могу привести полную длину крупных трубчатых костей, так как все они разбиты.

[5] Это относится только к европейским кабанам; на Дальнем Востоке, а также в низовьях Волги и сейчас встречаются очень крупные экземпляры.

[6] А. Брауэр. Сельскохозяйственная зоология, 1923, стр. 90.

Таблица 2

Размеры костей взрослых животных *Sus scrofa*

	Боршево I		*ferus* (соврем.)	
	domesticus		Кавказ ♂	б. Гродненск. губ. ♂
Scapula				
Малый поперечник суставной впадины (перпендик. к большому)	(9 экз.) 32—40	(5 экз.) 22—26	31.5	26
Наименьшая ширина шейки	(16 экз.) 29—40	21—26	30.5	28
Полная ширина нижнего конца	46—54	34—38	45	39
Humerus?				
Ширина нижнего конца	(13 экз.) 48—61	(4 экз.) 37—40	51.5	45.3
Ширина нижнего суставного валика	(13 экз.) 40—47	(4 экз.) 31—35	40	38.5
Ширина верхнего конца	68	42	62.5	54
Передне-задний поперечник его	82	55.57	81	
Radius				
Ширина верхнего конца	(11 экз.) 37—43	(11 экз.) 27—32	35.5	35
Передне-задний поперечник его	(11 экз.) 26—30	(11 экз.) 17—23	24.5	24
Ширина нижнего конца	49	35	42.5	39
Ulna				
Наибольшая ширина верхнего конца (у нижнего края incisura)	(11 экз.) 29—35	(22 экз.) 13—24	29	26
Pelvis				
Наибольший поперечник acetabulum	(6 экз.) 43—51	(3 экз.) 31—34	41	36.5
Femur				
Ширина верхнего конца	79 (4 экз.)	53	72.5	65
Ширина facies patellaris	30—36 (4 экз.)		27.5	25.5
Ширина нижнего конца	58—69	44	55.5	53.5
Tibia				
Ширина верхнего конца	52 (14 экз.)	— (10 экз.)	59	55.5
Ширина нижнего конца	35—42.5	27—30	36.5	34.5
Передне-задний его поперечник	(14 экз.) 32—39	(10 экз.) 23—28	31.5	30
Astragalus				
Полная длина	(20 экз.) 50—58	(2 экз.) 37,42	49	47
Ширина верхнего валика	(20 экз.) 25—30	(2 экз.) 19,20	25.5	24.5
Ширина нижнего конца (в проекции)	32—35	23,25	30.5	30
Calcaneum[1]				
Полная длина . . .	(10 экз.) 91—108		100.5	91
Наибольшая ширина (на уровне суставной поверхности для задней поверхности астрагала)	(15 экз.) 25—30		23	23

Таблица 3

Размеры нижнечелюстных костей *Sus scrofa*

	Боршево I		*ferus* (соврем.)		
	ferus	*domesticus*	Кавказ ♂♂	Кавказ ♀	Волынь ♂
Длина симфиза		(5 экз.) 34—67	112,105	88	109
Высота впереди P_1 .		(4 экз.) 38—42	40,40	46	—
То же, позади M_3	(3 экз.) 63—65	(2 экз.) 47 50	53.5.57	55	58
P_3 длина	(3 экз.) 13—14.5	(4 экз.) 11—11.5	12,12.5	13	14.5
ширина	6—6.5	5- 5.5	5.5,5.5	5.5	6
Pa_3 длин	(6 экз.) 14—16.5	(10 экз.) 12—14	14.5,14	17.5	16
ширина	8.5—9	6.5 7	7.5,7.5	7.5	8.5
P_4 длина	(6 экз.) 16—19	(8 экз.) 13—15	16.5,16.3	15.5	16.5
ширина	11—13	7—9	9.5,10	10	10.5
M_1 длина	(9 экз.) 17—22	(8 экз.) 15—17	18,16	16.5	18
ширина	(11 экз.) 13—16	10—11	13,12.5	13	12
M_2 длина	(6 экз.) 25—29.5	(7 экз.) 19—21	23,22.5	23.5	24.5
ширина	(5 экз.) 18—21	13—14	17.5,16	16.5	15.5
M_3 длина	(4 экз.) 40—46	(9 экз.) 25—34	44,43.5	40	42
ширина	(7 экз.) 20—25	(9 экз.) 14—15	19.5,19	17.5	19

Таблица 4

Размеры нижних клыков *Sus scrofa*

	Боршево I		*ferus* (соврем.)	
	ferus	*domesticus*	Кавказ	Волынь
Наибольшая ширина граней у взрослого ♂:				
внутренней	(6 экз.) 26—28	(3 экз.) 17—18	24.5,25	28
наружно-задней	(6 экз.) 21—22	15	20,20	
наружно-передней	(6 экз.) 15—16	(3 экз.) 10—13	14.5,13	15

Примечание к табл.

[1] Пяточные кости представляют совершенно непрерывный вариационный ряд, так что не дают возможности сгруппировать их по величине в две категории. Вероятно, самые мелкие из них принадлежат крупным домашним свиньям.

Таблица

Размеры верхних челюстей *Sus scrofa*

	Боршево I		*ferus* (соврем.)		
	ferus	*domesticus*	Кавказ ♂♂	Кавказ ♀	Волынь ♂
P^1 длина	—	(3 экз.) 7,5—9	10.9	10	10.5
ширина		3—4	5.5,5	4	6
P^2 длина	(3 экз.) 13—16.5	(4 экз.) 11.5—12.5	13,13	13.5	15
ширина	(2 экз.) 8,10	6—7.5	7.5,7.5	7.5	9
P^3 длина	(3 экз.) 14—17	(8 экз.) 12.5—13.5	15,14.5	14	15
ширина	(2 экз.) 11,12	8—11	11,10	11	11
P^4 длина	(5 экз.) 14—15	(10 экз.) 10—12.5	13.5,14	14.5	14.5
ширина	15—17	11.5—13	15,14	14.5	14.5
M^1 длина	(5 экз.) 18—23	13—17.5	17.5,16.5	15.5	19
ширина	17—18	13—15	16,15	16	16.5
M^2 длина	(3 экз.) 25—27	(10 экз.) 19—21.5	24,5,23	23.5	25
ширина	(4 экз.) 20—22	15—17	19.5,19.5	20	19.5
M^3 длина	(8 экз.) 40—48	(3 экз.) 28—33	41	37	41
ширина	20—25	17—19	23		24

районом ее обитания. Только в XIX в. сайга была оттеснена человеком далеко на восток, за Дон, где сохранилась и до настоящего времени.

Ursus arctos L. (медведь)

Медведь довольно хорошо представлен в городище Боршево I, где имеются 37 костей по меньшей мере от четырех взрослых и одной молодой особи; в городище у б. Кузнецовой дачи найдены лишь 6 костей, возможно, принадлежащих всего одному животному. Количество остатков в Боршевском городище показывает, что охота на медведя не была забавой или случайностью, но преследовала хозяйственные цели, по всей вероятности как пушные, так и мясные (крупные кости разбиты, на многих следы зубов).

Canis lupus L. (волк)

Остатков волка имеется очень немного — 4 кости из Боршева I и 1 кость (лучевая) из городища у б. Кузнецовой дачи. Его нахождение здесь, возможно, чисто случайное.

Vulpes vulpes L. (лисица)

Очень немного найдено также остатков лисицы: 11 костей (от 2 особей) из Боршева I и 3 кости (от 2 особей) из б. Кузнецовой дачи.

Meles meles L. (барсук)

Найден лишь в Боршеве I, откуда имеются 6 костей, среди которых, однако, три нижних челюсти указывают на наличие трех особей. Очевидно, служил предметом охоты.

Martes martes L. (лесная куница)

В Воронежской области водятся два вида куниц — лесная (*M. martes*) и степная или каменная (*M. foina*). В остатках городищ имеются в Боршеве 7 костей от двух особей и в б. Кузнецовой даче 2 кости от одной особи. Вообще говоря, кости обоих указанных близких друг к другу видов не различимы между собою; однако среди остатков из Боршева I имеется часть черепа с характерным для лесной куницы и отсутствующим у каменной вздутием в области заглазничного сужения. Нельзя, однако, утверждать, что в числе других костей нет остатков *M. foina*.

Putorius sp? (хорек)

Из Боршева I имеются две плечевых кости (двух особей). Кости скелета хорька обыкновенного (*P. putorius L.*) и хорька степного (*P. eversmanni*) настолько похожи друг на друга (за исключением черепа), что различить их не удается. Соответственно лесостепному характеру интересующих нас мест, здесь встречаются (а, без сомнения, встречались и в то время) оба упомянутых вида.

Lutra lutra L. (выдра)

Из Боршева I имеется лишь одна неполная плечевая кость (впрочем, достаточно характерная) этого и в настоящее время редкого в названных районах животного.

Lepus timidus L. (заяц-беляк)

Кости зайца встречены только в одном из городищ, а именно в городище Боршево I, в числе 12 экземпляров от двух особей. Кости скелета двух видов зайцев — беляка и русака — очень трудно различимы друг от друга; несколько лучше, хотя и то лишь в типичных случаях, различимы черепа их. Среди остатков из Боршева I имеется верхняя челюсть (две половины, подходящие друг к другу), с основаниями скуловых отростков. Детали строения последних, массивность скуловой дуги, форма выступов у ее переднего корня и форма костного нёба имеют больше сходства с *L. timidus*, *чем с L. europaeus*; к этому же виду мы предположительно относим и остальные кости зайцев. В настоящее время в Воронежской обл. водятся оба указанных вида; здесь приблизительно проходит южная граница распространения беляка.

Gastor fiber L. (бобр)

В Боршеве I бобру принадлежит наибольшее количество остатков среди всех других животных как диких, так и домашних (20.4% всего числа костей, 30% числа всех особей; всего 585 костей по меньшей мере от 51 животного). Повидимому, такое же соотношение наблюдается в Боршеве II (см. таблицу на стр. 122). Напротив, количество остатков его в городище б. Кузнецовой дачи значительно меньше — он уступает из диких животных косуле, лосю и кабану, а также всем домашним животным. Выше мы уже высказывали предположение об уменьшении численности этого животного (как и лося) под влиянием человека, а, быть может, и в связи с сокращением лесных участков. Воронежские леса представляют собою одно из немногих мест в Старом Свете, где речной бобр еще сохранился до настоящего времени. В 1924 г. С. И. Огнев сообщал,[1] что главным местом обитания бобров здесь служат Усманские леса (сосновые и лиственные), связанные с долинами рек. Автору удалось собрать сведения о бобрах от лиц, их видевших, а также и самому наблюдать свежие следы их деятельности («хатки», подгрызенные деревья и пр.).

[1] С. И. Огнев, ... ч., стр. 166—173.

Есть предположение, что бобр ввезен в Воронежский округ искусственно. В 1898 г. из Минской губ. были привезены пять бобров и выпущены в имении «Ранова», откуда они расселялись по реке Воронежу.[1] Неизвестно точно, жили ли бобры в Воронежской губ. до этого завоза или были уже совершенно истреблены. Во всяком случае, на древнее обитание их здесь указывает ряд географических названий, например города Боброва; обильное население их здесь на заре русской истории доказывается настоящим материалом впервые.

Бобр в те времена был в среднем крупнее, чем в настоящее время. Очевидно, перед своим окончательным угасанием он измельчал, как мы это видим и на ряде других животных (мамонт, зубр, кабан, косуля).

Для характеристики его размеров я приведу промеры некоторых его костей в сравнении с костями современных экземпляров того же вида (в мм) (табл. 6—7).

Таблица 6

Размеры костей *Castor fiber*

	Боршево I		б. Минская губ. (совр.)	Усть-Роменск (совр.)
	крайние	среднее		
Humerus				
Полная длина	(4 экз.) 88—92	90	73	87
Ширина верхнего конца	(4 экз.) 25.5—29		24	
То же, нижнего, в проекции	(31 экз.) 30—38	33.5	29	30
Femur				
Полная длина	(4 экз.) 117—122	119.5	97.5	106
Ширина верхнего конца	(5 экз.) 43—47	44.8	39	42
Ширина на уровне troch. tertius	(16 экз.) 27—32	30	24	26
Tibia				
Полная длина	(4 экз.) 144—153	146	116	134
Ширина верхнего конца	(5 экз.) 35—39	36.6		32
То же, нижнего	(27 экз.) 22—25	23.4	20	31

Таблица 7

Размеры нижней челюсти *Castor fiber*

	Боршево I		б. Минская, Киевская, Тамбовская губ. (совр.)	Рона, Эльба (совр.)
	крайние	среднее		
Полная длина от proc. articularis	(8 экз.) 100—111	105	82,90.104	101,103
Длина зубного ряда (у альвеол)	(16 экз.) 36—41	38	33,34.36	35.36

К сожалению, оба скелета современных бобров, использованные для сравнения, принадлежат не совсем взрослым особям, так что более убедительной следует считать таблицу 7, в основу которой взяты промеры черепов современных взрослых бобров; она свидетельствует об измельчании этих животных в самое новейшее время.

Обращает на себя внимание преобладание крупных костей конечностей над позвонками, частями черепа и, особенно, мелкими костями лап, которых имеется лишь очень небольшое количество. Так, например, из Боршева I мы насчитали 99 локтевых костей (от 51 животного) и 80 берцовых и, с другой стороны, только 42 половины нижних челюстей и всего 15 позвонков, из которых большая часть хвостовые. Кроме того, надо отметить, что кости предплечья (локтевые и лучевые) в большинстве случаев перерублены над нижним суставом (имеются следы зарубок), напротив, плечевые часто отрублены на верхнем конце, под головкой. Поэтому сборы содержат очень немного нижних концов предплечья и верхних — плеча; напротив, верхние концы локтевой и лучевой костей и нижние — плечевой сохраняются часто. На задних ногах такое перерубание наблюдается редко и как бедро, так и берцовая кость, часто сохраняются целиком или имеются налицо и верхние и нижние концы. Этот факт, очевидно, связан с расчленением туши животного. Во всяком случае, можно думать, что охота на бобра имела целью добычу не только шкур, но и мяса, так как иначе не было бы смысла приносить в городище ноги бобра, и крупные кости конечностей были бы редкостью среди его остатков.

По вопросу о распространении бобра укажу, что до последнего времени не было известно, как далеко он заходил на юг по Дону. Ф. Кеппен указывает,[2] что о прежнем обитании его в низовьях Дона сведений нет, кроме названий некоторых сел в Усть-Медведицком округе. Раскопки Академии истории материальной культуры в хазарском городище Саркел близ станицы Цымлянской[3] доставили в числе других остатков кости бобра, что указывает на распространение его до низовьев Дона в ту же эпоху, к которой относится Боршевское городище. Надо думать, что археологические работы в будущем дадут нам ответ и на открытый сейчас вопрос о существовании бобра на Кавказе.

Marmota bobac Pall. (байбак или сурок)

Байбак представлен всего лишь верхней челюстью и ключицей из Боршева I. В настоящее время сурки встречаются в довольно значительном количестве южнее, в Каменной степи, между рр. Битюгом и Хопром; вблизи Воронежа их нет, хотя во времена Гмелина (1768—1769 гг.) они еще находились здесь «в громадном количестве». Тем не менее, незначительное число находок их в городищах[4] указывает, что леса и лесная фауна преобладали здесь над степями.

Из Боршева I, кроме того, имеются из грызунов еще *Cricetus cricetus* L. (хомяк) и *Arvicola terrestris* L. (водяная крыса) — тот и другая представлены двумя обломками черепа и могли оказаться в почве случайно. Оба эти вида и сейчас живут в окрестностях г. Воронежа.

Из насекомоядных там же найдены три челюсти южного ежа (*Erinaceus rumanicus Barr.-Ham.*)

Equus caballus L. (лошадь)

До сих пор мы не умеем отличать костей дикой лошади от домашней. Тот критерий, которым мы пользуемся для решения аналогичного вопроса относи-

[1] А. Силантьев. Обзор промысловых охот в России, стр. 374.

[2] Ф. Кеппен. О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России. СПб., 1902.

[3] В 1934 г.

[4] Так же как и сайги (см. выше).

тельно свиньи, быка, собаки,— критерий абсолютных размеров — в данном случае действителен не всегда; отличимы лишь крупные домашние породы от диких (вообще говоря, мелких),[1] мелкие домашние породы от последних не отличимы. В данном случае вопрос усложняется тем, что, во-первых, жители городищ были, повидимому, такими профессионалами-охотниками, что не брезговали никакой дичью; во-вторых, у нас имеются надежные исторические свидетельства относительно существования в окрестностях Воронежа диких лошадей или тарпанов. Еще в XVIII в. Гмелин пишет,[2] что около 1740 г. дикие лошади были обычны в окрестностях Воронежа, хотя во время его путешествия количество их там уже убавилось; он сам еще предпринимал охоту на них, видел их многочисленные косяки и дал первое подробное описание их внешности. Нет сомнения, что в интересующую нас эпоху количество тарпанов в этих местах было значительно больше.

Несмотря на указанные затруднения, мы можем относительно остатков лошади из воронежских городищ высказать мнение, что это была лошадь преимущественно домашняя. Нас приводят к этому следующие соображения. По единогласному свидетельству всех очевидцев тарпан был очень небольшого роста, едва достигая роста самых мелких домашних лошадей;[3] о том же свидетельствует единственный сохранившийся скелет тарпана (коллекции Зоологического института Академии Наук, № 521). Особенно сильно укорочены у него метаподии (плюсна и пясть) и фаланги пальцев, имеющие короткую и широкую коренастую форму. Напротив, лошадь из славянских городищ в среднем крупнее, метаподии и, особенно, фаланги пальцев у нее длинные, что указывает на ее большую длинноногость. Приведу некоторые размеры (в мм) для подтверждения вышесказанного (табл. 8—9).

Таблица 8

Размеры берцовой кости и астрагала лошадей

	Воронежские городища	Тарпан № 521
Tibia (9 экз.)		
Ширина нижнего конца	68,68 69,69.5,70, 71,71,72,83	68
Передне-задний поперечник его	43,43.5,43.5,46,44, 45.5,46,48	43
Astragalus (10 экз.)		
Полная дл	54.5 55,55.5,56, 57.57.5,60	52
Ширина валика (перп. к его оси)	47,46.5,48,46,46, 48,48.5,52	48
Ширина нижней суставной поверхности	51.5,48.5,50,50.5, 50,48.5.54,	48

[1] Для остальных, перечисленных выше, домашних животных соотношение в величине обратное — одомашнение ведет за собой измельчание.

[2] 1768—1769 гг.

[3] Сводка данных о внешности тарпана имеется в статье Ф. Кеппена. К истории тарпана в России, 1895, а также у А. Браунера (Сельскохозяйственная зоология, 1923, стр. 95—97). Относительно роста есть указание И. Корниса (1½ аршина в холке) и И. Шатилова (1 аршин 14½ вершков в холке).

Таблица 9

Размеры 1-х фаланг пальцев лошадей

	Передние		Задние	
	Воронежские городища	Тарпан № 521	Воронежские городища	Тарпан № 521
Полная длина	80,87,88	75	74.5,79,88	71
Ширина верхнего конца	50,53.5,53.5	53	53,49.5.57.5	53.5
Ширина нижнего конца	44.5,45,47	44.5	42.5,43,53	45
Ширина посредине	35,35.5,36	34.5	33,33,39.5	34

Относительно астрагала и фаланг эти цифры показывают укорочение и большую коренастость нижних отделов ног, о чем сказано выше: при почти таких же широтных промерах кости значительно короче, так что отношение их ширины к длине у тарпана, как правило, больше. Надо заметить, однако, что отдельные экземпляры костей как по абсолютным размерам, так и по коренастости их (для нижних отделов ног) почти или вовсе не отличаются от тарпаньих (см., например, заднюю фалангу, промеры которой поставлены на первом месте).

Все сказанное заставляет допустить, что среди лошадиных костей в городищах, кроме остатков домашней лошади, возможно, имеются и остатки тарпана.

Количество остатков лошади в Боршевском городище I сравнительно невелико: 119 костей от 5 особей, т. е. 4.2% всего количества костей и 2.9% количества особей. В б. Кузнецовой даче лошадей значительно больше: 147 костей от 4 особей, т. е. соответственно 23.5% и 9.5%. Лошадей домашних в Боршевском городище держали явно меньше, чем коров и свиней, особенно если учесть возможную примесь остатков тарпана; в городище у б. Кузнецовой дачи коневодство, повидимому, усиливается за счет свиноводства и охоты, преобладает над свиноводством и почти сравнивается с разведением крупного рогатого скота. Лошадей здесь употребляли в пищу молодых, что, кажется, не имело места в Боршевском городище. В последнем, как уже указано в общей части, непонятным является почти полное отсутствие зубов и челюстей лошади.[4]

Bos taurus L. (домашний бык)

Домашний бык по числу остатков занимает первое место из числа домашних животных в городище Боршево I и из числа млекопитающих вообще в городище у б. Кузнецовой дачи. Во втором из этих городищ он составляет 27.4% всего числа костей и 11.9% всего числа особей. Преобладают остатки взрослых животных, но немало и молодых,— в Боршеве I на 8 взрослых особей приходится 3 молодых. Скот преобладает мелкий и короткорогий, такой, какой характерен для нашего лесного севера, но некоторые кости крупнее, хотя никогда не достигают размеров серого украинского скота или самых крупных быков трипольской культуры.[5] Также и среди обломков стержней встречаются очень короткие, имеющие тенденцию к повислости, округлые в разрезе или сильно

[4] Выводы автора в этом вопросе основаны на слишком небольшом цифровом материале. Кроме того, не следует забывать, что лошадь в эту эпоху нельзя рассматривать только как убойное животное.— *Ред.*

[5] Ср. промеры в нашей работе «Материалы к познанию фауны трипольской культуры» (Ежегодн. Зоол. музея АН, т. XXVIII 1927).

сильноценные, приближающиеся в разрезе к лизоидным; наряду с этим из Боршева I имеются обломки крупных стержней более длинирогих животных; обхват основания стержней в общем колеблется от 120 до 215 мм. Приведу промеры некоторых характерных и богаче представленных костей скелета[1] (табл. 10).

Следует отметить, что в городище у б. Кузнецовой дачи почти не встречается костей крупного быка, какие попадаются в Боршевском I, но почти исключительно мелкой породы. Это видно из приведенной таблиц и повторяется также на всех других костях. Можно думать, что это объясняется не случайностью сборов, но действительным различием содержавшихся пород в том и другом городище. Для крупного рогатого скота Боршева I характерны более крупные и средним размеры, чем для скота из городища у б. Кузнецовой дачи.

О чем свидетельствуют те или иные размеры костей домашнего животного? Прежде их относили исключительно к наследственным задаткам и изменение в размерах костей в культурных памятниках приписывали введению в обиход новых пород, иногда — местному одомашнению новых форм и т. д. Теперь мы хорошо знаем, какую огромную роль в физическом складе домашнего животного играет его содержание и прежде всего, корм в период роста. Дюрст приводит[2] результаты опыта, проделанного им над двумя телятами чистой симментальской породы, родившимися от двух коров-сестер и от одного и того же отца, причем один из них получал ежедневно в несколько раз бо́льшую порцию молока и питательный прикорм, которого был лишен другой. В результате через 8½ месяцев первый теленок весил 207 кг, второй 86,5 кг, высота в холке первого 109,5 см, второго 86,7 см, т. е. на 1/5 роста меньше.

Мало того, с изменением размеров животного изменяются, по чисто механическим условиям, пропорции его костей; у быков при измельчании уменьшаются рога (не только абсолютно, но и относительно) и, по физиологической корелляции с весом последних, изменяются и некоторые черты в строении черепа.

Нужно с большой осторожностью относиться к толкованию появления в памятниках определенной эпохи остатков крупного рогатого скота с иными остеологическими признаками, чем в предшествующую эпоху. Причины этого изменения могут быть троякие: 1) изменение условий окружающей природы, меняющее питательность естественного корма, 2) изменение социально-экономических условий жизни населения и 3) замена одних пород другими, выведенными на месте или полученными извне.[3] Эти причины могут комбинироваться различным образом, действуя иногда в одном, иногда в противоположных направлениях. В частности то, что во всех культурных памятниках нашей лесной полосы мы всегда встречаем домашнего быка очень мелкого, тонконогого и короткорогого, имеет настолько общий характер, что приходится основное значение в этом обстоятельстве приписывать первому из указанных факторов. Лесостепной полосе, естественно, должен быть свойствен скот смешанного или промежуточного типа, какой мы наблюдаем в воронежских городищах.

Отличие, которое наблюдается в средних размерах скота в Боршевском городище и в городище у б. Кузнецовой дачи, нам кажется естественнее объяснить

[1] Скелеты украинского принадлежат Зоологическому институту АН.

[2] J. D. Duerst. Vergleichende Untersuchungsmethoden am Skelett bei Säugern. Handb. d. biolog. Arbeitsmeth., Abt. VII, H. 2, Lief. 200, 1926, SS. 137—138.

[3] Для некоторых других домашних животных, как, например, лошади, должен быть принят в расчет еще четвертый фактор — функциональное изменение скелета, вызванное упражнением в той или иной форме движений в течение индивидуальной жизни животного

Таблица 10

Размеры костей Bos taurus

		Городище у б. Кузнецовой дачи	Серый украинский скот	
			№ 16377, ♂	№ 16378, ♀
Radius				
Ширина верхнего конца	72,73,75.5, 76,77,80,84, 85,87	69,72,5, 72.5,75	109	97.5
То же, нижнего (с ульной)	82	60,87.5	92.5	86
Tibia				
Ширина нижнего конца	52,55,57 61, 62,63,65,67, 68,5	55,57,60		
Передне-задний поперечник его	41,40,42.47, 44,47,52,52, 52	45.5,48	63	55

	Боршево I	Серый украинский скот	
		№ 16377, ♂	№ 16378, ♀
Metacarpale			
Ширина верхнего конца.	51.5,52,54, 56,57.60, 62, 62,63.5, 64.5,64.5,70	77.5	68.5
Передне-задний поперечник его	31.5,32,34, 34 34.5,38, 37,38,41.5, 38,40,40.5	49	41
Ширина нижнего конца (на валике)	55,57,56.5	80	67
Передне-задний поперечник его (там же)	32,30,31	43	40
Metatarsale			
Ширина верхнего конца	42,43,42,41, 46	63	58
Передне-задний поперечник его	41,40,41.5, 40,46	60	54.5
Ширина нижнего конца (на валике)	47,47.5, 51.5,52.5, 52,53,62	71.5	64
Передне-задний поперечник его (там же)	26,28,27,30, 30,29.5,34.5	40.5	40

	Городище у б. Кузнецовой дачи	Серый украинский скот № 16377, ♂	Серый украинский скот № 16378, ♀
Astragalus			
Длина	61.5,62.5, 62.5,63,65.5 61.5,67, 68.5,69,71	60,5, 63,64	82.5 82
Ширина верхнего конца	43,44,42.5, 45.45,47.5, 49,48.5,18, 49,5	39.5, 44.5	
То же, нижнего	38,41.5,40, 42.5,42.5, 45,45.5,47, 47.5,51	38.5,42, 39	55 48
Calcaneum			
Полная длина	119,124, 125.5	112.5, 115	165 156.5
Наибольшая ширина (в проекции)	39,44,43.5, 55.5	34 38	
Передне-задний поперечник на уровне proc. coracoideus	39,42,40,48	37	58

изменением условий жизни. Очень вероятно, что понижение хозяйственной мощи населения, связанное с прогрессирующим истреблением дичи — основного источника существования жителей городищ, вызвало ухудшение условий корма коров, повлекшее за собой их измельчание в более позднем по времени городище у б. Кузнецовой дачи. Не исключена также возможность ухудшения естественного корма в связи с переменой климата.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ

(Capra hircus L., *ovis aries* L.)

Мелкий рогатый скот, без сомнения, не играл значительной роли в жизни обитателей городищ, о чем свидетельствует малое число его остатков (в Борщеве I 1.7% всех костей и 2.9% всех особей, в городище у б. Кузнецовой дачи 5.2% костей и 7% особей). Одинаково имелись в обиходе овца и коза, так как в обоих памятниках есть кости, характерные для того и для другого животного (плечевые, лучевые, астрагалы и др.). Из городища у б. Кузнецовой дачи имеется налицо дефектный роговой стержень домашней козы, который, несмотря на видимую принадлежность ее же (длина по хорде 101 мм, обхват на половине длины 58 мм, поперечники там же 22 мм и 12 мм), и ест хорошо выраженный положительный изгиб. Таким образом, порода, к которой принадлежала эта коза, относится к типу, имеющему европейское происхождение, так же как и современные козы Европы, за исключением крайнего юго-восточного ее угла. Ввиду того, что из хазарского городища Саркел той же эпохи имеется ряд стержней козлов такого же типа, можно полагать, что в рассматриваемую эпоху сюда не доныла та волна народностей, которая занесла (когда?) на нижнюю Волгу и на Кавказ до наших коз центрально-азиатского происхождения с отрицательным изгибом рогов. Из городища у б. Кузнецовой дачи имеется также мозговая часть черепа домашней овцы.

Sus scrofa domesticus (домашняя свинья)

Домашняя свинья играла, как видно, важную роль в питании жителей Борщева городища I, не уступая или лишь немногим уступая в этом отношении быку. Следует добавить, что остатки поросят найдены не в меньшем количестве, чем остатки взрослых животных, в то время как среди других домашних животных (бык, мелкий рогатый скот, лошадь), не говоря уже о диких, преобладают взрослые. В б. Кузнецовой даче мы видим уменьшение относительного числа остатков свиньи (очевидно за счет развития коневодства, см. выше), а также несколько меньшее среди них относительное количество молодых особей.

Промеры костей домашней свиньи приведены выше, главе о кабане.

Camelus bactrianus domesticus (двугорбый верблюд)

Исключительный интерес представляют остатки верблюда из Борщева I ввиду редкости находок костей этого животного в культурных памятниках Европы. Имеются 6 костей от трех особей. Это количество слишком мало, чтобы считать, что верблюд играл какую-либо роль в жизни жителей самих городищ; скорее, верблюды завозились сюда соседями — восточными народами азиатского происхождения, с которыми, как видно, славянское население лесостепной полосы имело сношения.

Кроме настоящей находки, мне известна только одна южнорусская находка верблюда (скелета) из остатков трипольской культуры Киевского района (Веремье).[1] Эта находка стоит совершенно особняком и не подтверждается позднейшим изучением костей животных трипольской культуры. Не пришлось мне встречать костей верблюда и из культур бронзовой эпохи юга восточной Европы, откуда мною просмотрен значительный материал. Как это ни странно, но и из хазарского городища Саркел на Нижнем Дону (раскопки 1934 г.) мы остатков верблюда не знаем.[2]

Canis familiaris L. (собака)

Совершенно необычайно почти полное отсутствие в остатках исследуемых нами городищ костей собаки. Имеется из Борщевского городища I одна дефектная бедренная кость довольно крупной породы (ширина верхнего конца 35 мм, нижний конец обрызган, видны следы зубов) и из городища б. Кузнецовой дачи одна цельная бедренная кость мелкой породы (длина 139 мм, ширина верхнего конца 29 мм, ширина нижнего 25 мм).[3] Это ничтожное количество остатков свидетельствует о том, что не только энергично практикуемая жителями городищ охота происходила без помощи собаки, но что последняя вообще не играла никакой роли в жизни этих жителей,— ни хозяйственной, ни в качестве забавы. Будь это иначе, при таком большом материале, какой мы имеем из Борщева городища, количество остатков собаки неизбежно было бы большим.[4]

[1] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI Археол. съезда в Киеве, 1899, т. I.

[2] Впрочем, для определения была доставлена лишь незначительная часть очень большого материала из этого городища, оставшегося на месте.

[3] Кроме того, имеются следы зубов, очевидно собаки, на некоторых трубчатых костях других животных.

[4] Здесь не учитывается то обстоятельство, что явившийся предметом изучения остеологический материал представляет собой кухонный отброс, куда кости собаки естественно могли вовсе не попадать. *Ред.*

Сводная таблица остатков фауны воронежских городищ IX—X вв. н. э.

№№ по пор.		Боршево I						Боршево II		Кузнецова дача					
					Особей					Костей			Особей		
		абс.	в %	из них взрослых и молодых в %	абс.	в %	из них взрослых и молодых в %	Костей	Особей	абс.	в %	из них взрослых и молодых в %	абс.		из них взрослых и молодых в %
1	*Equus caballus* (лошадь)	119	4.2	взр. 99.2 мол. 0.8	5	2.9	взр. 80 мол. 20	2	1	147	23.5	взр. 89.8 мол. 10.2	4	.5	взр. 50 мол. 50
2	*Bos taurus* (бык домашний)	445	15.5	взр. 95.5 мол. 4.5	13	7.6	взр. 61.5 мол. 38.5	20	2	172	27.4	взр. 94.2 мол. 5.8	5	11.9	взр. 60 мол. 40
3	Мелкий рогатый ск	48	1.7	взр. 94 мол. 6	5	2.9	взр. 60 мол. 40	1	1	33	5.2	взр. 87.9 мол. 12.1	3		взр. 66.7 мол. 33.3
4	*Camelus bactrianus dom.* (двугорбый верблюд)	6	0.2	взр. 83.3 мол. 16.7	3	1.8	взр. 66.7 мол. 33.3	—	—	—	—	—	—	—	
5	*Sus scrofa domesticus* (свинья домашняя)	433	15.1	взр. 73.4 мол. 26.6	29	17	взр. 51.7 мол. 48.3	3	2	38	6	взр. 81.8 мол. 18.2		11.9	взр. 60 мол. 40
6	*Canis, miliaris* (собака)	1	—	взр.	1	0.6	взр.	—	—	1	0.2	взр.	1	2.4	взр.
7	*Alces alces* (лось)	496	17.3	взр. 96 мол. 4	16	9.4	взр. 87.5 мол. 12.5	10	1	30	4.8	взр. 90 мол. 10	2	4.8	взр. 50 мол. 50
8	*Cervus elaphus* (благородный олень)	40	1.4	взр. 97.5 мол. 2.5	3	1.8	взр. 66.7 мол. 33.3	1	1	3	0.5	взр.	1	2.4	взр.
9	*Capreolus pygargus* (косуля)	145	.1	взр. 95.9 мол. 4.1	8	4.7	взр. 75 мол. 25	1	1	128	20.4	взр. 97.8 мол. 2.2	11	26.3	взр. 87.8 мол. 18.2
10	*Sus scrofa ferus* (дикий кабан)	455	15.9	взр. 99.6 мол. 0.4	12	7	взр. 99.2 мол. 0.8	4	1	50	8	взр. 96 мол. 4	3		взр. 66.7 мол. 33.3
11	*Saiga tatarica* (сайга)	1	—	взр.	1	0.6	взр.	—	—	—	—		—	—	—

36.7 32.8 62.3 42.7

№ № по пор.		Боршево I						Боршево		6. Кузнецова дача					
		Костей			Особей			Костей	Особей	Костей			Особей		
		абс.	в %	из них взрослых и молодых в %	абс.		из них взрослых и молодых в %			абс.		из них взрослых и молодых в %	абс.	в %	из них взрослых и молодых в %
12	*Ursus arctos* (медведь)	37	1.3	взр. 81 мол. 19	5	2.9	взр. 80 мол. 20	—	—	6	1	взр. 100	1	2.4	взр.
13	*Canis lupus* (волк)	4	0.2	взр. 100	1	0.6	взр. 100	—	—	1	0.2	взр.	1	2.4	взр.
14	*Vulpes vulpes* (лисица)	11	0.4	взр. 100	2	1.2	взр. 100	—		3	0.5	взр.	2	4.8	взр.
15	*Meles meles* (барсук)	6	0.2	взр. 100	3	1.8	взр. 100			—	—	—	—	—	—
16	*Lutra lutra* (выдра)	1	—	взр.	1	0.6	взр.	—	—	—	—	—	—	—	—
17	*Martes martes* (лесная куница)	7	0.3	взр. 100	1	0.6	взр.	—	—	2	0.3	взр.	1	2.4	взр.
18	*Putorius sp.* (хорек)	1	—	63.3 взр.	1	0.6	67.2 взр.	—		—	—	37.7 —	—	—	57.3 —
19	*Lepus timidus* (заяц-беляк)	12	0.4	взр. 100	2	1.2	взр.	—	—	—	—	—	—	—	—
20	*Castor fiber* (бобр)	585	20.4	—	51	30	—	32	4	12	2	—	2	4.8	—
21	*Marmota bobac* (байбак)	2	0.1	взр.	1	0.6	взр.	—	—	—	—	—	—	—	—
22	*Cricetus cricetus* (хомяк)	2	0.1	взр.	2	1.2	взр.	—	—	—	—		—	—	—
23	*Arvicola terrestris* (водяная крыса)	2	0.1	взр.	2	1.2	взр.	—	—	—	—	—	—	—	
24	*Erinaceus* (южный еж)	3	0.1	взр.	2	1.2	взр.	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего	2862	—	—	170		—	74	14	626	—	—	42	—	—

А. И. Световидов

(Зоологический институт Академии Наук СССР)

К ИСТОРИИ ИХТИОФАУНЫ р. ДОНА

Остатки рыбьих костей, часто находимые вместе с другими остатками при археологических раскопках в древних поселениях, помимо указания на характер хозяйственной деятельности жителей этих поселений, могут дать указания и на то изменения, которые произошли в ихтиофауне данного водоема в настоящее время. По костям из более ранних стоянок древнего человека можно иногда установить изменения в видовом составе ихтиофауны,[1] происшедшие под влиянием изменившихся условий существования,— климата, характера водоемов и пр. Кости из более поздних поселений дают возможность судить об изменениях ихтиофауны, происшедших под влиянием хозяйственной деятельности человека и возросшей интенсивности промысла в возрастном составе отдельных видов рыб и т. п., о чем свидетельствует ряд работ последнего времени.[2]

Материалом для настоящей статьи послужили кости рыб из Боршевского городища, расположенного на правом берегу р. Дона Гремяченского района, Воронежской область. Городище относится к IX—X вв. н. э. и отделено, таким образом, от настоящего времени промежутком в 1000—1100 лет. Каких-либо существенных климатических и других изменений за этот промежуток времени не было, и поэтому все изменения ихтиофауны следует считать обусловленными хозяйственной деятельностью человека. Судя по многочисленным остаткам костей диких животных и рыб, существенную роль в хозяйстве древних обитателей городища играли охота и рыболовство.

Исследованный материал состоит более чем из 800 определимых костей. Кроме того, имеется значительное количество различных костей жаберной крышки (operculum, subopercule, praeoperculum, interoperculum), челюстных костей (praemaxillare, maxillare, dentale, articulare), подъязычной дуги (hyomandibulare, quadratum и др.), принадлежащее видам карповых рыб, большое количество позвонков этих же рыб и судака и масса совершенно неопределимых ребер, radialia непарных плавников, костей Веберова аппарата и мелких осколков костей. В некоторых жилищах найдена полуразрушенная чешуя. Наибольшее количество определимых костей (свыше 380), принадлежащих 5 видам рыб, было найдено в погребе *Б*, который, повидимому, служил хранилищем сушеной рыбы. Здесь были найдены кости, принадлежащие по меньшей мере 16 судакам, 23 лещам, 11 жерехам, 4 вырезубам и 1 красноперке. Кости поражают своей хорошей сохранностью, будучи почти совершенно целыми. Обращает на себя внимание также большое разнообразие найденных в погребе костей; по ним можно составить почти полные скелеты рыб, в особенности это относится к судаку. Отметим, что костей щуки, в изобилии находимых во всех других местах раскопок, здесь нет. Кости, найденные в остальных местах раскопа, являются кухонными остатками, так как все они представлены отдельными, обычно обломанными костями скелета рыб. В некоторых местах раскопа среди костей рыб найдены раковины пресноводного моллюска *Unio pictorum L.*, очевидно тоже служившего пищей жителям Боршева городища.

Сем. *Acipenseridae* (осетровые)

Из осетровых в Дону в настоящее время встречаются белуга (*Huso huso* L.), русский осетр (*Acipenser güldenstädti* Brandt), стерлядь (*A. ruthenus* L.) и севрюга (*A. stellatus* Pall.), причем выше среднего течения в настоящее время встречаются лишь севрюга и стерлядь. Остальные виды осетровых свойственны, главным образом, нижнему течению Дона, с давних пор не поднимаясь выше Павловска.[3]

Acipenser ruthenus L. (стерлядь)

Стерлядь в настоящее время в Дону встречается сравнительно редко и промысловое значение имеет лишь местами.[4]

В исследованном материале имеется только один луч грудного плавника (marginalia), принадлежащий рыбе длиной около 67 см (до конца средних лучей хвостового плавника). В настоящее время в Дону ловится стерлядь длиной до 20—50 см, максимально до 70 см.[5] В Волге ныне ловится стерлядь длиной 25—30, в среднем 42 см.[6] Таким образом размеры описываемой стерляди значительно превосходят средние размеры стерляди, ловимой в настоящее время в наших реках. Возраст ее, вследствие плохой видимости годовых колец, определить невозможно.

Acipenser stellatus Pall. (севрюга)

Севрюга в нижнем течении Дона составляет теперь основную массу улова осетровых; ловится в среднем течении,[7] в прежнее время ловилась у Павловска,[8] т. е. немного (километров 150—200 по течению реки) ниже Боршева городища.

Среди остатков костей обнаружены две спинных и одна боковая (правая) жучки этой рыбы. Жучки, близкие по размерам исследованным, имеют севрюги длиной около 1.5 м. В настоящее время севрюга, достигая половой зрелости, впервые входит в Дон

[1] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882; M. O. Tschuj. Fische aus dem Paläolithikum der Krim. Bull. Commiss. Etude Quaterm., № 1, 1929, pp. 43—48.

[2] Г. В. Николький. Материалы по ихтиофауне городищ бассейнов Ветлуги и Вятки. Зоол. журн., XIV, 1, 1935, стр. 79—96; Г. В. Николький. К познанию ихтиофауны р. Кубани. Бюлл. Моск. общ. испыт. природы, XLVI, 2, 1937, стр. 121—125.

[3] Л. С. Берг. Marsipobranchii Pisces. Фауна России, I, 1911, стр. 158, 211, 253 и 217.

[4] И. Бородин. Азовско-донское рыболовство. Отчет по командировке. Новочеркасск, 1901, стр. 37; А. Я. Недошивин. Материалы по изучению донского рыболовства. Тр. Азовско-черном. научно-пром. экп., вып. 4, 1929, стр. 31.

[5] По любезному сообщению Д. В. Рубцова, исследовавшего ихтиофауну верхнего течения Дона от устья р. Воронежа и выше. Из этой же части Дона приводятся, по данным Рубцова, размеры и других рыб.

[6] Г. В. Николький, ук. соч., 1925, стр. 83.

[7] А. Я. Недошивин, ук. соч., 1929, стр. 27.

[8] A. Czernay. Beiträge zur Fauna des Charkowschen und der anliegenden Gouvernements. B. Ichtyologische Beobachtungen, gesammelt auf Reisen in dem Charkowschen und den anliegenden Gouvernements. Bull. Soc. Nat., Moscou, 1850, p. 633.

для нереста в возрасте 5—7 лет при длине 90—100 см (самцы) и 10—13 лет при длине 129—165 см (самки). Таким образом севрюга, пойманная 1 000 лет назад, по размерам приблизительно равна севрюге, ловимой в Дону теперь.

Сем. *Cyprinidae* (карповые)

В верхнем и среднем течении р. Дона встречается около 20 видов карповых рыб. Из этого количества промыслом может быть использовано около 10 видов. Судя по остаткам костей, жителями Боршевского городища ловились наиболее крупные и часто встречаемые виды, а именно:

Rutilus frisii (Nordmann) (вырезуб)

Вырезуб изучен очень мало. В Дону встречается не часто. Всего при раскопках обнаружено 8 pharyngialia sin., 12 pharyngialia dext. и 1 обломок, принадлежащие по меньшей мере 12 рыбам. Кроме того, имеется 2 cleithrum sin. и 1 cleithrum dext. Все кости очень крупные, принадлежащие рыбам длиной от 28 до 69 см, в среднем около 44 см. Определить по cleithrum возраст не оказалось возможным, так как все кости сильно ломутневшие.

В настоящее время в низовьях р. Днестра (Куччургганский лиман) размеры ловимого вырезуба не превышают 40 см,[1] т. е. значительно менее средних размеров вырезуба из Боршевского городища.

Scardinius erythrophtalmus (L.) (красноперка)

Широко распространена, однако в больших количествах ловится редко. В исследованном материале имеется 2 pharyngialia sin. и 1 pharyngialia dext., найденные в двух разных камерах; 2 из них (правая и левая), найденные вместе и одинаковые по размерам, несомненно принадлежат одной рыбе. Таким образом, по имеющимся данным, мы имеем дело с двумя рыбами размерами около 18.5 и 29.5 см. Средние размеры красноперки из Дона неизвестны; в низовьях Днестра (Кучургганский лиман) максимальные размеры ее 23 см.[2] Таким образом, красноперка из раскопа Боршевского городища крупнее, чем в настоящее время в Днестре.

Aspius aspius (L.) (жерех)

Широко распространен в пресных водах и предустьевых пространствах некоторых морей. Держится обычно разрозненно, за исключением времени нереста и хода из предустьевых пространств в реку, когда и ловится в значительных количествах.

Исследованный материал состоит из 11 pharyngialia sin., 13 pharyngialia dext. и 1 cleithrum dext., принадлежащих не менее чем 13 рыбам длиной от 44 до 65 см, в среднем около 50 см. Размеры этих рыб значительно превосходят средние размеры жереха, ловимого в настоящее время.

По сообщению Д. В. Рубцова, в Дону ныне ловится жерех размерами 25—40 см, максимально до 60 см.

Abramis brama (L.) (лещ)

Лещ, имеющий в настоящее время существенное промысловое значение, наиболее представлен в исследованном материале. Всего было определено: pharyngialia dext. 29 и sin. 26, cleithrum dext. 7 и sin. 5. Таким образом, кости эти должны принадлежать не менее чем 29 рыбам, размеры которых 35—66 см, в среднем свыше 47 см. По размерам лещ, ловимый в Дону 1000 лет назад, сильно превосходит средние промысловые размеры леща, ловимого в настоящее время. Средние размеры азовско-донского леща, ловимого ныне, колеблются в разные годы и в разных местах лова от 24 до 38 см.[3] В верхнем течении Дона средние размеры леща 20.8 см, максимально до 50 см. По К. Терещенко,[4] средние размеры волго-каспийского леща за ряд лет колебались от 21 до 26 см. К сожалению, средние размеры леща, ловимого в районе Боршевского городища в настоящее время, в литературе не известны, но несомненно, что и они значительно меньше размеров леща, ловившегося здесь 1000 лет назад. По двум cleithrum, совершенно прозрачным и с хорошей видимостью зимних слоев, оказалось возможным определить возраст леща. Вычислив размеры и темпы роста этих рыб при помощи коэффициента К. Терещенко (ук. соч., стр. 57), получим для них следующие величины (в см) (табл. 1). В настоящее время лещ азовско-донской и волго-каспийский растет, как указано в табл. 2.

Таким образом 1000 лет назад лещ в Дону рос значительно медленнее, чем он растет в настоящее время в низовьях его. Обусловлено это несомненно тем, что вылавливали его в то время по сравнению с настоящим значительно меньше, о чем говорят более крупные размеры леща из раскопок. Об этом же говорит и больший предельный возраст его: волго-каспийский лещ достигает предельно 13 лет,[5] в то время как самые крупные лещи из Боршевского городища достигали несомненно значительно большего возраста. К донскому лещу из раскопок Боршевского городища в настоящее время близок по росту лещ из р. Камы и Белой[6] и некоторых других, расположенных к северу от Дона рек, причем в первые 4—5 лет лещ в этих реках растет несколько медленнее. В р. Ветлуге, близкой географически к рр. Каме, Вятке и Белой, лещ около двух тысяч лет назад обладал сходным ростом с современным лещом в этих реках.[7]

Cyprinus carpio L. (сазан)

В низовьях Дона сазан в настоящее время встречается значительно реже, чем лещ. В среднем и верхнем течении Дона, как это известно и для некоторых других видов рыб (судак, лещ), живет своя «жилая» форма сазана, никогда не выходящая в море.

В исследованном материале обнаружено только 3 кости cleithrum dext., принадлежащие рыбам от 35 до 38 см длиной. Кости потемневшие и мало прозрачные, но по двум из них, хотя и не совсем точно, удалось определить возраст и рассчитать темп роста этих рыб. Размеры и вычисленный темп роста этих рыб (в см) приведены в табл. 3.

Основание одной из костей слишком темно, и первое годичное кольцо вследствие этого на ней не видно. По сравнению с ростом сазана из низовьев Дона[8] в настоящее время эти две рыбы обладают значительно более медленным ростом, что видно из сравнения со следующими величинами (р. Дон у Азова) (табл. 4).

---

[1] Ф. Ф. Егерман. Материалы по ихтиофауне Кучургганского лимана (бассейна р. Днестра) по сборам 1922—1925 гг. Тр. Всеукр. Гос. черном.-азовск. научно-пром. опытн. станции, II, 1, 1926, стр. 24.

[2] Ф. Ф. Егерман, ук. соч., 1926, стр. 25.

[3] Н. А. Дмитриев. Лещ Азовского моря. Биология и промысел. Тр. Азовско-черном. научно-пром. эксп., вып. 6, 1931, стр. 1—104.

[4] К. К. Терещенко. Лещ Каспийско-волжского района, его промысел и биология. Тр. Астрах. ихтиол. лабор., IV, 2, 1917, стр. 1—159.

[5] Терещенко, ук. соч., стр. 65.

[6] А. В. Лукин. Возраст и темп роста леща из рек Камы и Белой в пределах Татарской республики. Тр. Татарск. отд. Всес. инст. озерн. и речн. рыбн. хоз., вып. 1, 1933, стр. 3—23.

[7] Г. В. Никольский, ук. соч., 1935, стр. 88.

[8] В. В. Петров. Материалы по росту и возрасту сазана. Тр. Азовско-Черном. научно-пром. эксп., вып. 8, 1931, стр. 1—32.

Таблица 1

L	l_1	l_2	l_3	l_4	l_5	l_6	l_7	l_8	l_9	l_{10}	l_{11}	l_{12}
32.5	7.0	10.5	14.9	19.2	22.8	25.3	28.1	29.8	31.6	—	—	44.7
45.[illegible]	6.7	10.6	14.2	18.2	21.9	25.3	28.8	32.4	35.2	39.2	42.0	

Таблица 2

	l_1	l_2	l_3	l_4	l_5	l_6	l_7	l_8	l_9	l_{10}	l_{11}	l_{12}
Азовско-донской	9.5	18.9	25.5	30.7	35.0	39.3	41.	43.2	44.4	—		—
Волго-каспийский	7.3	16.2	25.3	29.5	33.2	36.0	39.3	40.5	42.1	43.1	45.4	46.2

Таблица 3

L	l_1	l_2	l_3	l_4	l_5
35.2	7.5	13.1	22.2	28.2	33.8
35.0	—	12.8	22.4	28.0	38.6

Таблица 4

	l_1	l_2	l_3	l_4	l_5	l_6
р. Дон у Азова	12.5	25.0	31.5	36.0	41.5	46.0

По трем рыбам, разумеется, трудно судить о размерах сазана, ловившегося жителями Боршевского городища, но следует отметить, что размеры этих рыб близки к средним размерам сазана, ловимого в низовьях Дона в настоящее время. По данным Азовско-Черноморской научно-промысловой экспедиции,[1] средний вес сазана, ловимого в низовьях Дона, равен 1.96 кг, что соответствует длине около 40 см. По данным Д. В. Рубцова, в верхнем течении р. Дона ловится сазан размерами от 30 до 70 см. Таким образом, сазан в среднем течении Дона 1000 лет назад был по размерам меньше сазана, ловимого в настоящее время в низовьях этой реки, но обладал значительно более медленным темпом роста.

CEM. SILURIDAE (сомовые)

Silurus glanis L. (сом)

В настоящее время сом в донском рыболовстве имеет сравнительно небольшое промысловое значение. Он является жилой рыбой как в верхних, так и в самых нижних участках нижнего течения Дона.

Среди исследованных костей имеется 6 тел туловищных позвонков, 1 сложный позвонок из Веберова аппарата и 8 (4 sin. и 4 dext.) marginalia этой рыбы, которые, судя по размерам, могут принадлежать не менее чем 6 разным рыбам. К сожалению, видимость годичных колец на телах позвонков не совсем отчетлива для достоверного определения возраста, при приготовлении же шлифов кости крошатся. Размеры этих сомов, восстановленные по marginalia, колеблются от 97 до 150 см, в среднем около 100 см.

По своим размерам сомы из Боршевского городища значительно превосходят средние размеры сомов, ловимых в настоящее время. Так, например, средние размеры сома из дельты Волги равны 60 см, в низовьях Урала — 80—110 см,[2] в Аральском море — около 100 см.

CEM. ESOCIDAE (щуковые)

Esox lucius L. (щука)

Особенно богат исследованный материал костями щуки. Всего здесь было найдено: dentalia sin.— 105, dentalia dext.— 91, articulare sin.— 45, articulare dext.— 40, praemaxillare sin.— 6, praemaxillare dext.— 1, обломок этой кости — 1, hyomandibulare sin.— 4, hyomandibulare dext.— 3, ceratohyale dext.—1, epihyale dext.— 1, epihyale dext.— 1, обломки quadratum — 10, cleithrum sin.— 3, cleithrum dext.— 9, vomer — 5. Кости эти должны принадлежать не менее чем 105 рыбам. Их размеры, восстановленные по наиболее многочисленным и лучше сохранившимся из костей, по dentalia, колеблются от 27 до 87 см, в среднем имея около 65 см. В настоящее время в Дону, как почти и повсеместно, щука весьма обыкновенна. Каковы средние размеры щуки, ловимой здесь в настоящее время, неизвестно. В Днестре (Кучурганский лиман) ловится щука главным образом длиной 29—48 см, максимально 82 см.[3] В р. Ветлуге около двух тысяч лет назад ловилась щука размерами от 36 до 65, в среднем около 48 см.[4] Несколько ранее (около 2300 лет назад) в р. Кубани ловилась щука длиной от 35 до 110 см.[2] Таким образом щука, ловившаяся жителями Боршевского городища, значительно крупнее щуки, ловимой в настоящее время и ловившейся в р. Ветлуге жителями Одоевского городища. Щука из раскопок городища близ станицы Елизаветинской на р. Кубани несколько крупнее щуки из раскопок Боршевского городища. Определить возраст щуки ни по одной из исследованных костей не оказалось возможным, так как все они слишком темны и совершенно не прозрачны.

[1] А. Я. Недошивин, ук. соч., 1919, стр. 42.

[2] А. Н. Пробатов. О возрасте аральского сома. Изв. Отд. прикл. ихт., IX, 1929, стр. 213—225.

[3] Ф. Ф. Егерман, ук. соч., 1926, стр. 62.

[4] Г. В. Никольский, ук. соч., 1937, стр. 124.

СЕМ. PERCIDAE (окуневые)

Lucioperca lucioperca L. (судак)

В Дону, как и во многих других наших больших реках, главное промысловое значение имеет ныне та полупроходная форма судака, которая входит из прилегающих частей моря только в нижнее течение реки. В среднем и верхнем течении Дона встречается особая местная «жилая» форма судака, которая существенного промыслового значения не имеет.

В исследованном материале имеется значительное количество костей, бо́льшая часть которых оказалась хорошей сохранности, но помутневшей и совершенно непригодной для определения по ним возраста. Всего были найдены следующие количества различных костей одного вида: dentale — 15 + 18,[1] articulare — 18 + 13, angulare — 15 + 12, praemaxillare — 13 + 14, maxillare — 11 + 15, palatinum — 12 + 17, hyomandibulare — 13 + 15, quadratum — 13 + 13, pterygoideum — 11 + 12, mesopterygoideum — 11, metapterygoideum — 11, urihyale — 6, epihyale — 10 + 12, hypohyale + ceratohyale — 11 + 11, cleithrum — 2 + 2, supracleithrum — 3 + 2, posttemporale — 5 + 2, operculum — 5 + 4, praeoperculum — 9 + 11, suboperculum — 6 + 6, interoperculum — 8 + 5, praeorbitale — 3 + 8, frontale — 5 + 10, parasphenoideum — 24, basisphenoideum — 1 и еще мелкие обломки черепных костей, кости жаберных дуг и др. Количество костей, как видно, большое, принадлежат они по меньшей мере 26 рыбам, причем подавляющее большинство их, относящихся не менее чем к 16 рыбам, найдены, как указывалось выше, в погребе *Б.* который служил кладовой. В кухонных же остатках найдены кости, принадлежащие всего лишь 8 рыбам.

По размерам судак из Боршевского городища значительно крупнее судака, ловимого теперь в низовьях Дона. Средние размеры его, восстановленные по размерам dentale, равны 80 см, с пределами колебаний от 69 до 95 см. В верхнем течении Дона, по сообщению Д. В. Рубцова, в настоящее время ловится судак длиной чаще всего от 25 до 40 см, максимально до 80 см. В низовьях Дона в наше время, по данным Н. И. Чугуновой,[2] средние промысловые размеры судака за пять лет колебались от 40.6 до 47.6 см. Таким образом, вследствие сильно возросшей интенсивности промысла размеры ловимого ныне судака сильно уменьшились.

Perca fluviatilis L. (окунь)

Эта, обычная почти повсюду в пресных водах Европы, рыба в исследованном материале представлена лишь 2 костями: dentalia — 1 sin. и 1 dext., принадлежащими рыбе размерами около 41 см. (до конца средних лучей хвостового плавника). По длине это очень крупная рыба, значительно превышающая средние размеры окуня в настоящее время. Средние размеры окуня, ловимого теперь в Дону, не известны. В р. Днестре (Кучурганском лимане) ловится окунь размерами в среднем около 16—25 см и максимально до 37 см,[3] в Финском заливе — от 20 см (самцы) до 24 см (самки).

Жителями Одоевского городища на р. Ветлуге около двух тысячелетий назад ловился окунь длиной от 8.5 до 31 см, в среднем 20 см. Таким образом, окунь из Боршева городища крупнее окуней и из Одоевского городища.

В настоящее время для бассейна р. Дона известно около 50 видов рыб,[4] из них в районе Боршевского городища встречается значительно менее, а служить объектом промысла для жителей его могли не более 24 наиболее часто встречаемых и крупных по размерам видов рыб. В исследованном материале обнаружено 11 видов рыб, преобладающее большинство которых в настоящее время имеет наиболее крупное промысловое значение. Из рыб, известных теперь в Дону, в районе Боршевского городища, в исследованном материале обнаружена только одна — севрюга, которая в то время в низовьях Дона вылавливалась, несомненно, в меньших количествах и благодаря этому в верхние участки реки могла подниматься в бо́льших количествах и выше, чем теперь. Таким образом, в видовом составе ихтиофауны р. Дона за последнее тысячелетие значительных изменений не произошло. Наиболее существенные изменения произошли за это время в размерах и темпе роста рыб. Как указывалось выше, почти все рыбы, ловимые жителями Боршевского городища, значительно крупнее рыб, ловимых в настоящее время в низовьях Дона. При этом темп роста рыб, у которых его оказалось возможным изучить, в то время был значительно медленнее, чем теперь. Правда, рыб из района Боршевского городища мы сравниваем по размерам и темпу роста с рыбами из низовьев Дона, но вряд ли, как тысячу лет назад, так и теперь, различия между размерами и темпом роста рыб из низовьев и среднего течения Дона были значительны. Изменения размеров и темпа роста рыб всецело обусловлены неизмеримо возросшей за это время интенсивностью промысла. Несомненно, рыбный промысел тысячу лет назад на Дону был несравненно менее интенсивен, чем теперь, и запасы рыб в то время находились почти в девственном состоянии. Об этом отчасти говорит и видовой состав и количественные соотношения видов рыб, ловимых жителями Боршевского городища. В исследованном материале найдено:

	Колич.	%
Acipenser ruthenus	1	0.5
Acipenser stellatus	1	0.5
Rutilus frisii . .	12	6.4
Scardinius erythrophthalmus	2	1.0
Aspius aspius	13	6.9
Abramis brama	29	15.3
Cyprinus carpio	3	1.6
Silurus glanis	6	3.2
Esox lucius	105	55.5
Lucioperca lucioperca	16	8.5
Perca fluviatilis	1	0.5

В наибольшем количестве, таким образом, ловилась щука, а это указывает, что в рыболовстве существенную роль играли крючковые орудия лова. Неводы и другие более промысловые орудия лова жителями Боршевского городища, судя по видовому составу исследованного материала, несомненно употреблялись.[5] Наряду с ними существенную и, повидимому, не меньшую роль играли и менее уловистые крючковые орудия лова, что имеет место обычно в тех случаях, когда рыбный промысел не дает больших уловов, удельный вес его в хозяйстве не является особенно большим и вылавливаются лишь наиболее крупные рыбы наиболее ценных видов.

---

[1] Цифры перед знаком плюс обозначают кости левой стороны, после — правой.

[2] Н. И. Чугунова. Биология судака Азовского моря. Тр. Азовско-черном. научно-пром. эксп., вып. 9, 1931, стр. 147.

[3] Ф. Ф. Егерман, ук. 1926, стр. 72.

[4] Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР, II. Изд. Всес. инст. озерн. и речн. рыбн. хоз., 1933, стр. 760.

[5] В раскопках найдены грузила.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русское население на Дону в VIII—X вв.	5
Большое Боршевское городище .	14
Малое Боршевское городище	72
Курганный могильник у с. Боршева	79
Кузнецовское городище	91
Раскопки Воронежского областного музея в 1933—1934 Кузнецовском городище	102
Городище у Михайловского кордона	107
Исследование курганов около Кузнецовского городища	110

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа . . .	113
А. Н. Световидов. К истории ихтиофауны р. Дона .	124

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совет Академии Наук СССР

Редактор издательства *О. Т. Попова.* Технический редактор *Е. Н. Симкина*
Корректоры: *А. К. Бессмертная* и *В. Т. Макарова.*

РИСО АН СССР № 1044. А-00377. Тип. заказ № 3587. Под. к печ. 2/III 1948 г. Форм. бум. 60×92¹/₈. Печ. л. 16. Уч.-издат. 17,75. Тир. 2000. Цена в переплете 17 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва. Шубинский пер., д. 10

Исправления

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
37	21 св.	(табл. V, *1*)	(табл. IV, *1*)
37	31 »	(табл. V, *2*)	(табл. IV, *2*)
42	25 »	(табл. V)	(табл. IV)

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. «Древнерусские поселения на Дону».